

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования**

**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

ВОЛКОВ РОМАН СЕРГЕЕВИЧ

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕНТИЧНОСТИ И УРОВНЯ СПОРТИВНЫХ
ДОСТИЖЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ И ЮНИОРОВ,
ЗАНИМАЮЩИХСЯ БОКСОМ**

Специальность 5.3.5 – «Социальная психология, политическая и экономическая
психология» (психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, профессор
Сачкова Марианна Евгеньевна

Москва 2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ: КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ	18
1.1. Идентичность как социально-психологический феномен в философских и социологических трудах	18
1.2. Психологические теории, концепции и модели идентичности	27
1.3. Социально-психологические аспекты формирования идентичности в подростковом и юношеском возрасте.....	43
1.4. Гендерные и половые особенности становления идентичности	54
1.5. Социально-психологический подход к исследованию идентичности в области спорта.....	61
ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ	73
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИДЕНТИЧНОСТИ И УРОВНЯ СПОРТИВНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ И ЮНИОРОВ	76
2.1. Организация и методы исследования.....	76
2.2. Особенности самоотношения, групповой и организационной идентичности боксеров.....	86
2.2.1. Возрастные особенности самоотношения, групповой и организационной идентичности боксеров.....	91
2.2.2. Особенности самоотношения, групповой и организационной идентичности боксеров разного пола	98
2.2.3. Особенности идентичности боксеров в группах, разделенных по полу и возрасту.....	103
2.3. Взаимосвязь идентичности с уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом	124
2.4. Вклад идентичности в уровень спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом	140
ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ	156

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	164
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	191
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	195
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	196
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	201
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

В условиях неопределенности и перманентной трансформации общества проблема идентичности занимает центральное место в социальной психологии и при этом затрагивает практически все возрастные группы [Эриксон, 1996а; Ядов, 1995; Андреева, 2002; Иванова, 2003; Шнейдер, 2007; Белинская, 2006 и др.]. Так, в последнее время за рубежом все чаще стали появляться работы, опирающиеся на идеи теории социальной идентичности (ТСИ) и теории самокатегоризации (ТСК), где фиксируются разного рода взаимосвязи между идентичностью и эффективностью спортивной деятельности [Bruner, 2015; Martin, 2016; Bruner, 2017; Slater, 2018; Vella, 2020; Murray, 2022]. Однако остается непонятной взаимосвязь между разными видами идентичности (личностной и социальной) и результатами спортивной деятельности в отношении спортсменов подростково-юношеского возраста, занимающихся индивидуальными, «традиционно мужскими» видами спорта – например, боксом.

Занятие боксом сопровождается большими физическими и психологическими нагрузками, в связи с этим перед специалистами (методистами, тренерами, спортивными врачами и психологами) встает целый ряд вопросов в отношении эффективности тех или иных методов тренировок, которые направлены на повышение спортивных результатов боксеров, но при этом учитывают их социо-демографические и социально-психологические особенности. Существенным моментом является и то, что за последние десятилетия в нашей стране стремительно возросло количество девушек, занимающихся «традиционно мужскими» видами спорта¹, включая бокс. Результаты ряда исследований уже показали, что занятие маскулинными видами спорта оказывает неоднозначное воздействие на становление самоотношения девушек-спортсменов [Дамадаева, 2010; Усольцева, 2015], однако до сих пор не

¹ См. <https://www.forbes.ru/forbes-woman/428237-besh-kak-devchonka-kak-rossiyskiy-zhenskiy-boks-otvoevyvaet-mesto-v-mirovom>

раскрыт непосредственный или опосредованный вклад идентичности в повышение эффективности профессиональной деятельности.

Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью определить, какую именно роль играет *идентичность* в достижении спортивных результатов у спортсменов подростково-юношеского возраста, занимающихся индивидуальными, «традиционно мужскими» видами спорта (на примере Федерации бокса России). При этом назрела необходимость исследовать данную проблематику не отдельно, а в совокупности всех видов идентичности.

Степень научной разработанности проблемы

В науке нет единого теоретико-методологического подхода к изучению феномена идентичности, поскольку данная проблематика является междисциплинарной и зависит от той научной парадигмы, в рамках которой она разрабатывается. Онтологические и гносеологические проблемы идентичности рассматривались в классических и современных философских, социологических подходах (И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, А. Камю, М. Бубер, А. Шюц, Э. Гуссерль, П. Бергер, Т. Лукман и мн. др.).

В психологии понятие идентичности тесно завязано с представителями психоаналитической школы (Э. Эриксон, Дж. Марсиа, А. Ватерман и др.), гуманистического подхода (Э. Фромм, К. Роджерс, А. Маслоу, В. Франкл и др.), ситуативного подхода (М. Шериф, Д. Кемпбелл и др.).

Наиболее актуальными на данный момент за рубежом являются теория социальной идентичности (ТСИ) Г. Тэджфела и теория самокатегоризации (ТСК) Дж. Тернера [Tajfel, 1985; Turner, 2010; Howansky, 2019; Huey, 2019; Zahra, 2021; Crocetti, 2016; Oian, 2020 и др.]. В структуре идентичности авторы выделяют личностную (ЛИ) и социальную (СИ) идентичность, которые составляют основу Я-концепции. При этом в рамках ТСИ и ТСК остаются противоречивые суждения в отношении понимания подвидов, структуры и факторов, детерминирующих развитие идентичности [Cameron, 2004; Riketta, 2009; Gonzales-Miranda, 2020;

Wenger, 2020; De Giorgio, 2022; Андреева, 2010; Белинская, 2006; Иванова, 2003; Костинская, 2003; Грачев, 2015; Успенская, 2019; Сидоренков, 2020].

В отечественной психологии разработка теории идентичности носит междисциплинарный характер, где ведущие позиции занимают социально-психологические исследования [Кон, 1984; Ядов, 1995; Гинзбург, 1994; Андреева, 2000, Иванова, 2003; Шнейдер, 2007; Белинская, 2006; Тихомандрицкая, 2000; Микляева, 2009; Григорьева, 2020 и др.]. Собственно, понимание феномена *идентичности* в рамках данного направления соотносится с приобретением индивидом норм, ценностей и моделей поведения за счет включения в различные социальные группы. Проводится также немало исследований для определения процессов становления идентичности с учетом возрастных различий [Божович, 1995; Белева, 2001; Савина, 2003; Сахарова, 2013; Трофименко, 2013; Ярышева, 2010; Ведерникова, 2016]. Есть работы, где подробно раскрывается динамика развития отдельных видов идентичности (личностной, профессиональной и др.) в гендерном контексте [Ожигова, 2006; Шнейдер, 2007; Кузьмин, 2015; Кузьмин, 2016; Григорьева, 2020]. Вопросы групповой идентичности (ГИ) школьников отражены в работах О.В. Васьковой [Васькова, 2012, 2013], спортсменов – в исследованиях Е.В. Шапкиной, О.В. Гребенниковой, В.Д. Байрамовой [Шапкина, 2008; Гребенникова, 2012; Байрамова, 2016]. Однако до конца не решенными остаются не только теоретические, но и методологические проблемы изучения идентичности [Иванова, 2003; Шнейдер, 2007; Белинская, 2006 и др.].

В рамках теории деятельности вопросы, связанные с развитием *идентичности*, могут быть рассмотрены при помощи конструкта «самоотношение», в структуру которого входят «самоуважение», «самоинтерес», «самопознание», «саморегуляция» и другие компоненты [Столин, Пантилеев, 1988]. В большинстве работ, посвященных проблеме самоотношения, авторы определяют его как центральный элемент *личностной идентичности*, выполняющий интегрирующую функцию и отражающий степень ее развития. Н.И. Сарджвеладзе и С.Р. Пантилеев решают проблему самоотношения в социально-психологической плоскости, рассматривая его в логике двух

взаимосвязанных систем: «личность-социум» [Сарджвеладзе, 2013; Пантеев, 1991].

В исследованиях анализировались возрастные особенности, динамика развития самоотношения в подростковом и юношеском периодах [Беляева, 2001; Ярышева, 2010; Сaitова, 2014; Рушина, 2015], гендерные особенности самоотношения [Афанасенко, 2012; Бондаренко, 2009; Гольцова, 2017, Леонова, 2022], связи между самоотношением и профессиональной направленностью личности [Гапонюк, 2011; Колпакова, 2018; Гаранина, 2019; Васильева, 2019]. Однако в сфере спорта социально-психологическая трактовка данного феномена практически не разрабатывалась [Цикунова, 2003; Багадирова, 2014; Усольцева, 2014], а гипотеза о существовании взаимосвязи между компонентами самоотношения и результатами спортивной деятельности не рассматривалась.

Специалистами широко изучается специфика влияния спортивной деятельности на развитие Я-концепции и социализации личности [Жилин, 2003; Чернобровкина, 2015; Носенко, 2017; Симонова, 2017; Ольшанская, 2009; Светлова, 2014; Шестиловская, 2018; Остапенко, 2019]. На базе научно-исследовательских институтов разрабатываются диагностические методики, при помощи которых можно прогнозировать успешность выступления профессиональных атлетов [Марищук, 1980; Сопов, 2010]. Существуют работы, в которых изучается влияние индивидуально-психологических (мотивы, установки, самоконтроль, эмоциональные состояния и др.) и социально-психологических (характер межличностных и межгрупповых отношений и др.) факторов на спортивные результаты [Родионов, 1987; Коломейцев, 1974; Огородова, 2013; Донцов, 2019; Сохликова, 2017]. Исследователями проверяются гипотезы о взаимосвязи между типом взаимоотношения в системе «спортсмен-тренер» и высокими спортивными достижениями [Светлова, 2014], между СИ и лидерскими качествами, сплоченностью в команде, успешностью в достижении общих (групповых) и индивидуальных целей [Hogg, 2004; Bruner, 2017; Rees, 2015; Martin, 2016; Murray, 2021]. При этом все чаще появляются работы, где авторы поднимают проблематику развития идентичности в «типичных мужских» видах

спорта, например, при занятии боксом [Арансон, 2021]. Но заметим: практически неизученным остается вопрос о том, какую роль играет идентичность как социально-психологический фактор в повышении результативности спортивной деятельности у спортсменов подростково-юношеского возраста, занимающихся индивидуальными видами спорта (в том числе – маскулинными).

Таким образом, в теории идентичности малоизученным остается вопрос о взаимосвязи между компонентами самоотношения (как центрального элемента ЛИ) и компонентами СИ (групповой и организационной) с уровнем спортивных достижений (УСД) у атлетов, занимающихся индивидуальными, «традиционно мужскими» видами спорта.

Цель исследования – выявить взаимосвязь между компонентами самоотношения (как центрального элемента личностной идентичности) и компонентами социальной идентичности с уровнем спортивных достижений у спортсменов подростково-юношеского возраста, занимающихся боксом.

Объект исследования: феномен идентичности в подростково-юношеский период.

Предмет исследования: специфика взаимосвязи компонентов идентичности с уровнем спортивных достижений у боксеров подростково-юношеского возраста.

Задачи исследования:

1. Проанализировать классические и современные теоретико-методологические подходы, изучающие феномен идентичности;
2. Выявить половые и возрастные различия идентичности в подростково-юношеском возрасте у спортсменов, занимающихся боксом;
3. Установить взаимосвязи между компонентами идентичности и уровнем спортивных достижений у юных боксеров;
4. Определить величину и характер вклада компонентов идентичности в уровень спортивных достижений у боксеров подростково-юношеского возраста.
5. Предложить практические рекомендации по проблемным вопросам для тренеров и спортивных психологов с учетом половозрастных особенностей юных

боксеров, полезных для применения в процессе тренировок и на соревнованиях различного уровня.

Гипотезы исследования:

1. Существуют возрастные и половые различия в выраженности компонентов идентичности у спортсменов, занимающихся боксом, при этом:

1.1. У боксеров в старшем подростковом возрасте (15-16 лет) ярче выражены компоненты социальной идентичности, а в юношеском (17-18 лет) – компоненты самоотношения.

1.2. У девочек-боксеров ярче выражены компоненты самоотношения, а у мальчиков-боксеров компоненты социальной идентичности.

2. Существует взаимосвязь между компонентами идентичности и уровнем спортивных достижений (УСД) боксеров, имеющая половозрастную специфику:

2.1. У боксеров в старшем подростковом возрасте существует прямая связь между компонентами социальной идентичности и УСД, в юношеском возрасте существует прямая связь между УСД и компонентами самоотношения.

2.2. У девочек-боксеров существует прямая связь между УСД и компонентами самоотношения, у мальчиков-боксеров существует прямая связь между УСД и компонентами социальной идентичности.

3. У боксеров компоненты идентичности по-разному вносят вклад в изменчивость показателей УСД, при этом существуют половозрастные различия в размере данного вклада:

3.1. У боксеров в юношеском возрасте компоненты самоотношения вносят больше положительного вклада в УСД, чем компоненты социальной идентичности.

3.2. У боксеров в старшем подростковом возрасте компоненты социальной идентичности вносят больше положительного вклада в УСД, чем компоненты самоотношения.

3.3. У мальчиков-боксеров компоненты социальной идентичности вносят больше положительного вклада в УСД, чем у девочек.

3.4. У девочек-боксеров компоненты самоотношения вносят больше положительного вклада в УСД, чем у мальчиков.

Теоретико-методологические основы исследования

- Эпигенетическая теория личности (Э. Эриксон); теории социальной идентичности и самокатегоризации (А. Тэджфел и Дж. Тернер);
- теория деятельности, а также разработанная на ее основании концепция самосознания и самоотношения (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.В. Столин, С.Р. Пантилеев);
- концепция психического развития (Д.Б. Эльконин); концепция гендерной идентичности (Л.Б. Шнейдер); концепция позитивной идентичности (М.Ю. Григорьева);
- трехкомпонентная модель социальной (групповой) идентичности (Дж. Камерон, М. Брунер и др.); трехкомпонентная модель организационной идентичности (Н.Л. Иванова, А.В. Сидоренков, С.А. Грачева, Д.Г. Кучерова, О.А. Успенская и др.);
- работы, изучающие возрастные различия в параметрах идентичности [Беляева, 2001; Орестова, 2001; Савина, 2003; Ильин, 2009; Васькова, 2012 и др.];
- исследования, выявляющие половые и гендерные различия в параметрах идентичности [Усольцева, 2015; Григорьева, 2020 и др.];
- работы, изучающие особенности развития идентичности в рамках спортивных организаций [Жилин, 2003; Зернова, 2016; Дамадаева, 2010; Арансон, 2021 и др.];
- работы, выявляющие социально-психологические факторы результативности спортивной деятельности [Родионов, 1987; Коломейцев, 1974; Сохликова, 2019; Шестиловская, 2018; Арансон, 2021 и др.].

Этапы исследования:

Первый этап (2019-2020). Теоретическая часть работы, которая заключалась в анализе методологической базы и разработанности проблемы исследования, а также в подборе комплекса социально-психологических методик.

Второй этап (2020-2021). Эмпирическая часть исследования (сбор эмпирических данных) проводилась в очном формате в период 2020-2021 гг. на первенствах России по боксу среди мальчиков и девочек старшего подросткового возраста (возраст 15-16 лет) и среди юниоров и юниорок (юношеский возраст 17-18 лет).

Третий этап (2021-2022). На завершающем этапе исследования проводилась первичная и вторичная обработка полученных эмпирических данных, апробация результатов (написание и публикация научных статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, выступления на всероссийских и международных конференциях), подготовка основного текста диссертации.

Выборка

В исследовании приняло участие 360 спортсменов, являющихся членами Федерации бокса России: 1 группа (180 человек) - девушки в возрасте 15-18 лет, квалификация 1 разряд – КМС – МС; 2 группа (180 человек) – юноши в возрасте 15-18 лет, квалификация 1 разряд – КМС – МС. Для дальнейшего анализа вся выборка была поделена на четыре группы по 90 человек по полу и возрасту: 1 группа – девочки-подростки (возраст 15-16 лет), квалификация 1 разряд – КМС; 2 группа – мальчики-подростки (возраст 15-16 лет), квалификация 1 разряд – КМС; 3 группа – юниорки (возраст 17-18 лет), квалификация 1 разряд – КМС – МС; 4 группа – юниоры (возраст 17-18), квалификация 1 разряд – КМС – МС.

Методики исследования:

1. Для измерения **уровня спортивных достижений** (УСД) применялась методика измерения результативности спортивной деятельности [Сохликова, 2017];

2. Для исследования самоотношения как центрального элемента **личностной идентичности (ЛИ)** применялся «Опросник Самоотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева [Пантилеев, Столин, 1993];

3. Для исследования **групповой идентичности (ГИ)** был использован опросник А.Р. Грациани, М. Рубини, А. Палмонари, С. Костарелли, Р.М. Калла в адаптации О.В. Васьковой [Васькова, 2013];

4. Для исследования **организационной идентичности (ОИ)** применялся опросник А.В. Сидоренкова [Сидоренков, 2020].

В качестве методов обработки эмпирических данных использовались: непараметрический критерий U-Манна–Уитни, коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена, метод иерархической (последовательной) множественной регрессии (МРА). Обработка данных осуществлялась в программе SPSS 22.0.

Теоретическая значимость и научная новизна исследования

1. С опорой на основные социально-психологические подходы представлена модель идентичности, состоящая из 3-х видов (личностная, групповая и организационная идентичность), каждый из которых структурирован по 3-м компонентам: когнитивный, аффективный и поведенческий. В рамках диссертационной работы модель была верифицирована, что позволило прийти к заключению о возможности ее применения в социально-психологических исследованиях по проблеме идентичности в разных типах групп.

2. В исследовании впервые получены эмпирические данные о половозрастных различиях в выраженности компонентов самоотношения как центрального элемента личностной идентичности, групповой (в отношении спортивной группы, где регулярно тренируются спортсмены) и организационной идентичности (в отношении Федерации бокса России) у спортсменов старшего подросткового и юношеского возраста, занимающихся индивидуальным, «традиционно мужским» видом спорта.

3. Выявлена взаимосвязь между уровнем спортивных достижений и компонентами самоотношения, социальной (групповой и организационной) идентичности у спортсменов подростково-юношеского возраста, занимающихся боксом. В том числе установлена специфика взаимосвязей между УСД и компонентами идентичности у боксеров разного пола и возраста.

4. Определен вклад компонентов самоотношения и социальной идентичности в УСД боксеров, в том числе впервые выявлены половозрастные различия данного вклада, а также показана неоднозначность роли идентичности в эффективной деятельности боксеров-юношей и девушек.

В целом полученные результаты исследования дополняют и уточняют классические и современные представления по проблеме идентичности, а также расширяют понимание ее взаимосвязи с успешностью спортивной деятельности в подростково-юношеский период.

Практическая значимость исследования

Результаты, полученные в исследовании, могут широко использоваться специалистами, работающими в спортивных организациях (руководителями, педагогами, тренерами, спортивными психологами и др.). Посредством представленной трехкомпонентной модели можно контролировать выраженность показателей идентичности спортсменов, осуществляющих подготовку к соревнованиям разного уровня. Данное направление работы требует особого внимания специалистов в современных условиях санкций и дискриминации, проявляющейся в отношении российских спортсменов международного класса.

Для тренеров и спортивных психологов полученная информация может носить как прогностический характер, так и стать основой для разработки программ психологической подготовки их подопечных к соревнованиям, в том числе после снятия существующих на данный момент ограничений. С опорой на результаты диссертационного исследования рекомендуется разрабатывать тренинговые программы социально-психологической подготовки спортсменов и индивидуальные программы психологической коррекции и психологического консультирования.

Положения, выносимые на защиту

1. Структура идентичности включает в себя три компонента: когнитивный, отражающий результаты процесса самокатегоризации, аффективный, фиксирующий положительные и отрицательные самооценки и оценки ин-группы, поведенческий, определяющий степень выраженности установок к действию

индивида (на личностном уровне – в соответствии с собственными убеждениями, на социальном уровне – в логике групповой и организационной принадлежности). Компоненты идентичности неравнозначно представлены у спортсменов-боксеров подросткового и юношеского возраста.

2. Наиболее выраженными у боксеров являются когнитивные компоненты самоотношения (самопринятие и самоинтерес), а наименее выраженными – аффективные компоненты (ожидаемое отношение от других и самообвинение). При этом показатели самоотношения имеют возрастную и половую специфику: в юношеском возрасте (17-18 лет) они выше, чем в старшем подростковом (15-16 лет) и ярче проявляются у девушек-спортсменок. Наибольшие различия по полу в показателях самоотношения наблюдаются в юношеский период.

3. Групповая идентичность у боксеров представлена в большей степени аффективными (сплоченность и коллективная самооценка), нежели когнитивными (нисходящее сравнение и центральность) и поведенческими компонентами (межгрупповая конкуренция и времяпрепровождение). При этом показатели ГИ имеют возрастную и половую специфику: у юниоров более выражены аффективные и поведенческие компоненты в сравнении с подростками; у девушек-подростков выше когнитивные показатели, чем у юниорок. Различия по полу в показателях ГИ ярче проявляются в юношеском, нежели подростковом возрасте.

4. Организационная идентичность юных боксеров представлена больше аффективными, чем когнитивными и поведенческими компонентами. При этом показатели ОИ имеют возрастную и половую специфику: у девочек-боксеров сильнее выражены показатели когнитивного и аффективного компонентов, а у мальчиков-боксеров – показатели поведенческого компонента. При этом у девочек показатели ОИ ярче выражены в старшем подростковом периоде, у мальчиков – в младшем. Возрастных различий нет. Различия по полу в показателях ОИ ярче проявляются в юношеском, нежели подростковом возрасте.

5. Когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты самоотношения связаны с УСД боксеров. В старшем подростковом возрасте эта связь прямая, а в

юношеский период имеет разнонаправленный характер. Половые различия проявляются в том, что у девушек данная связь только положительная, а у мальчиков она не такая сильная и при этом разнонаправленная. У девочек-подростков присутствуют как прямые, так и обратные связи, а у юниорок связи только прямые. У мальчиков-боксеров корреляции между УСД и компонентами самоотношения носят как прямой, так и обратный характер, при этом в юношеском возрасте количество связей становится меньше.

6. Существует прямая взаимосвязь между УСД и всеми компонентами групповой идентичности. В старшем подростковом возрасте связи прямые, а в юношеском – разнонаправленные. У девушек связи только прямые, а у юношей как прямые, так и обратные, при этом с возрастом их становится больше.

7. Когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты организационной идентичности связаны с УСД боксеров. У девушек УСД напрямую связана с когнитивным и аффективным компонентами, а у юношей со всеми компонентами ОИ. Половозрастная специфика проявляется в том, что у девушек данная связь с возрастом по когнитивному компоненту снижается, а по поведенческому исчезает; у мальчиков данная связь существенно не изменяется.

8. У боксеров когнитивный и поведенческий компоненты ОИ и поведенческий компонент ГИ вносят положительный вклад в изменение показателей УСД, а компоненты самоотношения вносят разнонаправленный вклад: поведенческий – положительный, аффективный – отрицательный. Размер и характер вклада детерминирован половозрастными различиями юных спортсменов. У подростков наибольший положительный вклад в УСД вносят когнитивные и поведенческие компоненты ОИ, а у юниоров когнитивный компонент ОИ и аффективный компонент самоотношения. У девочек-подростков больший вклад в УСД вносит когнитивный компонент ОИ, а у юниорок поведенческий компонент самоотношения. У мальчиков-подростков больший вклад в УСД вносят компоненты самоотношения и ОИ, а у юниоров компоненты ГИ.

Достоверность и обоснованность результатов исследования, а также сформулированные на их основании выводы обеспечены теоретико-методологической разработкой проблемы, применением адекватных целям и задачам эмпирических методов сбора данных. Исследование выполнено на репрезентативной выборке с использованием методов статистического анализа эмпирических данных. Доказательность аналитических выводов также связана с учетом факторов, способных повлиять на результаты исследования.

Работа соответствует паспорту научной специальности 5.3.5 – «Социальная психология, политическая и экономическая психология»: п.11. Исследование психологических этапов, механизмов, видов и институтов социализации, формирования социальной идентичности личности. Социальная психология личности; п. 16. Исследования Я-концепции. Персональная и социальная идентичность: структура, функции, динамика. Факторы формирования и развития различных видов идентичности.

Апробация результатов исследования

Результаты эмпирико-теоретического исследования по теме диссертации обсуждались на научных семинарах и заседаниях кафедры общей психологии факультета психологии ИОН РАНХиГС.

На материале проведенного исследования были подготовлены и опубликованы в периодических научных изданиях и сборниках 11 статей и тезисов докладов, в том числе 4 статьи в рекомендованных журналах ВАК РФ и ФГБОУ ВО РАНХиГС:

1. Волков, Р.С. Взаимосвязь организационной идентичности и уровня спортивных достижений у девушек и юношей, занимающихся боксом / Р.С. Волков // Спортивный психолог. – 2021. – № 3(60). – С. 29-34.

2. Сачкова, М.Е., Волков, Р.С. Особенности групповой идентичности и ее взаимосвязь с уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом / М.Е. Сачкова, Р.С. Волков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 54-70.

3. Волков, Р.С., Сачкова, М.Е. Актуальные направления зарубежных исследований идентичности подростков / Р.С. Волков, М.Е. Сачкова [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2022. – Том 11. – № 2. – С. 122—130.

4. Волков, Р.С. Особенности вклада идентичности в уровень спортивных достижений у девушек и юношей, занимающихся боксом / Р.С. Волков // Психология и педагогика спортивной деятельности. – 2022. – № 3-4(63). – С. 26-30.

Основные идеи и выводы диссертационного исследования были представлены на всероссийских и международных научных конференциях: V-VII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (Москва, 2020-2023); IV-V Международная научно-практическая конференция «Психология в системе социально-производственных отношений» (Красноярск, 2021-2022); III Всероссийская научно-практическая конференция с применением технологий дистанционного онлайн-участия «Психология и педагогика: актуальные проблемы теории и практики» (Москва, 2021); II-III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Теория и методика ударных видов спортивных единоборств» (Москва, 2022-2023); XV Международная научно-практическая конференция по проблемам развития эффективных практик социально-психологической помощи подросткам и их социальному окружению «Подросток в мегаполисе: новая реальность» (Москва, 2022); XIX Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Рудиковские чтения» (Москва, 2023); Международная научно-практическая конференция «Ананьевские чтения» (Санкт-Петербург, 2023).

Структура диссертации

Текст диссертации состоит из введения, двух глав, заключения, практических рекомендаций, списка литературы (включает 260 наименований, из которых – 64 на английском языке), 5 приложений, 31 рисунка и 39 таблиц. Объем диссертации – 191 страница.

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ: КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Понятие идентичности имеет междисциплинарный характер, поэтому встречается в философии, социологии, психологии, педагогике, политологии и других научных дисциплинах.

1.1. Идентичность как социально-психологический феномен в философских и социологических трудах

Проблематика нашего исследования требует начать теоретико-методологический анализ с обзора классических и современных философских и социологических подходов, в которых изучался феномен идентичности: во-первых, мы постараемся установить, как исторически теория и практика идентичности получила социально-психологический статус в гуманитарных науках, а во-вторых выявить возможности и ограничения данных подходов в процессе решаемых нами задач.

В первую очередь необходимо определиться с самим понятием идентичности. В новой философской энциклопедии термин **идентичность** В.М. Малаховым интерпретируется как дефиниция, описывающая индивидов и социальные группы в качестве «относительно устойчивых целостностей, тождественных самим себе» [Малахов, 2001, стр. 78-79]. В буквальном переводе «identity» имеет два значения: узнавание и отождествление. Например, в работе П. Рикера «Повествовательная идентичность» указывается на то, что слово «идентичность» состоит из двух латинских корней: «idem» и «ipse». Первое «idem», «идентичный» – это синоним «аналогичного», отражающее стабильность во времени; в противоположном значении – «изменяющийся». Второе значение «ipse», термин «идентичный» связан с понятием «самости» (ipseite), self, «себя самого», тождественность самому себе; в противоположном значении – «другого» [Рикер, 1995]. Стоит отметить, что в русском языке слово идентичность появляется только во второй половине XIX века, а до этого его заменяло имеющее глубокие философские корни понятие «тождество», обозначающее совпадение или соответствие с чем-либо.

С опорой на концепцию идентичности в философии решаются два основных вопроса: первый – это сходство и различие между объектами, второй – изменение объектов с течением времени (идентичность как процесс и как результат). Идея о существовании идентичности появилась еще во времена античной философии (Парменид, Сократ, Платон, Аристотель). Считается, что Парменид был одним из первых мыслителей, кто обозначил проблему идентичности, формулируя принцип тождества бытия и мышления. Позднее Сократ сместил данную проблему в область морали и выдвинул идею о том, что знания, которыми обладает человек, тождественны его добродетели. Этот концепт уже в 21 веке получил плодотворное развитие в работах В.В. Тепикина, где утверждается, что знания должны быть тождественны добродетели у представителя цивилизованного интеллигентного общества будущего, в ином случае человека на планете ожидает крах – полная физическая гибель [В.В. Тепикин, 2020].

Идеи Сократа нашли развитие в трудах Платона, утверждавшего: исходя из преобладания тех или иных знаний, человек приобретает профессию и тем самым находит свое место в обществе [Платон, 1994]. Аристотель понимал феномен идентичности как универсальную и фундаментальную категорию бытия.

В эпоху Нового времени в работах Д. Локка и Д. Юма впервые появился собственно термин «идентичность», под которым мыслился результат процесса становления индивидуального сознания человека. При этом философы считали, что только при помощи научного подхода можно по-настоящему решить проблему идентичности, а также предпринимали первые попытки описать процесс ее становления. К решению проблемы тождества вернулись представители классической немецкой философии, она решалась ими в контексте рационального мышления (Р. Декарт, Б. Спиноза, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель и др.). И. Кант понимал тождество в логике дуализма и отделял его от мышления, а при помощи конструкта идентичности предлагал рассматривать траекторию развития отдельного индивида [Кант, 1999]. В отличие от И. Канта для Г.В.Ф. Гегеля тождество и мышление были едины, а процесс формирования идентичности он

предлагал изучать в рамках крупных, устойчивых социальных категорий, например, наций [Гегель, 1990]. В работах неклассических философов М. Хайдеггера, Ф. Ницше, О. Шпенглера, С. Кьеркегора идентичность уже не является самоочевидным фактом, понимается в логике всеобщего бытия. Например, мыслители К. Ясперс и Э. Гуссерль рассматривали идентичность в контексте существования человека и его жизненных проблем, при этом они сомневались в приоритете тождества над различием [Гуссерль, 1994].

Представители постнеклассической философии (Т. Адорно, Э. Левинас, М. Фуко и др.) исследовали идентичность в контексте двух систем: природной и общественной, которые одновременно влияют на изменение сущности человека, а значит и на его подлинную идентичность. Например, Э. Левинас отрицал философию тождества, а также превосходство единого над множеством, предлагая свою философию «Иного», в которой множество и бесконечное выходит на первый план [Левинас, 2000]. В философии экзистенциального направления М. Бубера указывалось на необходимость некоего «Ты», которое должно обратить свой взор на «Я», и если не будет «Ты», то это будет не «Я», а «Оно», или по-другому, безличный объект, не обладающий идентичностью [Бубер, 1995]. Другой представитель данного научного течения Ж.-П. Сартр сделал выводы о том, что человек может самостоятельно определять окружающую его реальность, а значит и собственную идентичность [Сартр, 2000].

Пространственно-временные и коммуникативные аспекты идентичности занимали умы философов постмодернистской эпохи (Ю. Хабермаса, Э. Тоффлера и др.). Например, автор теории коммуникативного действия Ю. Хабермас указывал на историчность процесса становления идентичности, при этом самоидентификация рассматривалась автором в рамках группового взаимодействия индивидов [Хабермас, 2001]. Ю. Хабермас выделяет два вида: «естественную идентичность» и «ролевую идентичность». Первую индивид приобретает в процессе выделения своего Я из среды, а вторую в процессе присвоения им правил и норм, принятых в обществе. Таким образом, в результате

взросления у человека должно сформироваться стабильное отношение к собственному Я и понимание себя в логике абсолютной всеобщности и абсолютной индивидуализации [Хабермас, 2001].

В отечественной философской мысли Е.О. Труфанова определяет идентичность как чувство, которое позволяет человеку понимать, кем он является, а также соединять множественные аспекты человеческого «Я» в процессе *социальных коммуникаций*. Несмотря на все сложности в размышлениях, автору удается доказать, что человеческое «Я» представляет собой единую систему, состоящую из множества «Я образов», отражающих специфические особенности поведения человека в конкретной деятельности [Труфанова, 2010].

Анализируя онтологические проблемы идентичности, А.И. Шарофостов находит истоки ее решения в утверждениях греческого философа Парменида о тождестве бытия и мышления. Автор считает, что проблема идентичности заключается в множественности реальности, которая выстраивает иерархическое отношение с человеком, поэтому она должна решаться самим человеком, точнее он сам волен определять, с какой реальностью он себя идентифицирует. С точки зрения философа, раз человек трансцендентное существо, то чувство идентичности может выходить за рамки воспринимаемой им реальности и носить более глобальные, вечные смыслы. Автор замечает, что чувство бытия невозможно сводить к чувству «Я есть», так как для данного утверждения обязательно потребуются «Другие». И раз появляется две инстанции «Я» и «Другие», появляется следующий вопрос «я есть, где и как?». И лишь ответив на него, человек как бы определяется с реальностью, которая для него ближе, и тем самым как бы наполняется чувством целостности, другими словами достигает собственной идентичности [Шарофостов, 2011].

В диссертации О.А. Блиновой *действие* выделено в качестве первоначального механизма, формирующего идентичность человека [Блинова, 2009]. Определяя действие средством, при помощи которого индивид связывает себя с другими людьми, автор утверждает, что в процессе жизнедеятельности личность будет отражать не только результаты своих действий, но и результаты

обращенных на него действий. О.А. Блинова указывает на необходимость *социальной реальности* для формирования идентичности, в рамках которой происходит диалог между «Я» и «Другие» с применением речевых конструкций в форме нарратива [Там же].

Далее, чтобы перейти к анализу социологических подходов к проблеме идентичности, нам необходимо сделать промежуточные выводы. Во-первых, мы установили, что с изменениями в философских умах представлений об устройстве мира и природе человека параллельно менялось и само их отношение к феномену идентичности. Во-вторых, большинство мыслителей поддержали идею о том, что процесс развития идентичности носит культурно-исторический характер, который протекает в рамках двух взаимосвязанных систем «индивидуум-социум», результатом развития должны стать сформированная личность и передовое общество. Данные идеи нашли свое продолжение в социологических трудах.

В социологии идентичность соотносится с такими конструктами, как социальные представления и самооценка. При помощи данных конструктов индивид осознает свою уникальность и неповторимость, а также принадлежность к той или иной социальной группе (этносу, нации, классу, профессии и др.).

Основоположником разработки концепции идентичности в социологии принято считать представителя символического интеракционизма Дж.Г. Мида. Под идентичностью он понимал равновесную, целостную систему, в рамках которой взаимодействуют две инстанции: внутриспсихическое *I* и социальное *Me*. Автор считал, что между *I* и *Me* регулярно ведется внутренний диалог, в ходе которого происходит объединение (синтез) различных частей Я, а результатом является сформированная самость (*self*) или по-другому – идентичность. [Мид, 1996]. Развивая основные положения Дж.Г. Мида, Ч.Х. Кули описывал идентичность как идею или систему идей, которые возникают интуитивно (чувственно) в ходе освоения субъектом значимых для общества деятельности. В отличие от своего коллеги ключевым механизмом, решающим проблему идентичности, Ч.Х. Кули видел не в формировании самости, а в появлении в структуре идентичности «зеркального Я». Автор утверждал, что «зеркальное Я»

является продуктом взаимодействия между людьми и служит средством для выделения персонального «Я» из социального «Мы» [Кули, 1994].

Разработку концепции идентичности, базируясь на положениях Дж.Г. Мида, продолжили создатели теории социального конструкционизма П. Бергер и Т. Лукман. Они описали идентичность в логике структурирования реальности, которая формируется в процессе взаимодействия индивида и общества. По мнению авторов, подлинная идентичность достигается индивидом только при соблюдении следующих условий: принятие в обществе (группе) правил и норм поведения; идентификация с комплексом социальных ролей (принятых в обществе); сохранение собственной индивидуальности; признание идентичности другими членами общества [Бергер, Лукман, 1995]. Для данного исследования ценным является то, что из сделанных П. Бергером и Т. Лукманом выводов мы можем предположить о существовании в структуре идентичности двух инстанций, одна из которых отвечает за сохранение индивидуальных особенностей, а вторая управляет поведением.

Еще одним ярким представителем интеракционистского подхода являлся создатель теории стигматизации И. Гофман. В концепции И. Гофмана выделяются три вида идентичности: *Эго идентичность* – субъективное ощущение индивида; *личностная идентичность* – комплекс уникальных исторических событий, которые происходили с человеком; *социальная идентичность* – выделение типов личности другими людьми на основании принадлежности к той или иной социальной группе [Гофман, 2000]. Для того, чтобы объяснить условия, в которых происходит становление идентичности, автор вводит дополнительные понятия: «ролевая дистанция» и «политика идентичности». Первое необходимо для объяснения, каким образом в процессе смены социальных ролей человек сохраняет уникальность своего «Я». Второе служит для анализа механизмов детерминации и регуляции поведения человека в ситуации неопределенности. Работы И. Гофмана получили широкую известность, так как в них детально объясняются детерминанты поведения человека, однако они заслуженно критикуются из-за трудности в применении на практике.

В отличие от вышеописанных подходов автор теории структуации Э. Гидденс разрабатывает концепцию идентичности в логике системного подхода. Идентичность понимается автором в контексте набора социальных установок, которые могут изменяться в процессе самоидентификации (рефлексии внутренних переживаний) индивидом [Гидденс, 2004]. Другой представитель системного подхода Н. Луман рассматривает идентичность в рамках установленных индивидом социальных связей и занимаемых им социальных позиций. По мнению Н. Лумана, формирование идентичности происходит на основании двух параллельно протекающих процессов: социального взаимодействия и внутренних переживаний (самоотношения) индивида [Луман, 2004]. Для данного исследования важным является то, что в системном подходе особо выделяется активность индивида в ходе становления (конструирования) собственной идентичности. Однако, на наш взгляд, авторы недостаточно раскрывают детали в отношении внутренних средств и ресурсов, с помощью которых формируется идентичность, а лишь указывают на сами процессы (самоидентификацию и самоотношение).

Идеи системного подхода отражены и в работах представителя структурного функционализма, автора теории социального действия Т. Парсонса. В данном подходе концепция идентичности рассматривается в контексте взаимодействия двух взаимосвязанных систем (социальной и персональной). Важно заметить, что в работе Т. Парсонса *индивидуальная и социальная идентичность* выделяются в качестве отдельных категорий, и определяются они через систему кодов, которые в процессе расшифровки становятся руководством к осуществлению индивидуальных и групповых действий [Парсонс, 1998]. Хотя идеи из теории социального действия внесли большой вклад в понимание ряда социологических феноменов, однако они часто критикуются за излишнюю конформистскую позицию и статичность, где человек практически лишается внутренней (собственной) активности.

В феноменологическом подходе делается попытка объяснить влияние социальной реальности на психологический мир индивида. Например, А. Шюц

рассматривает персональную идентичность в рамках социальной идентичности, где внутренний мир индивида ограничивается другими «Я», а степень органичности зависит от степени близости или удаленности между его собственным «Я» и «Я» других людей [Шюц, 2002]. Однако автор не предложил методы, с помощью которых можно было бы измерить расстояния между различными «Я», что является, на наш взгляд, слабым местом данного подхода.

Продолжая анализ социологических подходов, в которых изучается концепция идентичности, необходимо отметить яркого представителя детерминистского направления П. Бурдьё. Автор не выделял проблему идентичности как отдельную, однако подробно описал механизмы ее становления, используя понятие «габитус» [Бурдьё, 1994]. Габитус в концепции П. Бурдьё – это важный компонент в процессе формирования социальной идентичности, который на основании индивидуальных и коллективных практик позволяет индивидам создавать классовые структуры (группы), необходимые для их существования. Автор условно выделил два вида габитуса: групповой и индивидуальный. Первый указывает на принадлежность индивида к той или иной социальной группе, второй зависит от первого и отражает изменения в представлениях индивида о своем месте в обществе.

Из современных социологических направлений, изучающих идентичность, выделяется концепция «дифференцированного расизма» Э. Балибара и И. Валлерстайна. Авторы считают, что выраженность социальной идентичности меняется от общества к обществу, особенно это проявляется в различии образа жизни и традиций [Балибар, Валлерстайн, 2004]. Ученые приходят к выводу о том, что социальная идентичность является исторической конструкцией и постоянно находится в состоянии реконструкции, и чем более глобальна категория идентичности (например, нация), тем четче она соотносится с мелкими идентичностями (например, социальными группами).

Особое место в философских и социологических подходах занимают работы, где отдельно разрабатывалась категория самоотношения [Вэтра, 2022]. Представители классической философской школы рассматривали формирование

самоотношения в процессе жизнедеятельности индивида и определяли его как социально-психологический атрибут личности (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель и др.). В рамках экзистенциальной психологии авторы связывали становление самоотношения с проблемой «свободы выбора» и раскрытием творческого потенциала личности (К. Ясперс, А. Камю, А. Шопенгауэр и др.). Дж. Мид и Ч. Кули рассматривали проблематику самоотношения в рамках группового взаимодействия, при этом авторы отмечали, что самоотношение индивида напрямую зависит от отношения социального окружения к его «Самости». Наиболее значимой для нас является теория социального научения А. Бандуры, в которой самоотношение соотносилось с результатами деятельности. При этом автор отмечал, что высокая продуктивность меняет не только отношение других людей к личности, но и ее отношение к самой себе (самоотношение) [Bandura, 1977].

Подводя итоги теоретико-методологического анализа классических и современных философских и социологических подходов, можно прийти к следующим выводам:

1. Существуют неоднозначные взгляды на онтологию идентичности, ряд авторов рассматривают идентичность как всеобщее и целостное явление, другие наоборот говорят о ее множественности и структурности.

2. Существуют три основных направления в понимании процесса становления идентичности: в первом ведущая роль отводится внутренней активности индивида (Д. Локк, И. Кант, Ж.-П. Сартр, Дж.Г. Мид и др.); во втором данную роль играет социальное окружение (Э. Левинас, Ч.Х. Кули, П. Бергер, Э. Балибар и др.); в третьем акцент смещается в социально-психологическую плоскость и изучается в рамках взаимодействия двух систем: «индивидуум-социум» (Ю. Хабермас, И. Гофман, Т. Парсонс, А. Шюц и др.).

3. Базируясь на идентичности, можно разделять индивидов на группы, а также использовать ее в качестве средства для управления их поведением;

4. Степень влияния идентичности на личность меняется в зависимости от размера социальной группы, с которой она себя идентифицирует (этнос, класс, профессия и т.д.).

Таким образом, параллельно с развитием культурных, социальных, технологических, экономических и других реалий менялось и научное представление об идентичности. Безусловно, философская и социологическая парадигмы внесли огромный вклад в понимание данного феномена, особенно в части его определения. К наиболее слабым местам проанализированных подходов мы можем отнести недостаточную разработку методической базы, отсутствие экспериментальных проверок выдвигаемых гипотез, трудность в применении на практике. Далее в нашем исследовании мы будем опираться на те классические и современные философские и социологические подходы, в которых идентичность понимается в логике множественного, исторически сложившегося явления, на основании которого индивиды определяют сходства и различия между собой и социальными группами.

1.2. Психологические теории, концепции и модели идентичности

В психологии так же, как и в других социогуманитарных науках, понимание проблемы идентичности напрямую определяется парадигмой, в рамках которой она разрабатывается. В связи с этим мы рассмотрим основные психологические теории, концепции и модели идентичности, выделим их сильные и слабые стороны, проанализируем родственные понятия, подробнее остановимся на методах изучения.

Традиционно считается, что первыми исследователями феномена идентичности в психологии стали представители психоаналитического направления (З. Фрейд, Э. Эриксон, Дж. Марсиа, А. Ватерман и др.) [Мазур, 2010]. З. Фрейд предложил концепцию личности, состоящую из трех инстанций: «Оно» – неуправляемая природа; «Я» – социальная часть психики; «Сверх-Я» – культурные принципы, отвечающие за самоконтроль человека. Особую роль в данной концепции играет «Сверх-Я», с которым идентифицируется «Я», другими

словами, наполняется чувствами, эмоциями и паттернами поведения [Фрейд, 1997].

Продолжая развивать идеи З. Фрейда, автор эпигенетической теории личности Э. Эриксон в работе «Детство и общество» определил идентичность как тождественность личности самой себе и обществу, в котором она живет [Эриксон, 1996а]. При этом он соглашался с З. Фрейдом в том, что главная проблема личности связана с развитием ее Я (Эго), в связи с чем и была предложена концепция Эго-идентичности. Под Эго-идентичностью понимался результат развития природных (биологически заложенных) задатков индивида в контексте культурно-общественного взаимодействия или, по-другому, продукт интеграции различных частей «Я» личности, которые образовались в процессе ее идентификации с другими людьми.

В отличие от З. Фрейда, который утверждал, что становление идентичности происходит в ранние годы жизни ребенка (с момента рождения до 6 лет), Э. Эриксон выделял отроческий период (12-19 лет) как ключевой в ее развитии. Он также не был согласен с З. Фрейдом в том, что главными прототипами, с которыми идентифицирует себя ребенок, являются родители или заменяющие их лица. По мнению автора, не менее важную роль в этом играют друзья, сверстники и другие значимые взрослые. Мотивировал он свою позицию тем, что в подростковом возрасте помимо биологических (телесных) и психологических изменений происходит резкое расширение социального окружения индивида, что в свою очередь требует от него освоения новых социальных ролей, а также смены установок в отношении собственных возможностей и компетенций. По мнению Э. Эриксона основные вопросы, на которые пытается ответить в этот период ребенок, это «Кто Я?», «Куда Я иду?» и «Кем Я хочу стать?». Получая ответы на данные вопросы, он как бы исторически соединяет события, которые происходили с ним в прошлом, происходят в настоящем или могут произойти в будущем, тем самым формируя из них целостный Я-образ [Эриксон, 1996а].

В структуре Эго-идентичности Э. Эриксон выделял два уровня идентичности: личностный (набор физических качеств, темперамент,

способности, характер и др.) и групповой (набор социальных черт, с помощью которых индивид может отличать «своих» от «чужих»). По мнению автора *личностный уровень* идентичности составляет ядро личности, отвечает за ее сохранность, а также защищает ее целостность от внешних угроз. На *групповом уровне* личность находит свое место в обществе через включение и идентификацию с членами значимой для нее социальной группы [Эриксон, 1996б]. В отличие от З. Фрейда Э. Эриксон видел основную проблему развития личности не в антагонизме между ее желаниями и требованиями общества, а в избегании сотрудничества с другими людьми [Там же]. Еще один важный момент, на который обращает внимание Э. Эриксон, это то, что в отроческий период происходит кризис идентичности, у которого может быть два исхода: положительный – успешно освоен набор новых социальных ролей, прогресс и интеграция личности (достигнутая идентичность); негативный – происходит спутанность ролей, регресс и распад личности (диффузия идентичности).

Безусловно, работы З. Фрейда и Э. Эриксона внесли большой вклад в развитие теории идентичности, однако материал для осмысления, который получали ученые в ходе клинической беседы, с их слов, часто носил противоречивый (недостоверный) характер. Таким образом, сделанные авторами выводы могут быть подвержены критике: во-первых, из-за отсутствия возможности проверить их экспериментально; во-вторых, из-за размытости и многозначности определения понятия «идентичность»; в-третьих, возрастные периоды, которые выделяются авторами, несогласованны и имеют достаточно большие временные промежутки; в-четвертых, в них фактически не затрагивается гендерный вопрос в процессе становления идентичности.

Последователь Э. Эриксона Дж. Марсиа, используя метод структурированного интервью, подробно описал процесс становления идентичности, в котором он выделил два этапа – поиск и принятие [Marsia, 1980]. На первом этапе происходит сбор и анализ информации, которая помогает индивиду сделать выбор идентичности. На втором этапе идет последовательное принятие выбранной идентичности. Сопоставляя два этапа, Дж. Марсиа выделяет

четыре статуса идентичности: достигнутая, мораторий, предрешенная, диффузная. В *статусе достигнутой идентичности* субъект характеризуется как рационально мыслящий, способный к зрелым отношениям (проведены этапы поиска и принятия ценностей). В *статусе моратория* субъект находится в активном поиске идентичности, при этом он не принимает те идеалы и ценности, которые ему предлагает общество. В *статусе предрешенной идентичности* субъект лишен возможности самостоятельного развития, полностью принимает ценности и идеалы, навязанные ему родителями или обществом. В *диффузном статусе* у субъекта отсутствует стратегия саморазвития и реализации собственных способностей (не проведен поиск, не приняты идеалы и ценности).

Проанализировав статусную модель идентичности Дж. Марсиа, стоит отметить ее сильную сторону, а именно практическую значимость в психологических исследованиях. Данная модель позволяет исследователю классифицировать субъекты в зависимости от установленного у них статуса и кризиса идентичности. При этом для Э. Эриксона и Дж. Марсиа развитие ЛИ и СИ представляет собой единый процесс: с одной стороны, происходит раскрытие индивидуальных качеств личности, с другой же осуществляется выбор и принятие ценностей в рамках социального опыта [Арутюнян, 2010].

Развивать идеи Дж. Марсиа продолжил А. Ватерман, который проводил исследования в основном на выборке подростков. Автор предположил гипотезу о том, что развитие идентичности носит хронологический характер, где одна стадия сменяет другую в следующей последовательности: диффузная, предрешенная, мораторий, достигнутая [Waterman, 1999]. Однако в аналогичных исследованиях не всегда выявлялась такая хронология, она носила или закольцованный характер, или подтверждалась только в 25% случаев [Злоказов, 2015; Злоказов, 2017]. Также А. Ватерман дополнил предложенную модель Дж. Марсиа двумя измерениями (экспрессивным и неэкспрессивным) и выделил вместо четырех семь статусов идентичности. Для данного исследования такое расширение модели имеет особое значение, т.к. эмоциональный компонент входит в состав большинства современных концепций, описывающих структуру идентичности [Cameron, 2004].

В целом, представители психоаналитического подхода находят согласие в необходимости исследовать идентичность на нескольких уровнях (личностном и социальном), выделяя структурные и динамические аспекты. Однако авторы мало уделяют внимания социальным детерминантам развития идентичности (например, этническим, расовым, классовым или гендерным различиям), останавливаясь в основном на разрешении внутренних конфликтов личности, которые она проецирует на общество.

В отличие от психоаналитического направления в рамках ситуативного подхода внимание ученых при изучении идентичности смещается на социальный уровень – межгрупповой и внутригрупповой (М. Шериф, Д. Кемпбелл и др.). Авторы проводили свои эксперименты, используя классическую формулу бихевиоризма «стимул-реакция», где стимул – это взаимодействие между членами группы, а реакция – возникающие между ними отношения. М. Шериф считал, что идентичность формируется в рамках принадлежности человека к определенной социальной группе. При этом ему удалось установить, что не личностные, а социальные факторы несут основную нагрузку в процессе становления идентичности [Sherif, 1956]. Преимуществом данного подхода мы видим то, что в нем понимание идентичности основывалось не только на отчетах и самоописании респондентов, а и помощи смоделированной самим исследователем экспериментальной ситуации (например, конфликтной или соревновательной).

Другой представитель данного направления Д. Кемпбелл занимался изучением идентичности в контексте разрешения межгрупповых конфликтов, при этом он рассматривал стадии конфликта как независимую переменную, влияющую на зависимую переменную – характер взаимоотношения людей в конкретной социальной группе (сплоченность, вражда, конформизм, солидарность, усиление межгрупповых границ и т.д.) [Campbell, 1967]. По мнению Д. Кемпбелла, изменение показателей групповой идентичности зависит от нескольких факторов: во-первых, от характера эмоционального отношения между членами внутри группы и между группами; во-вторых, от способов борьбы

за необходимые для их существования ресурсы; в-третьих, в понимании интересов сторон конфликта. Было доказано, что в процессе межгруппового конфликта повышается степень идентификации между членами группы, а при сотрудничестве групповая идентичность становится более целостной и осознанной [Там же].

В гуманистическом подходе к синонимам понятия идентичность можно отнести термины «Я-концепция», «Я-образ» и «Самость». К. Роджерс рассматривал «Я концепцию» как сложную психологическую структуру, которая представлена в сознании индивида в форме негативных или позитивных переживаний в отношении собственного «Я-образа» [Роджерс, 1994]. Продолжая идеи К. Роджерса, Р. Бернс определил «Я-концепцию» как систему установок личности в отношении к себе и миру, состоящую из трех компонентов: первый *когнитивный компонент* – формируется в процессе восприятия и осознания индивидом собственного «Я-образа»; второй *аффективный компонент* – отражает эмоциональную самооценку (принятие или непринятие) «Я-образа»; третий *поведенческий компонент* – проявляется в ответных реакциях индивида на внешние стимулы, в зависимости от актуального состояния «Я-образа» [Бернс, 1986].

В свою очередь А. Маслоу определял «Самость» как нравственный опыт личности (ценности, верования, идеи и др.), который она приобретает в процессе решения собственных (жизненных) проблем [Маслоу, 1999]. Другой представитель данного направления – Э. Фромм – использовал концепцию идентичности для понимания проблемы индивидуального и всеобщего. Персональная идентичность, по мнению автора, это то, что отличает личность от других людей, социальная идентичность – это то, что с ними ее связывает (идеи, чувства, традиции и др.). При этом автор обращал внимание на то, что в современном мире, несмотря на возможности человека быть участником широкого спектра общественных организаций, он зачастую теряет свою свободу и уникальность [Фромм, 1994].

Таким образом, проанализировав работы основных представителей гуманистического направления, стоит отметить его сильную сторону в том, что в отличие от других подходов в структуре «Я концепции» авторами выделяются когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты. К слабым местам мы относим следующее: отсутствие методического обеспечения, при помощи которого можно измерять *количественные параметры* рассматриваемых в них конструкторов; определения понятий «Я-концепция», «Я-образ», «Самость» носят многоплановый и неоднозначный характер; гендерная проблематика авторами не рассматривается.

К наиболее востребованному в зарубежной психологии направлению, изучающему феномен идентичности, относится когнитивно-ориентированный подход, где идентичность понимается как социально-психологический конструкт, при помощи которого индивиды присваивают ценности, нормы и правила поведения в конкретной социальной группе. В отличие от своих предшественников создателю теории социальной идентичности (ТСИ) Г. Тэджфелу удалось концептуально выделить два уровня идентичности, используя понятие «межличностный–межгрупповой континуум», а также экспериментально доказать, что при оценке индивидами «своих» и «чужих» групп появляется межгрупповой фаворитизм [Tajfel, 1985]. Так, по мнению автора, в процессе группового взаимодействия, при помощи *метода наблюдения и опроса* можно установить, на каком уровне идентичности находится индивид – межличностном или межгрупповом. При этом автор подчеркивал, что его личность остается целостна, а фиксируемое поведение отображает, на основании каких интересов (собственных или групповых) он принимает решение действовать. Также Г. Тэджфелу удалось выделить два противоположных полюса социальной идентичности – положительный и отрицательный – и доказать, что самооценка индивида напрямую зависит от оценок членов группы, в которую он включен.

Таким образом, проанализировав теорию Г. Тэджфела, можно выделить ряд основных положений:

1. Социальная идентичность формируется в процессе осознания индивидом собственных уникальных свойств и свойств «ин-группы»;

2. В процессе сравнения «ин-группы» с «аут-группой» даже при минимальных различиях возникает межгрупповой фаворитизм;

3. Чем положительнее индивид оценивает «ин-группу», тем выше его самооценка, самочувствие и эффективность;

4. Снижение показателей социальной идентичности негативно влияет на самооценку, самочувствие и эффективность индивидов, они покидают «ин-группу» или делают все возможное, чтобы она стала лучше [Tajfel, 1985].

Дополняет когнитивный подход теория самокатегоризации (ТСК) Дж. Тернера. По мнению автора, формирование *социальной идентичности* является частью процесса самокатегоризации, в котором индивиды определяют себя членами ин-группы в сравнении с членами аут-группы и действуют согласно этому определению [Turner, 2010]. Дж. Тернер отмечал, что процесс формирования социальной идентичности начинается с деперсонализации индивида, степень которой будет зависеть от межкатегориального и внутрикатегориального различия индивида и группы. Всего в процессе самокатегоризации выделяются три уровня, которые располагаются в иерархическом порядке в зависимости от уровня абстракции понятий. Первый уровень, наивысший, описывает человека в категориях бытия как такового. На втором уровне (социальном) человек рассматривается в контексте межгрупповых различий. На третьем уровне (личностном) человек описывается терминами на основании внутригрупповых различий [Turner, 2010].

Преимущество данного подхода мы видим в детально разработанном методическом обеспечении, которое позволяет отслеживать динамику (количественные параметры) компонентов идентичности, а также устанавливать связи с другими переменными. К ограничениям можно отнести то, что, во-первых, методики, разработанные на базе данных теорий, по-прежнему слабо адаптированы к выборке респондентов подростково-юношеского возраста; во-вторых, предлагаемые в них шкалы в основном отражают социальный аспект

идентичности и в меньшей степени личностный [Белинская, 2014]; в-третьих, авторы не делают четкого разделения между понятиями социальная и групповая идентичность; в-четвертых, за рамками анализа остается гендерный вопрос.

Продолжая работу, нам необходимо отметить то, что в отечественной психологии на протяжении долгого времени проблема идентичности отдельно не поднималась, но при этом активно разрабатывалось родственное ей понятие «самосознание» (Л.Н. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, И.С. Кон, В.В. Столин и др.).

Л.С. Выготский определял самосознание как более высокую форму генезиса сознания, функция которого контролировать и регулировать поведение человека [Выготский, 1956]. А.Н. Леонтьев выделял в самосознании две составляющие: знание о себе и осознание себя, которое формируется и развивается в системе общественных отношений [Леонтьев, 2005]. С.Л. Рубинштейн связывал самосознание с развитием самостоятельности личности, произвольности движений, речи и мышления [Рубинштейн, 1999]. Б.Г. Ананьев определял самосознание как свойство личности, которое играет интегративную функцию и определяет конечную структуру ее характера, включая мотивы, установки, представления в форме неповторимого, уникального «жизненного опыта» [Ананьев, 2013]. В свою очередь В.Н. Мясищев возникновение самосознания видел в форме системы эмоционального отношения человека к окружающей действительности, анализируя ее с трех сторон: мира природы, общества и собственно личности [Мясищев, 2003].

В концепции В.В. Столина предлагается рассматривать развитие самосознания на трех уровнях: организменном, индивидуальном и личностном [Столин, 1986]. Стремясь избежать редукционизма, И.С. Кон поместил проблему самосознания в плоскость пересечения междисциплинарных исследований (социологии, философии, психологии и др.). Автор разработал трехуровневую модель самосознания, где каждый уровень включал в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты [Кон, 1984]. И.И. Чеснокова также предложила рассматривать в структуре самосознания три компонента:

самопознание (когнитивный), самоотношение (аффективный) и саморегуляцию (поведенческий) [Чеснокова, 1977]. Несомненно, термин «самосознание» является онтологически и методологически обоснованным аналогом понятиям «идентичность», «Я-концепция», «Я-образ», «Самость», однако к его недостаткам мы относим множественность и размытость по определению.

Особого внимания в отечественной и зарубежной психологии заслуживает разработка понятия самоотношения. У. Джеймс, автор идеи Я-концепции, считал, что самоотношение тесно связано с освоением индивидом социальных ролей, а также с приобретением социального статуса и компетенций в конкретной деятельности [Джеймс, 2020]. По мнению Л. Фестингера, самоотношение напрямую соотносится с самопознанием и самооценкой индивида [Фестингер, 1999]. Для А.М. Новикова самоотношение играет особую роль в установлении межличностных отношений, а также при постановке и достижении целей [Новиков, 2013]. В работе И.С. Клециной подробно описано, как происходит формирование самоотношения в гендерном контексте (отношение к себе как представителю определенного пола) [Клецина, 2009]. В трудах С.Р. Пантилеева и Н.И. Сарджвеладзе конструкт самоотношения занимает центральное место в структуре «Я» личности, выполняющей интеграционную и смысловую функцию в рамках двух взаимосвязанных систем: «личность-социум» [Пантилеев, 1991; Сарджвеладзе, 2013 и др.]. В исследовании Т.Н. Кочетковой под самоотношением понимается отношение индивида к своему Я, которое формируется в процессе социального взаимодействия, в том числе и через рефлекссию достигаемых результатов. При этом есть работы, в которых показано, что через показатели самоотношения можно прогнозировать результаты учебной и профессиональной деятельности [Нижегородцева, 2017; Селезнева, 2015; Вэтра, 2022 и др.]. Отдельной проблемой в рамках изучения самоотношения является выделение в его структуре компонентов: когнитивных, эмоциональных и поведенческих (И.С. Кон, В.В. Столин, С.Р. Пантилеев, Н.И. Сарджвеладзе и др.) [Кочеткова, 2007].

В свою очередь для нашего исследования наиболее значимой является разработанная В.В. Столиным и С.Р. Пантилеевым концепция самоотношения.

Под самоотношением они понимали отношение (принятие-непринятие) индивидом собственного «Я» [Столин, 1986; Пантлеев, 1993]. Авторами была предложена иерархическая модель структуры самоотношения, в которой они выделили три уровня. Первый уровень характеризует состояние глобального самоотношения – степень развития у личности чувства «за» или «против» своего «Я». Второй уровень измеряет степень самоуважения, аутсимпатии, самоинтереса и ожидания положительного отношения других к себе. Третий уровень отражает готовность личности к конкретным действиям в отношении собственного «Я» [Столин, 1988]. Для изучения структуры самоотношения авторы разработали опросник, при помощи которого можно измерять количественные показатели входящих в структуру самоотношения компонентов: когнитивных (самопонимание, самоинтерес), аффективных (отношение других, самопринятие, самообвинение) и поведенческих (самоуверенность, саморегуляция).

Таким образом, предложенная авторами концепция самоотношения соответствует теоретико-методологическим основам и является достаточно адекватной для решения поставленных в рамках данного исследования задач. Далее под самоотношением мы будем понимать ту часть личностной идентичности, которая отражает отношение индивида к собственному Я и окружающему миру через рефлексию достигаемых результатов и положение в социуме.

Что касается разработки собственно понятия *идентичности*, то нужно отметить, что в труды отечественных психологов данная категория вошла не так давно и используется чаще всего в рамках изучения социальных групп (Н.А. Антонова, Е.П. Белинская, Т.К. Стефаненко, Л.Б. Шнейдер, Л.Н. Иванова и др.). Так, например, Р.Л. Кричевский и Е.М. Дубовская предлагали исследовать процессы становления идентичности в контексте социального окружения индивида [Кричевский, Дубовская, 2001]. Весомый вклад в понимание того, как влияют групповые эффекты на формирование идентичности, внесла создатель теории социального познания Г.М. Андреева [Андреева, 2000]. Л.Б. Шнейдер подробно раскрыла механизмы, детерминанты и динамику развития личностной,

гендерной и профессиональной идентичности в контексте групповой принадлежности индивида [Шнейдер, 2007]. Опираясь на отечественные и зарубежные работы, Е.П. Белинская и О.А. Тихомандрицкая отмечают, что к синонимам термина идентичность можно условно отнести понятия «Я-концепция», «Я-образ», «Самость», в составе которых ЛИ (как отражение индивидуальных характеристик) и СИ (как принадлежность к социальной группе) [Белинская, 2006; Тихомандрицкая, 2000].

В диссертации Л.Н. Ивановой проводится подробный анализ структуры и функций идентичности, отмечается важность в изучении отдельных видов идентичности (ЛИ и СИ), а также затрагивается вопрос о возрастных и гендерных особенностях ее развития. Исследователь фокусирует свое внимание на том, что изучать процесс становления идентичности (Я-образа, Я-концепции, Самости) невозможно без учета социального контекста, так как любая индивидуальная траектория развития личности так или иначе пересекается с социокультурным пространством. Автор отдельно затрагивает социально-психологическую проблематику трансформации идентичности, аргументируя свою позицию тем, что на разных этапах взросления могут то появляться, то исчезать те или иные виды идентичности. При этом она считает, что это может зависеть как от внешних (экономические, социальные и др. кризисы), так и от внутренних (мотивы, желания и др.) факторов [Иванова, 2003]. В работе И.Ю. Суворовой показано, что распад СИ напрямую связан с потерей человеком социальной роли, социального статуса, самоуважения и других личностных качеств [Суворова, 2018].

В целом взгляды отечественных психологов совпадают с идеями представителей когнитивного подхода (Г. Тэджфела и Дж. Тернера) по поводу механизма становления идентичности, а именно, что она формируется в результате самокатегоризации индивида по двум основаниям: личностному «Я» - «не Я»; групповому «свои» - «чужие» [Ядов, 1995]. При этом стоит оговориться, что в отечественной социальной психологии наиболее развитая группа обозначается термином «коллектив» [Петровский, 1978], а в зарубежной науке применим термин «команда» [Tuckman, Jensen, 1977], в связи с чем возможны

некоторые различия в исследовательских данных и в их интерпретации. Можно лишь предположить, что групповые процессы (например, стадии развития группы) связаны с изменением показателей личностной и социальной идентичности включенных в нее индивидов. Однако в данном случае нас интересует другой вопрос: как связаны эти показатели с результатами их профессиональной деятельности? Особенно если учитывать их возрастные и гендерные моменты.

Отдельно стоит отметить, что в классических работах понятия групповой и социальной идентичности нередко используются в качестве синонимов. Связано это с тем, что первые исследования, в которых изучались групповые эффекты, как правило, проводились в рамках малых групп, таким образом, идентичность и получила название «групповой». Однако на данный момент ряд авторов предлагают разделять понятия групповой идентичности и социальной идентичности по следующим основаниям. Во-первых, термин «социальная идентичность» применяется к условно большим социальным категориям (пол, нация, этнос, профессия и др.). Термин «групповая идентичность» используется в отношении конкретной, реальной, как правило, малой группы, например, спортивной команды, школьного класса или рабочего коллектива [Горбатенко, 2008]. Во-вторых, социальная идентичность формируется на основании межгрупповых процессов (сравнения своей группы с другими). Групповая идентичность связана с внутригрупповыми процессами, где члены одной группы сравнивают себя с прототипом своей же группы, например, лидером спортивной команды [Hogg, 2004]. В-третьих, категория «социальная идентичность» более устойчива к внешним изменениям, чем «групповая идентичность». Однако, несмотря на все перечисленные различия, данные категории тесно связаны между собой, например, есть исследования, в которых показано, что групповая идентичность будет менее выраженной, если члены одной группы будут иметь разную социальную идентичность [Bous, 1999].

Все больше появляется работ (как в нашей стране, так и за рубежом), где в структуре социальной идентичности помимо *групповой* (ГИ) отдельно выделяется

организационная идентичность (ОИ) [Knippenberg, 2000; Gonzales-Miranda, 2020; Грачев, 2015; Успенская, 2019; Сидоренков, 2020 и др.]. Такое разделение стало необходимым, так как понятия «группа» и «организация» имеют ряд существенных отличий. Во-первых, это размер и структура: организация состоит из нескольких входящих в ее состав групп (отделов, подразделений, департаментов и др.). Во-вторых, это характер взаимодействий и взаимоотношений между сотрудниками. В организации люди взаимодействуют на основании должностных инструкций, предписаний, распоряжений, находятся в подчинении у вышестоящего руководства, а сформированные отношения чаще носят формальный характер. В-третьих, организацию и группу различают на основании наличия целей и задач. Действия сотрудников организации, как правило, подчиняются одной общей глобальной цели (миссии).

Так, в рамках Федерации бокса России можно условно выделить следующую структуру: учебно-тренировочные группы, из которых формируются спортивные школы (ДЮСШ и СДЮСШОР); школы объединяются в региональные Федерации бокса, далее входят в основной состав Федерации бокса России. При этом все участвующие в соревнованиях спортсмены обязаны вступить в Федерацию бокса России, другими словами, являться ее формальными членами. Большинство спортсменов Федерации получают ежемесячные выплаты (в зависимости от их спортивной квалификации и показываемых результатов), а также имеют возможность для карьерного роста [Акимова, 2021]. Должностные инструкции, миссия, цели, задачи, правила и нормы поведения, принятые в Федерации бокса России, прописаны в уставе организации².

Целесообразность изучения ОИ показана в исследовании А.В. Сидоренкова [Сидоренков, 2020]. В работе С.А. Грачева выявлено, что актуальное состояние показателей компонентов ОИ можно использовать в качестве предикторов дальнейшего поведения сотрудника в случае принятия его на работу [Грачев, 2015]. В исследовании Д. Гонсалеса-Миранды было доказано, что в процессе манипуляции когнитивными представлениями в отношении организации можно

² <https://rusboxing.ru/professional-boxing/documents>

менять поведение сотрудников, делая его стандартным и предсказуемым [Gonzales-Miranda, 2020].

О.А. Успенская выделила четыре этапа становления ОИ. На первом этапе происходит развитие мотивационного компонента идентичности: работником осуществляется поиск подходящей организации для трудоустройства, как правило, для удовлетворения собственных, часто неосознаваемых мотивов. На втором этапе преобладает развитие оценочного компонента: принятый на работу сотрудник изучает и принимает цели, ценности, правила поведения, должностные инструкции и т.д., установленные в данной организации. На третьем этапе идет становление аффективного компонента за счет формирования эмоциональной привязанности между новым сотрудником и другими членами организации. На четвертом этапе происходит становление когнитивного компонента: сотрудник начинает идентифицировать себя с такими организационными объектами, как рабочая группа, руководство, карьера и др. [Успенская, 2019]. При этом исследователи С.Г. Зимин и Э.А. Гатина пришли к выводу, что наиболее значимым этапом в процессе становления организационной идентичности является оценочный этап [Зимин, 2019].

Мы согласны с авторами, что дополнительный анализ социальной идентичности (с разделением на групповую и организационную идентичность) является достаточно информативным и перспективным. Стоит также отметить: при исследовании ГИ и ОИ все чаще используются трехкомпонентные модели, при этом растущий объем данных подтверждает прочную теоретическую и эмпирическую обоснованность их применения [Benenson, 2001; Cameron, 2004; Obst, 2005; Leach, 2008; Васькова, 2012; Успенская, 2019; Сидоренков, 2020 и др.]. Таким образом, данные модели могут быть успешно применены в рамках нашего исследования, при этом в совокупности в отношении спортивной группы и в отношении спортивной организации (Федерации).

Обобщая результаты междисциплинарного теоретико-методологического анализа, можно выделить ряд основных взаимосвязанных проблем. Во-первых, в социогуманитарных науках авторы используют разную методологию при

изучении феномена идентичности. Во-вторых, в теории по-прежнему отсутствуют универсальные определения личностной и социальной идентичности, при этом существуют родственные ей понятия. В-третьих, периодически расширяется и дополняется номенклатура видов идентичности (например, политическая, спортивная и др.). В-четвертых, появление новых методов обработки данных позволяют создавать более сложные модели идентичности, а также проверять ранее не выдвигаемые гипотезы.

В заключение данного параграфа мы приходим к следующим выводам:

1. **Идентичность** – это исторически сложившийся феномен, который позволяет индивиду отличать себя от других людей (личностная идентичность), отождествлять себя с группой (социальная идентичность), сохранять целостность «Я». Он включает в себя когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты.

2. **Когнитивные компоненты** личностной идентичности отражают результаты процесса самокатегоризации терминами, описывающими индивидуальные характеристики личности (физические, психологические, моральные и др.); социальная идентичность описывается терминами, определяющими групповую принадлежность индивида (национальную, этническую, расовую, гендерную, профессиональную и др.).

4. **Аффективные компоненты** личностной идентичности отражают положительные или отрицательные самооценки; социальной идентичности – положительные оценки «ин-группы» в сравнении с «аут-группой».

5. **Поведенческие компоненты** личностной идентичности определяют степень выраженности установок к действию индивида в соответствии с собственными убеждениями, социальной идентичности – в логике групповой и организационной принадлежности.

6. В структуре ЛИ самоотношение является элементом, который выполняет интегрирующую функцию (соединяет различные аспекты «Я») и отражает степень ее развития. При этом в самоотношении присутствуют когнитивные,

аффективные и конативные (поведенческие) компоненты, которые могут быть связаны с результатами деятельности.

7. В структуре социальной идентичности разделяются групповая и организационная идентичность. **Групповая идентичность** отражает степень включенности индивида в конкретную, реальную, как правило, малую социальную группу. **Организационная идентичность** характеризует степень включенности индивида в организацию.

8. Идентичность формируется в деятельности, в свою очередь эффективность деятельности взаимосвязана с показателями идентичности.

1.3. Социально-психологические аспекты формирования идентичности в подростковом и юношеском возрасте

Большинство авторов (Э. Эриксон, Дж. Марсия, А. Ватерман, Д.Б. Эльконин, Г.М. Андреева, Л.Ф. Обухова и др.) сходятся во мнении, что отроческий период является ключевым в процессе становления идентичности личности. Однако до сих пор остаются открытыми вопросы по поводу возрастных границ данного периода и целесообразности в выделении подросткового и юношеского возрастов в отдельные категории. Связанно это с тем, что в психологии не существует общепринятой возрастной периодизации, что создает ряд дополнительных проблем в процессе организации исследований. Например, Э. Эриксон определял подростковый и юношеский возраст в рамках от 11-12 до 19-20 лет [Эриксон, 1996]. Э. Шпрангер разделял юношеский возраст на основе гендерных различий: у девушек он находится в границах с 13 до 19 лет, а у юношей с 14 до 22 лет, при этом подростковый возраст автором определен в границах с 14 до 17 лет [Шпрангер, 1980]. В концепции жизненного цикла Б. Ньюмена и Ю. Ньюмена подростковый возраст охватывает период от 13 до 18 лет, за которым следует юношеский возраст с 18 до 22 лет [Ньюмен, 1999].

В отечественной психологии, как правило, подростково-юношеский возраст рассматривают на основании возрастной периодизации, предложенной Д.Б. Элькониным: в границах с 11 до 15 лет – подростковый, с 15 до 17 лет –

юношеский возраст [Эльконин, 2001]. В недавнем исследовании О.В. Ходаковская разделила юношеский возраст на две категории: раннюю юность с 15-16 лет и позднюю юность с 17 до 22 лет [Ходаковская, 2020]. Стоит отметить, что описанные выше возрастные периодизации разрабатывались или в первой половине XX в., или на ограниченных выборках, поэтому многие из них могут уже не полностью отражать реальную картину. Наши доводы подтверждаются в исследовании, где сравнивались подростки и юноши разных поколений в контексте их профессионального самоопределения и самооценки [Толстых, 2011].

Таким образом, в связи с задачами нашего исследования мы будем рассматривать границы подростково-юношеского возраста так, как они фиксируются в рамках отечественной психологии, разработанной на базе физиологических, психологических, педагогических и других показателей, а также с учетом специфических особенностей и тех задач, которые решаются в сообществах образовательного типа. Так, например, в боксе выделяют возрастные категории, которые согласуются с возрастной периодизацией Д.Б. Эльконина: 15-16 лет — старшие юноши и девочки (что соответствует старшему подростковому возрасту); 17-18 лет — юниоры и юниорки (что соответствует юношескому возрасту) [Эльконин, 2001].

Снимая разногласия в отношении возрастных границ, разделяющих подростковый и юношеский возраст, необходимо также рассмотреть факторы, влияющие на становление личности в этот период. В рамках культурно-исторического подхода и теории деятельности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и др.) представлено положение о том, что в подростково-юношеском возрасте на развитие личности влияет смена ведущих деятельностей и появление центральных новообразований [Абрамова, 2000]. Так, в младшем подростковом возрасте ведущей деятельностью является интимно-личностное общение, а центральное новообразование связано с появлением у подростка чувства взрослости. В старшем подростковом возрасте при переходе к юношескому этапу интимно-личностная деятельность сменяется на учебно-профессиональную деятельность, а центральное новообразование

связывается с профессиональным и личностным самоопределением [Петровский, 1975]. По мнению И.С. Кона, в подростковом возрасте становление личности происходит в рамках «двух миров», где есть «мир для взрослых» и «мир для детей». На этом основании подростки часто вступают в межличностные и межгрупповые конфликты, нередко проявляя повышенную агрессивность, максимализм и рискованное поведение, которое негативно отражается на отношении к ним близкого и дальнего окружения [Кон, 1984]. В работе Л.И. Божович было показано, что в подростковом возрасте развитие личности происходит через генезис сознания на основании интериоризации предъявляемых обществом ценностей, норм и правил поведения [Божович, 1995]. В своем исследовании О.А. Тихомандрицкая расширяет идеи Л.И. Божович, разделяя подростковый и юношеский возраст на основании преобладающих в структуре личностей ценностей [Тихомандрицкая, 2000]. Автор утверждает, что в подростковом возрасте ценности имеют обобщенный характер, поэтому они мало оказывают влияния на поведение человека. И, наоборот, в юношеском возрасте происходит дифференциация ценностей на значимые и незначимые, которые приобретают иерархическую структуру и являются важным средством, при помощи которого личность может сама управлять своим поведением. В юношеском возрасте значимые ценности, как правило, связаны с достижением личностного успеха и проявлением профессиональных компетенций. К незначимым ценностям в подростковом возрасте относятся комфортность и желание обладать властью. Важно отметить, что в своих исследованиях автор обнаруживает взаимосвязь самоотношения и социально значимых ценностей (престиж, социальный статус, успех), как у юношей, так и у девушек.

Одним из наиболее значимых феноменов, который влияет на становление личности в подростково-юношеский период, является процесс формирования идентичности [Обухова, 1996]. Стоит отметить при этом, что идентичность, по мнению многих психологов, развивается в двух направлениях: во-первых, формируется социальная идентичность путем включения личности в различные социальные группы, где она осваивает новые социальные роли и модели

поведения (Дж. Тернер, Г. Тэджфел, Дж. Марсиа, Г.М. Андреева, Л.Б. Шнейдер и др.); во-вторых, через интеграцию множества социальных ролей и приобретение чувства целостности «Я-образа» достигается личностная идентичность (Э. Эриксон, Г.М. Андреева, О.О. Савина, О.В. Беляева, Г.Р. Хузеева и др.). Например, Э. Эриксон считал, что в подростково-юношеском возрасте идентичность претерпевает ряд кризисов, а к концу ее становления должна произойти консолидация личностной и социальной идентичности, и если такой консолидации не произойдет, то появляется угроза для существования идентичности, вплоть до ее распада [Эриксон, 1996б]. Однако Дж. Марсиа и А. Ватерман показали, что становление идентичности может происходить и после данного возрастного периода, например, если по какой-то причине подросток не сделал самостоятельный выбор будущей профессии [Marsia, 1980; Waterman, 1999].

В работе Г.М. Андреевой становление данного феномена рассматривалось в рамках социальных групп, где личность сравнивает себя с другими людьми и тем самым приобретает свою идентичность [Андреева, 2010]. Л.Б. Шнейдер и В.В. Хрусталева получили данные, показывающие следующее: помимо процесса сравнения (самокатегоризации) на формирование идентичности влияет состояние эмоционального фона личности и то, насколько она успешно смогла интериоризировать ценности, нормы и правила поведения, принятые в конкретной социальной группе [Шнейдер, Хрусталева, 2014]. Л. Первин считает, что становление личностной и социальной идентичности происходит на фоне двух взаимодействующих между собой процессов – социализации и индивидуализации. Автор резюмирует, что достигнутая личностная идентичность отражается в положительных показателях самооценки и самоуважения личности, а достигнутая социальная идентичность характеризуется степенью удовлетворенности включения личности в социальную группу [Первин, 2000].

Создатели концепции жизненного цикла Б. Ньюмен и Ю. Ньюмен разделяют этапы формирования идентичности в подростковом и юношеском возрасте [Ньюмен, 1999]. Так, в подростковом возрасте на первый план выходит

проблема, связанная с выбором групповой идентичности, поэтому подростки часто меняют группы, в которые они включены (например, спортивные секции или компании друзей). Авторы отмечают, что в процессе группового взаимодействия у подростков развивается эмоциональная и интеллектуальная сферы психики, именно они в юношеском возрасте становятся основой их самосознания. На фоне развития самосознания в юношеском возрасте на первый план выходит проблема достижения личностной идентичности. Для этого юноше или девушке необходимо получить автономию от своих родителей и научиться самостоятельно принимать решения, например, в отношении своей будущей профессиональной карьеры.

В диссертации О.О. Савиной обращается внимание на то, что в отечественной психологии проблема идентичности является мало разработанной. Автор исследует факторы, которые влияют на формирование идентичности, – это высокая самооценка, умение адаптироваться к изменениям окружающей среды (например, смена социального статуса) и возраст [Савина, 2003]. О.О. Савина отмечает: с возрастом происходит обобщение прошлого опыта, меняются механизмы самоопределения и способы принятия решения. Определяя идентичность как многомерное и многоуровневое образование, О.О. Савина обнаруживает, что с возрастом меняется и усложняется ее структура за счет увеличения набора социальных категорий и выраженности компонентов. Например, автор смогла установить взаимосвязь между показателями когнитивного компонента социальной идентичности и расширением социального окружения, между выраженностью эмоционального компонента личностной идентичности и динамикой самооценки, которая с возрастом растет и носит, как правило, положительный характер, между увеличением показателей поведенческого компонента личностной идентичности и степенью готовности индивидом самостоятельно принимать решения [Савина, 2003].

В диссертационном исследовании О.В. Беляевой рассматриваются проблемы развития структуры и динамики личностной идентичности у российских подростков [Беляева, 2001]. О.В. Беляева также рассматривает

развитие личностной идентичности в рамках структурного подхода и выделяет в ее структуре ряд компонентов. Она установила, что на протяжении всего подросткового возраста когнитивный компонент личностной идентичности опережает в развитии эмоционально-ценностный компонент. Автор отмечает: в данный период изменяется структура личности, она приобретает все более целостный и системный характер, а происходит это за счет обобщения прошлого опыта и согласования различных точек зрения, в том числе и представлений о себе. С полученными данными согласуются результаты исследования Г.Р. Хузеевой, показавшей, что когнитивный компонент личностной идентичности (ЛИ) наиболее развит в части его дифференцированности и сложности в юношеском возрасте, нежели в подростковом [Хузеева, 2016]. У подростков когнитивный компонент ЛИ характерен амбивалентностью и противоречивостью. Автором также установлено, что социальная идентичность юношей более наполнена различиями в категориях, так как юноши имеют более развитые социальные связи, чем подростки. О.В. Беляева считает, что к концу подростково-юношеского периода в норме должны быть развиты механизмы саморефлексии, а также приняты четкие социальные позиции и освоены все необходимые в обществе социальные роли. Еще одним важным замечанием автора является то, что на протяжении всего данного возрастного этапа эмоционально-ценностный компонент ЛИ носит положительный оттенок и напрямую зависит от мнения окружающих [Беляева, 2001].

С выводами О.В. Беляевой согласуются данные, полученные в исследованиях Г.М. Андреевой и М.Ю. Григорьевой, в которых были описаны механизмы формирования позитивной идентичности. По мнению авторов, позитивная идентичность в подростково-юношеском возрасте достигается на основании положительных оценок членов референтной группы (например, друзей, одноклассников, спортивной команды и др.) [Андреева, 2000; Григорьева, 2020]. И.С. Семененко обнаружила связь между развитой позитивной личностной идентичностью и развитым чувством самоуважения подростков, между высокими показателями социальной идентичности и социальным статусом (например,

высоким званием в спорте) [Семененко, 2011]. В работе О.О. Савиной было доказано, что позитивная личностная идентичность напрямую зависит от мнения окружающих людей и уровня самооценки подростков [Савина, 2003]. Однако в работе А.В. Саитовой показано, что исследуемые ею старшеклассники в более чем половине случаев (54%) имели низкий уровень самоотношения и средний уровень самооценки [Саитова, 2014]. В свою очередь И.Г. Андреева утверждает, что в специально организованных психологических условиях можно добиваться более успешного развития самоотношения и самооценки учащихся как старших, так и средних классов [Андреева, 2016].

Опираясь на работы Э. Эриксона и Дж. Марсиа, О.В. Орестова пришла к выводу: изучать проблемы формирования идентичности необходимо именно в рамках подросткового и юношеского возрастов [Орестова, 2001]. Автор отмечает, что на фоне происходящих мировых потрясений в нашей стране таких исследований проводится крайне мало, а это весьма недальновидно. В своем исследовании она обнаружила следующее: в старшем подростковом возрасте наиболее активно происходит формирование социальной идентичности в таких сферах, как дружба, интимные отношения и семья. Однако к юношескому возрасту начинает преобладать формирование личностной идентичности, которая по большей мере связана с механизмами самоопределения. Схожие результаты были получены в исследовании Т.И. Шульги и М.Ю. Григорьевой (n=494, возраст 13-17 лет), где авторы установили, что в данном возрастном периоде позитивной идентичности достигает поведенческий компонент ГИ, а у школьников 10-х классов позитивных показателей достигает ЛИ. Важно заметить, что, по данным авторов, позитивная гендерная идентичность в данном возрасте слабо представлена [Шульга, Григорьева, 2017].

Идентичные результаты мы обнаружили в исследовании М.Ю. Кузьмина, где он изучал динамику показателей идентичности у подростков и юношей. Так, автор установил: в подростковом возрасте наиболее интенсивное развитие идентичности происходит в отношении малых групп, а в юношеском возрасте начинает преобладать развитие ЛИ [Кузьмин, 2016]. По мнению автора, данные

факты являются особенностью кризиса идентичности данного возрастного периода [Там же]. Однако в работе И.В. Арендачук (n=113) показано, что ЛИ интенсивно развивается и в подростковом возрасте, а к юношескому развитие ЛИ несколько замедляется [Арендачук, 2017].

В исследовании Г.Р. Хузеевой установлено, что на формирование социальной идентичности подростков положительное влияние оказывает социальный контекст, поэтому данную категорию детей необходимо включать в референтные для них группы, например, в спортивные секции [Хузеева, 2013]. Полученные данные согласуются с результатами О.В. Васьковой, она выявила низкое влияние школы на становление групповой идентичности подростков, в отличие от других референтных групп [Васькова, 2012]. К таким же выводам пришла М.В. Ведерникова, изучавшая воздействия школы на формирование сознания и социальной идентичности у подростков. Автор утверждает, что в последнее время на становление идентичности подрастающего поколения в большей степени влияние оказывают не учителя или старшие товарищи в школе, а виртуальные люди из масс медиа, например, «блогеры» [Ведерникова, 2016].

В работе Е.М. Дубовской было показано, что на формирование групповой идентичности влияет степень включенности подростка в деятельность значимой для него группы [Дубовская, 1984]. Например, в исследовании М.Ю. Григорьевой обнаружено, что у подростков, занимающихся волонтерской деятельностью, наиболее выраженным оказывается поведенческий компонент групповой идентичности (соблюдение групповых норм и правил поведения) в отличие от контрольной группы, это говорит о более высоком уровне их социализации [Григорьева, 2020]. Помимо включения в референтные социальные группы Г.С. Трофименко предлагает для благоприятного развития групповой идентичности поддерживать интерес подростка к той деятельности, которую он осуществляет в группе [Трофименко, 2013].

Различия в характеристиках личностной идентичности у подростков с нормальным развитием интеллектуальной сферы и у подростков с легкой степенью умственной отсталости (УО) показано в исследовании Ю.П. Сахаровой.

Установлено: у детей с УО негативная личностная идентичность встречается в 50% случаев, а у детей в норме в 25% случаев. Автор связывает подобное с тем, что у детей с УО объектами для подражания чаще становятся герои с отрицательными, а не положительными характеристиками [Сахарова, 2013]. В исследовании, которое провела О.А. Гордеева, было установлено, что на развитие структуры идентичности влияет контекст социального пространства. Она выявила, что у подростков, проживающих в малых населенных пунктах, наиболее выражены показатели социальной идентичности, а у подростков из больших городов показатели личностной идентичности [Гордеева, 2010].

В другом исследовании, где изучалась динамика развития личностной и социальной идентичности на выборке школьников 7-9 и 10-11 классов, обнаружено, что в подростковом возрасте повышаются показатели, связанные с социальной идентичностью, а к концу школы они замедляются. И наоборот, показатели личностной идентичности начинают резко расти к концу обучения в школе [Гринфельд, 2004]. Все это свидетельствует о том, что в подростковом возрасте развитие социальной идентичности происходит наиболее динамично. В работе А.В. Микляевой и П.В. Румянцевой утверждается: социальная идентичность с возрастом приобретает иерархическую структуру, в которой преобладают характеристики из той сферы, где наиболее успешен ребенок [Микляева, Румянцева, 2009].

В исследовании В.А. Ильина показаны различия в психосоциальном развитии на примере становления идентичности у московских старшеклассников и студентов первого курса обучения [Ильин, 2009]. Однако, как констатировал автор, статусом достигнутой идентичности обладают только 25 % студентов, которые приняли участие в исследовании, поэтому он предположил, что развитие идентичности будет продолжаться и в студенческие годы. Также, ссылаясь на то, что проблемы, связанные с достижением идентичности, носят исторический характер, В.А. Ильин предложил своевременно обращаться к данным вопросам, в том числе и в рамках общеобразовательного процесса. В исследовании В.А. Ильина и Д.В. Сипягина было установлено, как неспособность индивида

показывать успех в той или иной созидательной деятельности может негативно повлиять на становление его идентичности [Ильин, 2007]. Применительно к теме нашего исследования данную проблему можно было бы соотнести с низкими результатами в спорте, отсутствием оных вообще.

Данные выводы согласуются с итогами исследования А.М. Мишкевич, сумевшей выявить взаимосвязь между развитой личностной идентичностью и успеваемостью в школе [Мишкевич, 2021]. Кроме того есть работа, в которой установлено, что существует прямая положительная взаимосвязь между показателями самооценки и успехами в школе [Poropat, 2009]. Также фиксируются взаимосвязи между самоотношением и выбором профессии старшеклассниками [Колкова, 2018]. В работе Е.П. Киселевой показана взаимосвязь между направленностью мотивации к учебе и самоотношением школьников и студентов [Киселева, 2007]. В исследовании Е.В. Селезневой было показано, что респонденты с высокими показателями «самоуважения» и «ожидания отношения от других» обладают высокой мотивацией к достижению успеха [Селезнева, 2015]. Однако в другой работе Е.В. Селезневой установлено: «ожидание отношения от других» в ряде случаев может играть отрицательную роль в достижении высоких профессиональных результатов [Селезнева, 2016]. При этом есть исследование Т.В. Васильевой, в котором показана прямая взаимосвязь между самоэффективностью и шкалами самоотношения («самопонимание» и «аутосимпатия») [Васильева, 2019]. В работе Н.В. Черепковой и М.Ю. Кузнецовой установлено, что в процессе школьного обучения компоненты самоотношения («самопринятие» и «саморуководство») вносят положительный вклад в успеваемость учеников, а «самообвинение» - отрицательный [Черепкова, Кузнецова, 2003]. В исследовании О.Н. Комаровой и А.Л. Рассказовой, где самоотношение рассматривается как элемент ЛИ, установлены возрастные различия: у юношей в сравнении с подростками выше показатели по шкале «самоуважение», «саморуководство», «ожидаемое отношение от других» и «самопринятие», ниже по шкале «самообвинение». При этом авторы приходят к выводу: сенситивным периодом развития самоотношения

является юношеский возраст (17-18 лет), играющий одну из ключевых ролей в процессе профессионального самоопределения [Комарова, Рассказова, 2023]. На основании этого мы можем предположить, что в действительности взаимосвязь между отдельными видами идентичности и результатами спортивной деятельности может иметь половозрастную специфику.

Что касается зарубежных исследований идентичности в подростково-юношеском возрасте, то следует отметить, что данная тема широко исследуется на Западе в следующих двух направлениях: роль языка и общения в становлении социальной идентичности [Mihaleva, 2021; Zahra, 2021]; значение совместного родительского воспитания для формирования личностной идентичности [Feinberg, 2007; Crocetti, 2016; Huey, 2019]. Так, в работе С. Сухарманто с соавторами показано, как развитие коммуникативных навыков оказывает положительное влияние на деятельность в группе подростков (например, при занятии спортом), что в свою очередь способствует достижению социальной идентичности [Suharmanto, 2019]. В другом недавнем исследовании установлено следующее: родители, которые сотрудничают с подростками, поддерживают их автономию и меньше контролируют, способствуют поиску и своевременному достижению личностной идентичности [Sznitman, 2019].

Подводя итоги теоретико-методологического анализа работ, посвященных изучению становления личностной и социальной идентичности в подростково-юношеском возрасте, можно прийти к следующим выводам:

1. Изучение феномена идентичности является одним из самых актуальных направлений в рамках социальной психологии как в России, так и за рубежом.
2. Сенситивным периодом для изучения становления идентичности выступает подростково-юношеский возраст.
3. С возрастом структура идентичности меняется (становится более дифференцированной) и принимает иерархическое строение.
4. С возрастом меняется динамика развития идентичности: в подростковом возрасте преобладает развитие социальной идентичности, в юношеском же личностной идентичности.

5. Основными задачами подросткового периода являются преодоление психосоциального кризиса в процессе группового взаимодействия со сверстниками (выбор и достижение позитивной СИ), а также развитие эмоциональной и интеллектуальной сфер психики (прежде всего, логического мышления) как основы самосознания личности.

6. Основными задачами юношеского периода являются преодоление психосоциального кризиса в процессе самоопределения (достижение позитивной ЛИ) через автономию от родительского контроля и самостоятельный выбор будущей профессии.

7. Идентичность можно рассматривать как социально-психологический фактор, который связан с эффективностью деятельности как отдельного индивида, так и группы в целом.

1.4. Гендерные и половые особенности становления идентичности

На становление идентичности несомненно влияют половые и гендерные особенности подростков. При этом необходимо разделять «пол» – биологические предпосылки, определяющие половую принадлежность индивида, и «гендер» – социокультурные детерминанты, влияющие на поведение человека в контексте его половой принадлежности [Берн, 2004]. Например, Л.Б. Шнейдер разделяет понятия «половая роль» – система представлений и моделей поведения, которые должен усвоить индивид для того, чтобы его считали мужчиной или женщиной, и «гендерная идентичность» – осознание индивидом себя как представителя определенного пола [Шнейдер, 2007].

В рамках четырех подходов изучается становление гендерной идентичности: биологического, структурного, интерактивного и когнитивно-мотивационного. В первом подходе исследуется, как влияют «мужские» и «женские» гормоны (тестостерон и эстроген) на поведение человека [Sapolsky, 2018]. Во втором подходе изучается взаимосвязь между гендерной идентичностью и социальным положением (статусом) индивида [Wood, Eagly, 2002]. В третьем подходе определяется формирование гендерных различий через

обучение детей различным традиционным практикам, таким, например, как ведение домашнего хозяйства [Friedman, 2010]. В четвертом подходе исследуются когнитивно-мотивационные факторы, которые обуславливают различия в представлениях индивида о гендерной идентичности [Tajfel, 1985; Turner, 2010].

Биологические предпосылки слабо объясняют причины поведения человека в контексте его половой принадлежности. Например, французский историк Т. Лакрет обнаружил, что в Европе до XVII в. «мужчин» и «женщин» различали на основании занимаемого ими социального положения (статуса), а не анатомо-физиологических особенностей [Laqueur, 1992]. В монографии И.С. Клециной не ставится под сомнение существование биологических различий между мужчиной и женщиной, однако автор замечает, что главную роль в формировании гендерных особенностей играют социокультурные традиции, в рамках которых воспитывается человек [Клецина, 2009]. При этом автор выявляет прямую связь гендерной социализации с развитием самоотношения, формированием социальных стереотипов, ролевыми и внутриличностными конфликтами [Там же]. И.С. Кон связывал становление гендерных различий с нормами поведения, которые присваиваются личностью в процессе ее становления [Кон, 1975]. Есть исследования, где различают мужчин и женщин на основании стратегий, которые они используют в процессе решения когнитивных задач [Halpern, 1996]. В исследовании А. Игли показано, как на полоролевое поведение влияют гендерные стереотипы (ожидание окружающих по поводу поведения человека в зависимости от его половой принадлежности) [Eagly, 1984]. Например, существуют стереотипы о том, что женщины более эмоционально, чем мужчины, реагируют на происходящие в мире события [Martin, Stephen, 1999]. В работе М.К. Андервуда обнаружены полоролевые различия в способах разрешать конфликтные ситуации. Автором был сделан вывод: в процессе конфликта мужчины чаще, чем женщины, проявляют агрессию и пытаются решить его путем применения физической силы [Underwood, 2003]. В исследовании К.Л. Мартина показано, что на выбор гендерной идентичности влияют нормативное и информационное давление [Martin, 1990]. Под нормативным давлением ученый

понимает механизм, предназначенный для управления поведением человека на основании групповых ожиданий. Если ожидания не оправдываются, то следует негативная реакция со стороны окружающих, например, на мальчиков, когда они играют в игрушки, предназначенные для противоположного пола, или на девочек, когда они занимаются «традиционно мужскими» видами спорта.

По мнению многих исследователей (И.С. Кона, Н.Ю. Рымарева, В.А. Перегудиной, С.А. Филиповой, В. Вуда, А. Игли и др.) формирование гендерной идентичности происходит в подростково-юношеский период. Например, Н.Ю. Рымарев считает, что гендерная идентичность формируется в подростковом возрасте и является важным аспектом в структуре личности. Однако автор замечает, что в последнее время в российском обществе у подростков снижается рефлексия и самосознание собственной гендерной принадлежности [Рымарев, 2006]. Л.Н. Ожигова выделяет в структуре гендерной идентичности три компонента: когнитивный компонент – знание о себе как о представителе гендера; аффективный компонент – принятие и удовлетворенность своим гендером; поведенческий компонент – действия в логике представителя гендера [Ожигова, 2006]. В исследовании В.А. Перегудиной показано продолжение формирования гендерной идентичности и в юношеском возрасте [Перегудина, 2010]. Автором было также установлено: в подростковом возрасте девочки склонны негативно оценивать свою гендерную идентичность, как на эмоциональном, так и на поведенческом уровне, мальчики наоборот стараются подчеркнуть свою принадлежность к мужскому полу, проявляя так называемый «мужской протест» ко всему женскому. По мнению В.А. Перегудиной, окончательно гендерная идентичность достигается к концу юношеского возраста, а ее компоненты становятся более выраженными [Там же].

В диссертационном исследовании С.А. Филиповой установлен факт существования различий в показателях когнитивных и эмоциональных компонентов гендерной идентичности у молодых людей в возрасте 16-19 лет [Филипова, 2009]. Анализируя полученные данные, исследователь делает вывод, что юноши в отличие от девушек слабо себя идентифицируют со сверстниками

своего пола (считают их более мужественными) и безразлично относятся к гендерным особенностям противоположного пола. В свою очередь девушки наоборот чаще сравнивают себя со своими сверстницами и проявляют больший интерес к противоположному полу.

На формирование гендерной идентичности могут влиять и другие факторы, например, отношения в семье, школе, трудовом коллективе, занятия спортом и воздействие средств массовой информации [Wood, Eagly, 2002; Guibernau, 2000]. Так, в исследовании А.С. Волович была установлена положительная корреляционная связь между академической успеваемостью в школе и традиционно фемининными характеристиками³, такими, как примерное поведение, старательность, прилежность, и отрицательная связь с такой маскулинной характеристикой⁴, как повышенная агрессивность [Волович, 1990]. При этом в работе И.С. Клециной сказано: в «типично мужских» профессиях представители женского пола в случае неудачи часто испытывают чувство вины, страх, меняются их самоотношение и социальная идентичность, в том числе они могут быстро завершать карьеру [Клецина, 2009].

В работе О.Н. Курдыбахи показана особая роль семьи и семейных отношений в становлении гендерной идентичности. Исследуя современные семьи, в которых воспитывались подростки, автор обнаружила, что их гендерная идентичность чаще всего была андрогинного типа⁵, как у девочек, так и у мальчиков. Все это может говорить о том, что в современных семьях часто «мужские» и «женские» роли носят размытый характер [Курдыбаха, 2013]. Т.Н. Позднякова выявила: в неполных семьях у подростков формируются искаженные гендерные представления как в отношении собственного пола, так и противоположного [Позднякова, 2019]. Анализируя проявляющиеся зачастую в подростково-юношеский период кризисы гендерной идентичности, Ю.В. Курбатова пришла к выводу, что необходимо разрабатывать и внедрять такие

³ Фемининный тип - женственные психические качества и более женственные модели поведения.

⁴ Маскулинный тип - совокупность телесных, психических и поведенческих особенностей, рассматриваемых как мужские качества.

⁵ Андрогинный тип - человек проявляет одновременно и женские, и мужские качества.

школьные программы обучения, в которых будут прививаться подрастающему поколению традиционные семейные ценности, где явно прослеживаются мужские и женские роли [Курбатова, 2021]. В работе И.П. Тепловой описано влияние СМИ на гендерную идентичность подростков, в некоторых случаях оно носило сугубо негативный характер, и являлось причиной гендерной дисфории [Теплова, 2019].

Обращаясь к проблеме половых различий в процессе становления идентичности, мы обнаружили следующие исследования на данную тему. Так, в работе Ю.М. Кузьмина выявлены различия в компонентах личностной идентичности у мальчиков и девочек подросткового возраста [Кузьмин, 2015]. Девочки более склонны ценить в себе качества, которые одобряются окружающими, а мальчики высоко ценят свою мужественность и физическую силу. В диссертационном исследовании О.В. Орестовой установлено существование половозрастных различий в достижении личностной идентичности. Так, у девочек-подростков данный вид идентичности формируется раньше, чем у мальчиков-подростков [Орестова, 2001].

В другом исследовании, где изучалось различие в показателях самооотношения в зависимости от актуальной оценки психологического возраста (ПВ), установлено, что структура и выраженность компонентов самооотношения будет также зависеть от актуального состояния ПВ респондентов, как у мужского пола, так и у женского [Гольцова, 2017]. В исследовании И.В. Афанасенко показаны различия в выраженности компонентов самооотношения в зависимости от пола и возраста респондентов. У девушек (в возрасте от 15 до 18 лет) наиболее выраженным является аффективный компонент, а у юношей поведенческий. В ранней взрослости (от 20 до 25 лет) выраженность компонентов меняется, у женщин наиболее выражены когнитивные и аффективные компоненты, у мужчин когнитивный компонент [Афанасенко, 2012]. В исследовании М.А. Латышевой читаем: показатели самооотношения у девушек 16-17 лет с завышенным индексом массы тела будут иметь более заниженную самооценку и большую склонность к самообвинению, чем у девушек с нормальным индексом ИМТ. Также автору удалось установить, что девушки с низкими и высокими показателями ИМТ

ожидают более негативного отношения к себе от других, в отличие от девушек с нормальными показателями ИМТ [Латышева, 2018].

Таким образом, сделанные авторами выводы не дают понимания того, какие факторы являются ведущими в хронологическом смещении этапов становления идентичности у респондентов разного пола. Можно лишь сделать предположение, что данные различия могут быть связаны или с естественным ходом развития идентичности у девушек и юношей, или со спецификой той деятельности, в которую они включены. В научных трудах Н.В. Нижегородцевой и О.В. Долженко установлено: выраженность и взаимосвязь показателей самоотношения и успеваемости у студентов вуза будут различными в зависимости от выбранного ими профиля обучения (у студентов математического факультета такая взаимосвязь установлена, а у студентов психологического факультета нет) [Нижегородцева, 2017]. В приведенном примере также может наблюдаться эффект взаимодействия двух факторов, так как на психологический факультет традиционно больше поступает абитуриентов женского пола, а на математический – мужского. Однако при сравнении результатов авторы не используют пол в качестве второй независимой переменной.

Что касается половых различий, когда один подросток оценивает действие другого подростка в рамках групповой принадлежности, то С.Ю. Мохова установила, что девочки склонны более позитивно оценивать своих сверстников в отличие от мальчиков, которые обесценивают или занижают их результаты [Мохова, 2012]. В работе М.Ю. Григорьевой обозначены половые различия в выраженности компонентов групповой идентичности учащихся десятых классов: у девушек наиболее выраженным оказался аффективный компонент групповой идентичности, а у юношей – когнитивный компонент [Григорьева, 2020]. По мнению О.В. Орестовой в юношеском возрасте у девушек преобладают показатели социальной идентичности в такой сфере, как семья, а у юношей в сфере политики. В достижении профессиональной идентичности в юношеском возрасте половых различий не было обнаружено [Орестова, 2001].

Исследование А.В. Кудинова показало различия в структуре организационной идентичности у девушек и юношей. Автор установил, что у девушек развитие организационной идентичности (ОИ) в большей степени связано с развитием у них коммуникационных навыков, стремлением получать новые знания, направлено на сотрудничество с другими людьми. В свою очередь у юношей развитие ОИ имеет эгоцентрическую направленность, подразумевается реализация ими собственных возможностей [Кудинов, 2005]. Полученные А.В. Кудиновым данные частично согласуются с исследованием Е.М. Дубовской и А.А. Кочетковой, которые установили специфические различия в стратегиях межличностного общения у юношей и девушек [Дубовская, Кочеткова, 2017]. Есть исследования, демонстрирующие нам, что мальчики быстрее принимают социальные нормы и установки, принятые в значимой для них группе, в отличие от девочек, которые в большей степени заинтересованы в межличностном общении [Harris, 1995]. Что касается конкуренции, то мальчики и девочки в одинаковой степени высоко проявляют ее в рамках больших групп, в меньшей степени в личном первенстве [Benenson, 2001].

На основании сделанного теоретического анализа мы приходим к следующим выводам. Несомненно, авторы всех вышеперечисленных работ сходятся в одном: процесс становления идентичности достаточно сложный и, порой, противоречивый, притом на процесс ее формирования влияют как гендерные, так и половые особенности респондентов. Также на формирование идентичности оказывают воздействие социокультурные условия (семья, школа, СМИ, спорт и др.). Несмотря на то, что мы изучаем фактически различия в идентичности, связанные с полом, не замеряя отдельно показатели гендерной идентичности, мы также будем учитывать гендерные особенности, так как необходимо проследить специфику выраженности и взаимосвязи показателей идентичности с успешными результатами у юношей и девушек в «традиционно мужском» виде спорта (бокс).

Особенно важным для нас является то, что наблюдается хронологическое смещение этапов становления идентичности у респондентов разного пола (у

девушек он несколько опережающ), при этом также фиксируются половые различия в выраженности компонентов личностной и социальной идентичности. Отдельно стоит отметить острую нехватку исследований на тему половых и гендерных различий компонентов групповой и организационной идентичности, особенно учитывающих специфику конкретной деятельности, например, в спортивной сфере.

1.5. Социально-психологический подход к исследованию идентичности в области спорта

Исследования и практика показывают, что институт спорта оказывает существенное влияние на социализацию подрастающего поколения, в том числе на становление идентичности [Понамарев, 2004]. Всего можно выделить 4 этапа социализации личности в рамках спортивных организаций. На первом этапе происходит включение юных спортсменов в *группы начальной подготовки*, располагающиеся на базе ДЮСШ⁶, там ребята могут выполнить нормативы на 3-й и 2-й спортивные разряды. Далее увеличивается время тренировок и количество соревнований, спортсменов переводят в *учебно-тренировочные группы* на базе СДЮСШОР⁷, где они имеют возможность получить 1-й разряд и разряд КМС (кандидата в мастера спорта). На третьем этапе происходит расцвет спортивной карьеры, тренирующихся уже направляют в *группы спортивного совершенствования*, которые формируются на базе региональных и национальных сборных страны, там возможно присвоение званий МС (мастера спорта), МСМК (мастера спорта международного класса) и ЗМС (заслуженного мастера спорта). На четвертом этапе спортсмены завершают спортивную карьеру [Бабушкин, 2016].

Стоит отметить, что начало, продолжительность и завершение этапов спортивной социализации зависят от следующих факторов: специфики избранного вида спорта, пола и возраста спортсменов. В частности, в

⁶ ДЮСШ – детско-юношеская спортивная школа.

⁷ СДЮСШОР - спортивная детско-юношеская школа олимпийского резерва.

художественной гимнастике спортивные группы формируются только из девочек, начиная с трехлетнего возраста, а в боксе из мальчиков и девочек с 10 лет. В свою очередь в художественной гимнастике в возрасте 15-16 лет многие спортсменки начинают задумываться о завершении спортивной карьеры, а в боксе в данном возрасте у большинства атлетов только начинается ее расцвет. Очень важно еще понимать, что занятие спортом оказывает влияние не только на физическое развитие спортсмена, но и психологическое (как индивида, субъекта, личности и индивидуальности), а спортивная карьера является всего лишь частью жизненного пути в целом [Стамбулова, 1999; Хвацкая, 1997].

Однако не всем спортсменам удастся успешно пройти через все этапы спортивной социализации, так как каждый переход подразумевает профотбор. Профотбор в спортивные группы осуществляется по самым разным критериям, но, несомненно, одним из наиболее важных моментов профотбора является способность спортсменов показывать *высокие спортивные результаты*. Результативность спортивной деятельности зависит от разных факторов, например, от физической и тактико-технической подготовки, однако малоизученным остается вопрос, как связаны социально-психологическая готовность спортсмена и его спортивные достижения [Ольховский, 2017]. Например, одним из важных критериев социально-психологической зрелости личности является *достигнутая идентичность*.

Проведенный нами обзор на тему идентичности показал, что в рамках западных исследований развиваются социально-психологические направления, способные решать проблемы в сфере спортивной индустрии. Часть из них опирается на положения теории социальной идентичности (ТСИ) и теории самокатегоризации (ТСК) [Tajfel, 1985; Turner, 2010; Rees, 2015].

В работе М. Брунера, где используется Опросник социальной идентичности для спорта (SIQS), установлено, что с изменением показателей СИ изменяется не только поведение членов спортивной команды, но и спортивные результаты, которые показываются [Bruner, 2017]. При этом автор указывает: эмпирическая проверка опросника (SIQS) на выборке из 869 молодых спортсменов (возраст =

14,84, SD = 3,79; мужчины = 375; женщины = 494) подтверждает целесообразность выделения в СИ трехкомпонентной структуры (когнитивного, аффективного, поведенческого компонентов), а также глобального фактора СИ [Bruner, 2018]. В другом исследовании автора показано, что у представителей разных видов спорта развитие идентичности по-разному связано с внутригрупповым и межгрупповым поведением, которое, как правило, бывает двух видов просоциальным и антисоциальным [Bruner, 2014]. Есть работы, в которых установлено, что в процессе повышения показателей СИ меняется поведение у членов спортивных команд с антисоциального на просоциальное, вместе с этим растут показатели их спортивных результатов, как на общекомандном, так и на индивидуальном уровне [Bruner, 2011; Bruner, 2017]. Например, в исследовании на выборке 422 спортсменов из командных видов спорта (футбол, хоккей, регби и др.) показано: спортсмены с более высокими показателями СИ имеют ярко выраженное просоциальное поведение, а также более высокие спортивные результаты [Bruner, 2015].

В другом исследовании, где за основу принимались положения ТСИ и ТСК, была зафиксирована корреляция между показателями *социальной идентичности* (СИ) и результатами выступления футбольных команд на Евро-2016 [Slater, 2018]. Л.Д. Мартен с коллегами продемонстрировал, что развитие СИ повышает сплоченность, самооценку и целеустремленность (лидерские качества) у членов спортивной группы (n=420) [Martin, 2016]. В обзорном исследовании, где в основном изучались спортсмены и тренеры, была показана взаимосвязь между параметрами *социальной идентичности* и профессиональным выгоранием [Goodger, 2007]. С.А. Хаслам и Дж. Джеттен установили следующее. Респонденты различных организаций (в том числе и спортивных) с высокими показателями СИ легче справлялись с преодолением жизненных проблем, а также наиболее высоко (положительно) оценивали состояние своего психического здоровья [Haslam, 2009]. В крупном исследовании, где изучались юноши и подростки (n=383), занимающиеся командными видами спорта, была зафиксирована отрицательная взаимосвязь между показателями СИ и уровнем стресса, при этом положительная

взаимосвязь между показателями СИ и высоким уровнем благополучия [Vella, 2020].

Обратим внимание на исследования, в которых показана эффективность применения ТСИ и ТСК в рамках профотбора. В научном труде Р. Мюррея, где также использовался SIQS, установлена положительная взаимосвязь между показателями СИ и мотивацией к продолжению занятием спортом у девушек (n=92), занимающихся бадминтоном [Murray, 2022]. В другой работе Р. Мюррей с соавторами обнаружил положительную взаимосвязь между показателями социальной идентичности у девушек-подростков (n=150) и их отсевом из спортивных команд [Murray, 2021]. Притом автор отмечает, что, например, в Канаде девушки-подростки менее мотивированы к занятию профессиональным спортом, чем мальчики-подростки, поэтому они чаще покидают спортивные группы и в итоге реже добиваются высоких спортивных результатов [Там же]. А С. Парк, Д. Тод и Д. Лавелли установили 15 факторов, связанных с завершением спортивной карьеры, одним из которых является социальная (спортивная) идентичность [Park, 2012].

Несмотря на то, что все перечисленные выше зарубежные исследования были сделаны не так давно, они отражают лишь общее понимание того, что занятие спортом оказывает неоднозначное влияние на процесс становления идентичности спортсменов. Стоит отметить, что в предлагаемых авторами исследованиях наблюдается нехватка работ, посвященных возрастному и гендерному анализу показателей *идентичности*, а также раскрывающих динамику данных показателей, например, в процессе продвижения спортсменом по этапам спортивной социализации. К недостаткам можно отнести и то, что предлагаемые авторами модели идентичности не раскрывают, какие именно компоненты *социальной идентичности* соотносятся с результатами спортивной деятельности. Кроме того, представленные исследования приводились в основном на выборках представителей командных видов спорта, поэтому достоверных данных в отношении спортсменов, что участвуют в индивидуальных состязаниях, они не дают.

В работах отечественных психологов мы также встречаем исследования феномена идентичности в области спортивных достижений как теоретического, так и прикладного характера. При этом стоит отметить, что большинство исследований проводились посредством применения методики Куна-Макпартленда «Кто Я?». Например, в исследовании, где изучались ученики с 9 по 11 классы, С.А. Ольшанской было установлено: структура Я-концепции старших подростков, которые занимались спортом, являлась менее дифференцированно выраженной, чем у их сверстников, которые не занимались спортом [Ольшанская, 2009]. Автор отмечает, что в юношеском возрасте, как у спортсменов, так и у не-спортсменов наблюдаются признаки незавершенности в процессе становления ЛИ [Там же]. Однако в исследовании С.В. Чернобровкиной и Е.К. Суворовой получены несколько иные данные. Авторами было выявлено, что структура Я-концепции спортсменов-подростков оказалась более дифференцированно выраженной за счет большего числа характеристик в категории СИ, чем у тех, кто спортом не занимался [Чернобровкина, Суворова, 2015]. Также в работе утверждается, что на основании полученных данных можно предположить по-разному происходящее взросление у спортсменов и не-спортсменов.

А.К. Симонова в свою очередь установила: структура Я-концепции спортсменов различается в зависимости от уровня их самооценки. У спортсменов со средним уровнем самооценки наиболее представленными оказались характеристики, относящиеся к категории ЛИ. В группе спортсменов с низкой самооценкой представленность характеристик из категорий ЛИ и СИ в структуре Я-концепции оказалась ниже, чем у спортсменов с высоким и средним уровнем самооценки. Таким образом, был сделан вывод, что содержание и структура Я-концепции меняется в зависимости от уровня самооценки спортсменов [Симонова, 2017]. Проверяемая в исследовании гипотеза является для нас достаточно близкой, однако даже при условии того, что автор выделяет в структуре Я-концепции когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты, в работе отсутствуют данные в отношении половозрастных различий в наборе характеристик ЛИ и СИ в структуре Я-концепции спортсменов и не-спортсменов.

При изучении феномена личностной идентичности психологами также часто используется «Опросник Самоотношения» («ОСО») В.В. Столина и С.Р. Пантилеева [Столин, Пантилеев, 1993]. Данная методика является более информативной, так как она позволяет делать количественные измерения компонентов самоотношения, а также устанавливать корреляционные связи с другими переменными, например, с результатами спортивной деятельности. Однако стоит отметить, что получаемые данные при помощи «ОСО» периодически согласуются с данными исследований, которые были получены при помощи методики «Кто-Я?». Так, в обзорной статье Г.Б. Горской, где делается анализ психологических эффектов ранней профессионализации личности, указывается на то, что подростки, которые занимались спортом, имели менее выраженную структуру Я-концепции в отличие от подростков, далеких от спорта [Горская, 2008]. Данные факты объясняются тем, что в анализируемых автором исследованиях при ответе на вопрос «Кто-Я?» спортсмены описывали характеристики собственной Я-концепции преимущественно в контексте их спортивных достижений. При этом Г.Б. Горская соглашается с другими авторами и приходит к выводу, что в будущем такое узконаправленное развитие Я-концепции у подростков-спортсменов может негативно отразиться на развитии их ЛИ, а также на освоении ими других видов деятельности [Там же]. Сделанные ученым в исследовании выводы также согласуются с результатами работы Т.И. Зерновой, где при помощи «ОСО» было показано, как ранняя специализация спортивной деятельности подростков приводила к формированию у них неадекватно завышенных показателей самоотношения, что, по мнению Т.И. Зерновой, также является негативным признаком развития ЛИ⁸ [Зернова, 2016].

В диссертационном исследовании С.В. Жилина мы находим различия в показателях Я-концепции и самооценки подростков, включенных (n=100, возраст 8 - 18 лет, m=51, ж=49, различной спортивной квалификации) и не включенных (n=50) в спортивную деятельность [Жилин, 2003]. Так, автор установил, что

⁸ В работе Т.И. Зерновой предлагается использование социально-психологических тренингов для решения выше указанных проблем.

подростки, которые занимались спортом, имели более высокие показатели самооценки, в отличие от подростков вне спорта. В работе С.В. Жилина установлено, что Я-концепция спортсменов имеет количественную и качественную специфику, она наиболее ярко выражена и в большей степени интегрирована, чем у не-спортсменов. В свою очередь сравнительный анализ самооценки и уровня притязаний спортсменов выявил, что у подростков-спортсменов с возрастом показатели данных феноменов повышаются, а у подростков не-спортсменов существенно не изменяются [Там же]. Основными выводами в работе С.В. Жилина оказались следующие положения: занятие спортом оказывает положительное влияние на становление Я-концепции молодых людей, при этом данное развитие детерминировано демографическими характеристиками личности (полом и возрастом); профессиональная карьера юных спортсменов напрямую зависит от уровня их самооценки.

Таким образом, опираясь на работы других авторов, мы можем предположить, что занятие спортом способно оказывать специфическое (неоднозначное) воздействие на развитие ЛИ и зависеть от избранного вида спорта, например, по одним дисциплинам какие-то компоненты будут опережать, а какие-то наоборот - отставать. Тем более у нас есть основания выдвинуть гипотезу о том, что выраженность (изменение) показателей ЛИ будет также напрямую зависеть от характера спортивных результатов, которых добиваются юные спортсмены.

Выдвинутые нами предположения согласуются с результатами исследования Н.А. Шестиловской, где было установлено, что занятие спортом формирует различие в стилях и способах саморегуляции поведения. Так, по мнению автора, спортсмены высокой квалификации обладают более универсальными и эффективными стилями саморегуляции, в отличие от спортсменов низкой квалификации и не-спортсменов, при этом данные различия имеют гендерные особенности [Шестиловская, 2018]. В работе Х.В. Марша и С. Клейтмана показано: продолжительность занятия спортом положительно коррелирует с успехами в учебе, как у мальчиков, так и у девочек, в отличие от

тех детей, которые не занимаются спортом [Marsh, Kleitman, 2003]. При этом авторы замечают: занятие спортом в рамках школы повышает степень идентификации учеников со школьными ценностями, нормами и правилами поведения, особенно если они занимаются командными, а не индивидуальными видами спорта. Таким образом, мы можем предположить, что существуют различия в типах взаимосвязи между показателями идентичности и результатами спортивной деятельности в командных и индивидуальных видах спорта: в индивидуальных видах повышение спортивных результатов в большей степени могут быть связаны с развитием ЛИ, а в командных с развитием СИ.

Например, в работе Н.А. Бондаренко были обнаружены различия в показателях самоотношения у девушек и юношей, которые занимались различными видами спорта. У гандболистов (командный вид спорта) уровень глобального самоотношения оказался выше, чем у представителей пулевой стрельбы (индивидуальный вид спорта) [Бондаренко, 2009]. С такими данными условно согласуются результаты исследования Н.П. Носенко и Т.И. Зерновой, установивших, что у девочек-подростков, которые занимались гандболом, показатели самопрезентации (набор характеристик в структуре Я-концепции) были значимо ниже, чем у представителей из других видов спорта – художественной гимнастики и футбола [Носенко, Зернова, 2017]. В недавнем исследовании И.С. Якиманская зафиксировала различия в параметрах самоотношения у спортсменов и не-спортсменов в возрасте 15-16 лет, где по большинству компонентов параметры самоотношения статистически значимо оказались выше у спортсменов, чем у не-спортсменов [Якиманская, 2022]. А Е.В. Коломийченко установил, что величина показателей самоотношения зависит от характера и степени включенности молодых людей в спортивную деятельность [Коломийченко, 2016]. Однако несмотря на то, что данные исследования проводились в основном на выборке спортсменов, в них отсутствует информация в отношении тех спортсменов, которые занимаются традиционно «мужскими видами спорта», а также не проверяются гипотезы о наличии взаимосвязи между показателями Я-концепции (самоотношения) и спортивных результатов.

В работе А.В. Алексейченко было установлено, что в группе подростков и юниоров, которые занимались единоборствами, 54% респондентов обладали средними показателями самооценки, 16% завышенными показателями самооценки и 30% заниженными показателями самооценки. При этом автором была установлена взаимосвязь между показателями самооценки, мотивацией достижения, стажем занятия спортом и спортивными результатами [Алексейченко, 2021]. Но в данном исследовании автор не сравнивает показатели самооценки по полу и возрасту спортсменов. Также в процессе анализа А.В. Алексейченко отдельно не останавливается на том, какой именно вид идентичности в большей степени связан с результатами спортивной деятельности у спортсменов, занимающихся единоборствами.

Отдельно стоит выделить работу С.Н. Шихвердиева, в которой он изучал проблему самоотношения у 228 спортсменов на стадии завершения спортивной карьеры. Установленные автором данные свидетельствуют о том, что у спортсменов, находящихся на стадии завершения спортивной карьеры, показатели самоотношения по шкале «самоуверенность» находятся на границе низких значений, а показатели по шкале «самообвинение» на границе высоких значений [Шихвердиев, 2010]. При этом в своем недавнем исследовании В.В. Кузнецов и С.Н. Трегубова получили отличительные результаты, а именно авторы выявили высокие показатели «самоуважения» и низкие показатели «самообвинения» в структуре самоотношения у спортсменов, занимающихся единоборствами [Кузнецов, Трегубова, 2020]. Необходимо уточнить: под единоборствами специалисты часто понимают разновидность спортивных дисциплин, в перечень которых также входит и бокс.

Что касается отечественных исследований, объясняющих поведение человека включенностью его в спортивную группу, то следует констатировать, что их пока очень мало. Одной из таких работ стало исследование В.Д. Байрамова и Э.А. Эльнурова, в котором зафиксировано, что одним из важных факторов, меняющих поведение индивида, включенного в спортивную группу, является процесс его самоидентификации с другими членами группы, т.е. развитость у

него групповой идентичности [Байрамов, Эльнуров, 2016]. В работе О.В. Гребенниковой установлено положительное влияние развития групповой идентичности на процессы социализации подростков в рамках спортивных групп [Гребенникова, 2013]. Е.В. Шапкина отмечает: факт развития групповой идентичности повышает не только спортивные результаты подростков, но и делает процесс их воспитания более продуктивным [Шапкина, 2008]. Отдельно стоит отметить, что в спортивной сфере наблюдается острая нехватка исследований на тему половозрастных различий компонентов организационной идентичности, что, на наш взгляд, также является достаточно серьезным упущением.

Заслуживают специального внимания работы, в которых изучалось влияние спортивных организаций на становление гендерной идентичности. С.С. Родоманова пришла к выводу, что многие профессиональные спортсмены используют занятие спортом для снятия гендерного неравенства [Родоманова, 2007]. Например, в работе С.К. Багадировой было показано, как в группах спортсменов-подростков, которые занимались дзюдо, с возрастом гендерная идентичность смещалась в сторону андрогинного типа (и у девушек, и у юношей). Однако та же тенденция наблюдалась и в контрольной группе испытуемых, которые не занимались спортом, поэтому автор делает вывод, что спорт не влияет на гендерную социализацию подростков [Багадирова, 2014]. С такой точкой зрения не согласна А.А. Усольцева. Она в своем диссертационном исследовании установила, что у девушек, которые занимаются традиционно «мужскими видами спорта», гендерная идентичность смещается в сторону маскулинного типа, потому что только с развитием традиционно мужских качеств (сила, выносливость, агрессия) девушки, занимающиеся маскулинными видами спорта, могут добиться хороших спортивных результатов [Усольцева, 2015]. С данными выводами согласуются результаты, полученные в исследовании Н.С. Цикуновой, которой было установлено, что в начале спортивной карьеры в маскулинных видах спорта в структуре гендерной идентичности девочек появляется конфликт между фемининным типом и андрогинным типом идентичности. Далее на фоне

проявления смелости и снижения тревожности у девочек начинает формироваться андрогинный тип идентичности с уклоном в маскулинную сторону. У мальчиков занятие традиционно мужскими видами спорта усиливает маскулинный тип идентичности, а занятие фемининными – снижает их эмоциональную устойчивость. Различий между группой девочек, которые занимаются фемининными видами спорта, и девочками, не занимающимися спортом, не было обнаружено [Цикунова, 2003].

В другом исследовании рассматривалось информационное давление, оказывавшееся на молодых игроков футбольных команд, чтобы они придерживались своей гендерной идентичности при помощи стыда и других методов социализации [Olrich, 1996]. Так, М. Гуивернау установил, что мальчики-футболисты вели себя более агрессивно (проявляли маскулинные черты характера) по отношению к другим ребятам, если они получали одобрение от тренеров [Guivernau, 2002]. Из чего можно сделать утвердительные выводы: занятие спортом оказывает значимое влияние на становление гендерной идентичности, особенно если учитывать специфику и направленность спортивной дисциплины.

В работе В. Старосты обращается внимание на то, что в «условно мужских» видах спорта система подготовки юных спортсменов разрабатывалась только с учетом физических и психологических особенностей мальчиков. Автор утверждает, что некоторые «традиционно мужские» виды спорта оказывают негативное влияние на развитие женского организма, как в физическом, так и в психологическом плане. Изучая анонимные опросы, в которых принимали участие девушки, занимающиеся «мужскими видами» спорта, автор выявила следующее: практически все они (94,6%) переживают по поводу своей женственности [Староста, 1999]. Исследование Т.В. Артамоновой и Т.А. Шевченко показывает, каким образом на формирование маскулинного, андрогинного и фемининного типов идентичности влияют отношение индивида к выбранному спорту, межличностный и внутригрупповой климат в команде, а также способы достижения поставленных перед спортсменом целей и задач

[Артамонова, Шевченко, 2008]. В работе А.С. Дамадаевой установлено, что на снижение гендерного неравенства у спортсменов и спортсменок еще влияет стаж занятий [Дамадаева, 2011а]. Однако автор отмечает, что важным фактором является специализация в спорте. Так, у спортсменов, занимающихся «традиционно мужскими» видами спорта, прослеживается низкая дифференциация в гендерных различиях, в отличие от традиционно женских видов, где она – высокая [Дамадаева, 2010]. В другой работе автор доказывает: занятие девушками единоборствами существенно отражается на их гендерной идентичности, девушки становятся более мужественными как в физическом, так и в психологическом плане. Также автор считает, что девушки, которые занимаются «традиционно мужскими» видами спорта, нуждаются в квалифицированной психологической поддержке, особенно после завершения спортивной карьеры [Дамадаева, 2011б].

Таким образом, несмотря на существование повышенного интереса исследователей к проблеме социализации подрастающего поколения в «условно мужских» видах спорта, наименее разработанной остается проблема социально-психологических факторов, способных обеспечивать высокие спортивные достижения. В ряде работ показано влияние индивидуально-психологических (мотивы, установки, самоконтроль, эмоциональные состояния и др.) и социально-психологических (характер межличностных и межгрупповых отношений и др.) факторов на спортивные результаты [Родионов, 1987; Коломейцев, 1974; Огородова, 2013; Донцов, 2019; Сохликова, 2017 и др.]. Однако данные исследования проводились либо достаточно давно (еще в советское время), либо на смешанных выборках. Есть работы, в которых фиксируется влияние занятия спортом на формирование Я-концепции, отношения с другими людьми, самоотношение (саморегуляцию и самореализацию), идентичность девушек-боксеров, но их авторы не отвечают, собственно, на вопрос, как данные феномены соотносятся с динамикой спортивных достижений [Уляева, 2017; Арансон, 2021 и др.].

Отдельно стоит отметить и такое: понимание эффективности в области спортивных достижений в разных исследованиях может существенно отличаться, особенно, если авторы учитывают специфику тех или иных спортивных направлений. В игровых видах спорта (футбол, хоккей, волейбол и др.) часто под повышением эффективности спортивной деятельности понимают увеличение игрового времени, которое проводит игрок на поле в процессе матча, или число голов и сделанных результативных передач [Slater, 2018]. В циклических видах спорта (бег, лыжи, плавание и др.) повышение спортивных результатов, как правило, выражается в улучшении временных показателей прохождения соревновательной дистанции [Донцов, 2019]. В нашем исследовании мы будем использовать наиболее унифицированный показатель спортивных достижений, который отражает индивидуальный уровень мастерства спортсмена (наличие у него спортивного разряда или звания) и занимаемые им места на главных спортивных стартах страны (первенстве или чемпионате России) [Сохликова, 2017]. При этом, несомненно, в каждом отдельном виде спорта существуют погрешности в измерении эффективности деятельности (например, предвзятое судейство, наличие травм у спортсмена и мн. др.), которые так или иначе необходимо учитывать в процессе анализа таких данных.

ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ

1. Проведенный теоретико-методологический анализ показал, что большинство классических и современных работ по проблеме идентичности опираются на положения, разработанные в рамках эпигенетической теории личности [Эриксон, 1999б], теории социальной идентичности (ТСИ) [Tajfel, 1985] и теории самокатегоризации (ТСК) [Turner, 2010].

2. В структуре идентичности выделяют личностную и социальную идентичность, при этом есть исследования, в которых предлагается в контексте социальной идентичности отдельно рассматривать групповую и организационную идентичность [Сидоренков, 2020].

3. Установлено, что представленные в работах данные различаются в зависимости от используемого в них методического обеспечения [Даудрих, 2000].

4. Выявлена теоретическая и эмпирическая обоснованность применения трехкомпонентных моделей идентичности [Cameron, 2004; Bruner, 2018], в том числе и к выборке подростково-юношеского возраста [Васькова, 2013].

5. Наиболее интенсивное развитие *социальной идентичности* наблюдается в подростковом возрасте, когда молодые люди проходят важные этапы социализации, а самоотношения (как элемента *личностной идентичности*) – в юношеский период, когда на первый план выходит проблема самоопределения. При этом большинство ученых отмечают два важных положения:

- развитие идентичности детерминировано половыми и гендерными различиями индивидов;
- формирование идентичности напрямую зависит от специфики и результата той деятельности, в которую включены молодые люди.

6. Обнаружено, что для решения в том числе и прикладных проблем в спортивной сфере (организациях) используются идеи из ТСИ и ТСК. Однако исследования в основном проводятся за рубежом и в командных видах спорта, поэтому научные данные в отношении спортсменов, которые участвуют в индивидуальных состязаниях, практически отсутствуют.

7. В науке наблюдается дефицит работ, раскрывающих особенности развития идентичности в «традиционно мужских» видах спорта, а также выявляющих взаимосвязь данного процесса со спортивными достижениями. Кроме того предлагаемые модели идентичности не объясняют, какие именно компоненты (когнитивный, аффективный, поведенческий) личностной, групповой и организационной идентичности наиболее взаимосвязаны с результатами спортивной деятельности.

На этом основании мы считаем необходимым изучить процесс становления идентичности в группах спортсменов подростково-юношеского возраста обоих полов на базе Федерации бокса России с использованием трехкомпонентной модели идентичности (см. рис. 1), а также рассмотреть соотнесенность разных компонентов самоотношения, групповой и организационной идентичности с уровнем спортивных достижений боксеров.

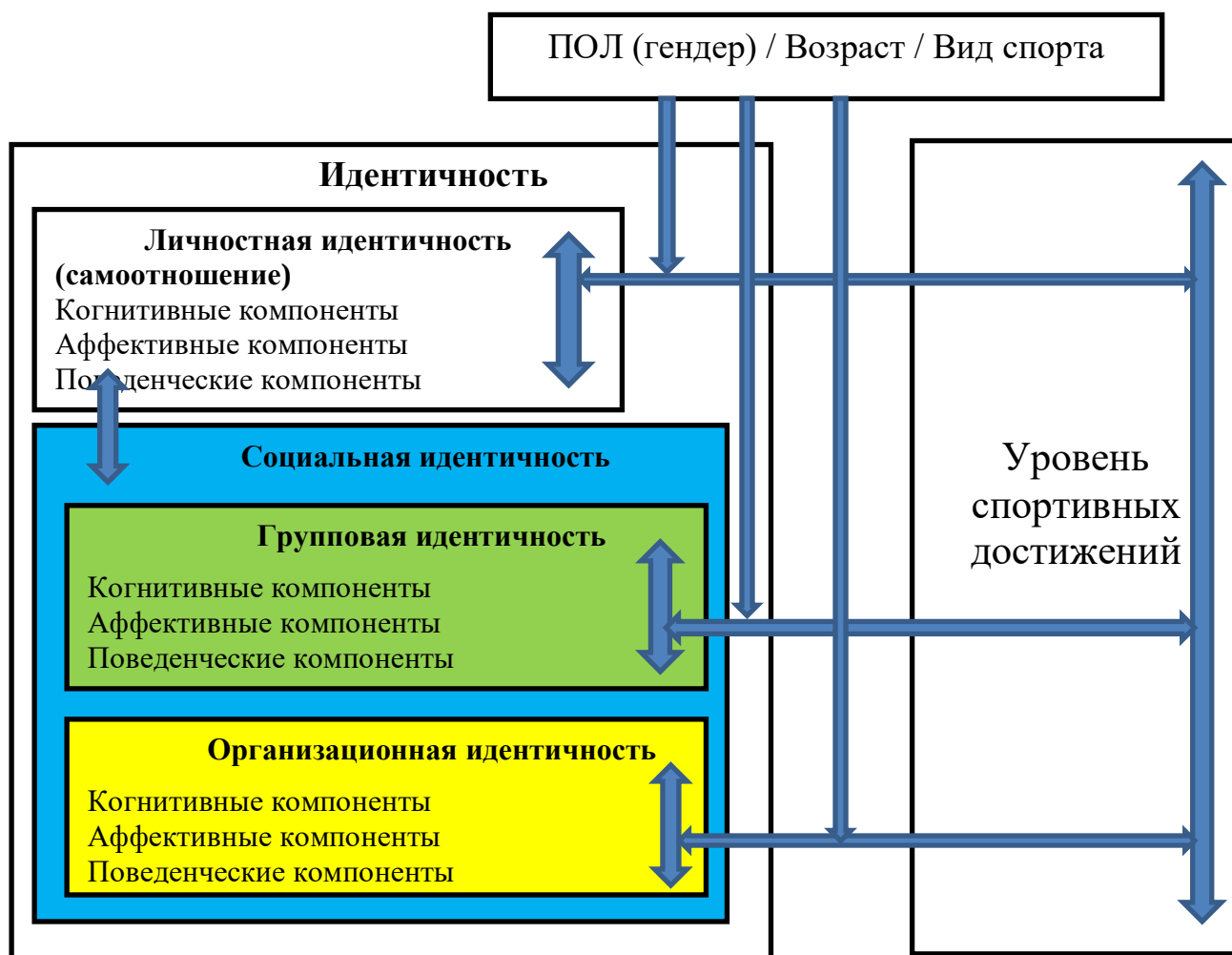

Рисунок 1. Исследовательская модель идентичности⁹

⁹ В структуре идентичности представлены личностная и социальная идентичность. Самоотношение рассматривается как центральный элемент личностной идентичности. В рамках социальной идентичности выделяются два подвида - групповая и организационная идентичность. Групповая идентичность отражает степень идентификации индивида со своей спортивной группой, где он регулярно тренируется, организационная показывает степень идентификации с Федерацией в целом. В каждом виде идентичности выделяется когнитивный, аффективный, поведенческие компоненты. Уровень спортивных достижений (УСД) отражает произведение спортивного разряда (звания) и занятого места на последнем первенстве России.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИДЕНТИЧНОСТИ И УРОВНЯ СПОРТИВНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ И ЮНИОРОВ

2.1. Организация и методы исследования

Теоретико-методологический анализ показал, что проблема идентичности достаточно активно и широко разрабатывается в процессе изучения спортивных организаций. При этом авторы регулярно опираются на положения, разработанные в рамках эпигенетической теории личности [Эриксон, 1999б; Marsia, 1980], теории социальной идентичности [Tajfel, 1985; Bruner, 2017; Martin, 2017] и теории самокатегоризации [Tajfel, 1985; Turner, 2010; Bruner, 2015; Murray, 2021]. Однако в области спортивных достижений по-прежнему остается ряд нерешенных проблемных вопросов касаясь теории идентичности. Например, в научной базе практически отсутствуют исследования, отвечающие на вопрос о существовании половых (гендерных) и возрастных различий в выраженности компонентов ЛИ и СИ у спортсменов подростково-юношеского возраста, занимающихся индивидуальными, «традиционно маскулинными» видами спорта. Еще наблюдается острая нехватка работ, в которых могла быть показана взаимосвязь между идентичностью и спортивными результатами в индивидуальных спортивных дисциплинах. Обусловлено это следующим: во-первых, в индивидуальных видах спорта достаточно сложно найти необходимый объем выборки для проверки статистических гипотез; во-вторых, большинство спортивных федераций являются закрытыми организациями, что в свою очередь затрудняет доступ для проведения социально-психологических исследований (например, массовых опросов).

Таким образом, ранее поставленные исследовательские вопросы могут быть успешно решены на примере Федерации бокса России. Для этого нами была поставлена следующая **цель исследования** – выявить взаимосвязь между компонентами самоотношения (как центрального элемента личностной

идентичности) и компонентами социальной идентичности с уровнем спортивных достижений у спортсменов подростково-юношеского возраста, занимающихся боксом.

Объект исследования: феномен идентичности в подростково-юношеский период.

Предмет исследования: специфика взаимосвязи компонентов идентичности с уровнем спортивных достижений у боксеров подростково-юношеского возраста.

Задачи исследования:

1. Проанализировать классические и современные теоретико-методологические подходы, изучающие феномен идентичности;
2. Выявить половые и возрастные различия идентичности в подростково-юношеском возрасте у спортсменов, занимающихся боксом;
3. Установить взаимосвязи между компонентами идентичности и уровнем спортивных достижений у юных боксеров;
4. Определить величину и характер вклада компонентов идентичности в уровень спортивных достижений у боксеров подростково-юношеского возраста.
5. Предложить практические рекомендации по проблемным вопросам для тренеров и спортивных психологов с учетом половозрастных особенностей юных боксеров, полезных для применения в процессе тренировок и на соревнованиях различного уровня.

Гипотезы исследования

Опираясь на теоретические предпосылки, что развитие личностной (ЛИ) и социальной (СИ) идентичности в подростково-юношеском возрасте происходит неравномерно (компоненты СИ динамичнее развиваются в подростковый период, а компоненты ЛИ в юношеский период, при этом у девушек в сравнении с юношами наблюдается хронологическое опережение развития идентичности), мы сделали следующие научные предположения.

1. Существуют возрастные и половые различия в выраженности компонентов идентичности у спортсменов, занимающихся боксом, при этом:

1.1. У боксеров в старшем подростковом возрасте (15-16 лет) ярче выражены компоненты социальной идентичности, а в юношеском (17-18 лет) – компоненты самоотношения.

1.2. У девочек-боксеров ярче выражены компоненты самоотношения, а у мальчиков-боксеров компоненты социальной идентичности.

2. Существует взаимосвязь между компонентами идентичности и уровнем спортивных достижений (УСД) боксеров, имеющая половозрастную специфику:

2.1. У боксеров в старшем подростковом возрасте существует прямая связь между компонентами социальной идентичности и УСД, в юношеском возрасте существует прямая связь между УСД и компонентами самоотношения.

2.2. У девочек-боксеров существует прямая связь между УСД и компонентами самоотношения, у мальчиков-боксеров существует прямая связь между УСД и компонентами социальной идентичности.

3. У боксеров компоненты идентичности по-разному вносят вклад в изменчивость показателей УСД, при этом существуют половозрастные различия в размере данного вклада:

3.1. У боксеров в юношеском возрасте компоненты самоотношения вносят больше положительного вклада в УСД, чем компоненты социальной идентичности.

3.2. У боксеров в старшем подростковом возрасте компоненты социальной идентичности вносят больше положительного вклада в УСД, чем компоненты самоотношения.

3.3. У мальчиков-боксеров компоненты социальной идентичности вносят больше положительного вклада в УСД, чем у девочек.

3.4. У девочек-боксеров компоненты самоотношения вносят больше положительного вклада в УСД, чем у мальчиков.

Выборка

В связи с задачами исследования мы рассматриваем границы подростково-юношеского возраста так, как они фиксируются в рамках отечественной психологии [Эльконин, 2001], разработанной на базе физиологических,

психологических, педагогических и других показателей, а также с учетом специфических особенностей и тех задач, которые решаются в сообществах такого типа. В боксе выделяют пять основных возрастных категорий: 12 лет – младшие юноши; 13-14 лет – юноши; 15-16 лет – старшие юноши и девочки (в отечественной периодизации соответствует старшему подростковому возрасту); 17-18 лет – юниоры и юниорки (в отечественной периодизации соответствует юношескому возрасту), от 19 лет – взрослые. В каждой возрастной категории ежегодно проходят отдельные первенства и чемпионаты России по боксу, на основании которых формируются национальные сборные страны, при этом соревнования проходят в разных весовых категориях, отдельно у мужского и женского пола.

Из анализа были исключены первые две возрастные группы, так как сбор данных в них оказался достаточно сложным (во-первых, необходимо было получить официальное разрешение у родителей спортсменов; во-вторых, ряд вопросов, предлагаемых в методиках, мог быть неверно интерпретирован респондентами). Также в нашем исследовании не принимали участие спортсмены старше 18 лет.

Всего опрос прошли 397 человек, однако в итоговую эмпирическую выборку вошли данные только 360 участников (15 бланков были признаны недействительными по причине отсутствия части данных, 22 были исключены из анализа путем рандомизации для уравнивания количества респондентов по подгруппам).

В итоге в исследовании приняли участие 360 спортсменов, занимающихся боксом: 1 группа (180 человек) – девушки в возрасте 15-18 лет, квалификация 1 разряд – КМС (38 % - 1 разряд, 40 % - КМС); 2 группа (180 человек) – юноши в возрасте 15-18 лет, квалификация 1 разряд – КМС – МС (34 % - 1 разряд, 40 % - КМС, 4 % - МС). Для дальнейшего анализа вся выборка была поделена на четыре группы по 90 человек по полу и возрасту: 1 группа – девочки-подростки (возраст 15-16 лет), квалификация 1 разряд – КМС; 2 группа – мальчики-подростки (возраст 15-16 лет), квалификация 1 разряд – КМС; 3 группа – юниорки

(юношеский возраст 17-18 лет), квалификация 1 разряд – КМС – МС; 4 группа – юниоры (юношеский возраст 17-18), квалификация 1 разряд – КМС – МС.

Методики исследования

В начале исследования участники заполняли анкету, где они указывали социодемографические данные (пол, возраст, стаж занятия боксом, спортивный разряд, район проживания, лучшие спортивные результаты за последние два сезона). Участие в исследовании спортсменами принималось добровольно на текущих соревнованиях (первенство России по юношам, девушкам, юниорам и юниоркам), в случае необходимости дополнительно получалось согласие у родителей и тренеров.

Для измерения **уровня спортивных достижений (УСД)** применялась методика измерения результативности спортивной деятельности (см. Приложение 1). Индекс уровня спортивных достижений R_i i -го спортсмена рассчитывался по формуле:

$$R_i = Z_i \times k_i,$$

где Z_i – показатель, соответствующий спортивному нормативу (МС – 5 баллов; КМС – 4 балла; 1 разряд – 3 балла и т.д.); k_i – весовой коэффициент результативности, соответствующий занятому i -м спортсменом месту на последнем первенстве России (1 место: $k_i = 1,0$; 2 место: $k_i = 0,9$ и т.д.). Анализ уровня спортивных достижений проводился с использованием данных спортсменов, выступающих в одном виде спорта, учитывались результаты соревнований одного уровня, что является достаточно высокой унифицированной мерой оценивания их спортивных результатов, которые отражаются в виде баллов. Данная методика ранее успешно была применена в диссертационной работе В.А. Сохликовой, где отмечаются ее следующие достоинства:

- возможность сравнения эффективности спортсменов;
- универсальность метода для различных видов спорта;
- простота реализации метода [Сохликова, 2017]. Учитывалось, что при оценке показателя УСД могли быть допущены погрешности, так как иногда результаты соревнований могут быть искажены необъективным судейством.

Поэтому показатель УСД в перспективе может быть скорректирован дополнительной экспертной оценкой.

Далее для измерения показателей самоотношения (как центрального элемента ЛИ), групповой и организационной идентичности были использованы репрезентативные, валидные методики, которые позволяют фиксировать уровень измеряемых показателей (высокий, средний, низкий) и их выраженность.

Для исследования **самоотношения** применялся «Опросник Самоотношения» (ОСО), разработанный В. В. Столиным и С.Р. Пантилеевым [Пантилеев, Столин, 1993]. Предложенная авторами модель самоотношения соответствует теоретико-методологическим предпосылкам и является достаточно адекватной для решения поставленных в рамках данного исследования задач. Опросник неоднократно применялся на выборке респондентов подростково-юношеского возраста, поэтому является универсальным, достаточно надежным, валидным и репрезентативным [Киселева, 2007; Зернова, 2016; Попова, 2016; Гаранина, 2019; Васильева, 2019 и др.].

Описание шкал методики (ОСО)

Шкала S (интегральная)

Высокие показатели говорят о принятии себя, о развитии чувства «за» свою личность. Низкие показатели говорят о непринятии себя самим, о протесте против самого себя.

Шкала I. Самоуважение

Высокие показатели говорят об уважительном отношении к себе, собственным планам, стремлениям. Низкие показатели выражают сомнение в ценности собственной личности.

Шкала II. Аутосимпатия

Высокие показатели говорят об эмоциональном принятии себя таким, каков есть. Низкие показатели сообщают о безразличии к самому себе, к собственному «Я».

Шкала III. Ожидание положительного отношения к себе

Высокие показатели говорят об ожидании положительного отношения к себе. Низкие показатели – об ожидании отрицательного отношения.

Шкала IV. Самоинтерес

Высокие показатели отражают интересность собственного «Я» для себя, выражают эмоциональную оценку себя. Низкие показатели являются важным индикатором внутреннего неблагополучия, душевного дискомфорта.

Шкала 1. Самоуверенность

Высокие показатели говорят об общем высоком мнении о себе; представление о себе как о волевом, энергичном, целеустремленном человеке. Низкие показатели говорят о сомнениях в своих волевых и деловых качествах.

Шкала 2. Ожидания отношения к себе других

Высокие показатели говорят об ожидании положительного отношения. Низкие показатели об ожидании отрицательного отношения.

Шкала 3. Самопринятие

Высокие показатели говорят об отношении к себе, одобрении своих планов, принятии себя таким, каков есть. Низкие показатели говорят о недостаточном принятии.

Шкала 4. Саморуководство

Высокие показатели отражают представления о стабильности собственного поведения и самоотношения, усилия противодействовать резким переменам в жизни помимо своей воли, внутренний контроль поведения и жизни в целом. Низкие показатели соответствуют неуверенности, колебаниям в самоотношении, неверию в свои способности.

Шкала 5. Самообвинение

Высокие показатели говорят о самообвинении, готовности поставить себе в вину свои промахи, неудачи. Низкие показатели – о недостаточной критичности, о некотором самодовольстве. Очень высокие и очень низкие показатели являются важным признаком душевного неблагополучия и необходимости оказания психологической помощи.

Шкала 6. Самоинтерес

Высокие показатели отражают любовь к себе, интересность собственного «Я». Крайне высокие показатели отражают перерастание самоинтереса в самомнение, самолюбование. Низкие показатели отражают недооценку своего духовного «Я», почти безразличие к нему. Низкие оценки – показатель внутреннего неблагополучия, душевного дискомфорта.

Шкала 7. Самопонимание

Высокие показатели отражают отсутствие тенденции к переосмыслению собственных качеств. Отсутствует сомнение в том, что он такой, каким должен быть. Не выражена установка на самоизменение. Крайне высокие показатели говорят о ригидности процессов самопознания, самодовольстве.

В инструкции респонденту предлагается ответить на 57 утверждений. В случае согласия с утверждением ставится знак «+», несогласия – знак «-».

Интерпретация результатов: меньше 50 – признак не выражен; 50-74 – признак выражен; больше 74 – признак ярко выражен.

Для исследования **групповой идентичности** (ГИ) был использован опросник А.Р. Грациани, М. Рубини, А. Палмонари, С. Костарелли, Р.М. Калла, перевод, адаптацию и апробацию которого провела О.В. Васькова [Васькова, 2013]. Опросник неоднократно применялся на выборке респондентов подростково-юношеского возраста, поэтому является универсальным, достаточно надежным, валидным и репрезентативным [Васькова, 2012; Васькова, 2013].

Описание шкал опросника:

1. **Ингрупповые связи** - показатель вовлеченности человека в структуру взаимодействия в группе.
2. **Ингрупповые чувства** – выражение респондентом эмоционального отношения к его пребыванию в группе.
3. **Коллективная самооценка** – степень удовлетворенности членства в группе.
4. **Самопонимание** – роль членства в группе для конструирования собственного образа Я.

5. **Нисходящее сравнение** – сравнение себя с одноклассниками в свою пользу.

6. **Центральность** – значимость для Я-концепции членства в группе.

7. **Сплоченность** – оценивание индивидом эмоциональной сплоченности группы.

8. **Межгрупповая конкуренция и сравнение** – выраженность конкуренции личности как члена ин-группы в сравнении с аут-группами.

9. **Времяпрепровождение** – выраженность и степень благоприятности межличностных отношений и взаимодействий в группе.

Компоненты групповой идентичности оценивались участниками исследования по шкале Лайкерта в баллах от 1 до 7: 1 балл – полностью не согласен с утверждением, 7 баллов – полностью согласен с утверждением, 4 балла – не знаю / все равно.

Интерпретация результатов:

от 1 до 3 – низкие показатели;

от 3 до 5 – средние показатели;

от 5 до 7 – высокие показатели.

Для выявления трех компонентов (аффективного, когнитивного, поведенческого) **организационной идентичности** в исследовании применялся опросник А.В. Сидоренкова [Сидоренков, 2020]. Опросник неоднократно применялся на выборке респондентов разного возраста и пола, в различных организациях, поэтому является универсальным, достаточно надежным, валидным и репрезентативным [Сидоренков, 2019; Сидоренков, 2020].

Описание шкал опросника:

Когнитивный компонент – уровень знаний о ценностях, целях, правилах, политике, обычаях, стиле управления в организации;

Аффективный компонент – позитивность чувств, испытываемых респондентом в связи с его членством в конкретной организации;

Поведенческий компонент – установки респондента следовать принятым корпоративным нормам и готовность действовать на пользу организации.

Инструкция: прочитайте утверждения и оцените их истинность относительно вашего отношения к Федерации бокса России (ФБР). Оценка производится по шестибальной шкале, где «1» означает «Полностью не согласен», «6» — «Полностью согласен»; остальные баллы выражают разную промежуточную меру вашего согласия или несогласия.

Интерпретация результатов ОИ (*когнитивный и аффективный компонент*): от 1 до 9 – слабые показатели; от 7 до 15 – средние показатели; от 16 до 18 – высокие показатели.

Интерпретация результатов ОИ (*поведенческий компонент*): от 1 до 3 – слабые показатели; от 3 до 9 – средние показатели; от 9 до 12 – высокие показатели.

Статистические методы обработки данных

Сначала все полученные данные были проверены на нормальность распределения. При использовании критерия Колмогорова–Смирнова установлено, что распределение данных по большинству шкал самооотношения, ГИ и ОИ отличаются от нормального ($p < 0,05$), поэтому далее сравнение компонентов самооотношения, ГИ и ОИ проводилось с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни. Определение взаимосвязи между компонентами идентичности и УСД проводилось посредством коэффициента ранговой корреляции r -Спирмена. В исследовании применялась поправка на множественные сравнения Холма–Бонферрони. Для выявления основных предикторов уровня спортивных достижений применялся иерархический (пошаговый) множественный регрессионный анализ, нормальность распределения данных определялась показателями асимметрии и эксцесса $< |1|$. Корреляционная матрица не содержит мультиколлинеарных факторов, т.к. все коэффициенты корреляции находятся в зоне допустимых значений, таким образом, все факторы могут быть задействованы для построения модели. На 1 шаге МРА производилось включение компонентов самооотношения (уровень

конкретных действий¹⁰); на 2 шаге добавлялись компоненты групповой идентичности (ГИ); на 3 шаге компоненты организационной идентичности (ОИ). Обработка данных осуществлялась в программе SPSS 22.0. Все использованные методики показали достаточно высокую надежность на данной выборке (коэффициенты альфа Кронбаха для каждой шкалы $\alpha > 0,78$).

2.2. Особенности самоотношения, групповой и организационной идентичности боксеров

Результаты исследования **самоотношения** для всей выборки (N=360) представлены на рисунке 2 и в таблице 1 (полную описательную статистику параметров самоотношения, групповой и организационной идентичности см. в Приложении 2).

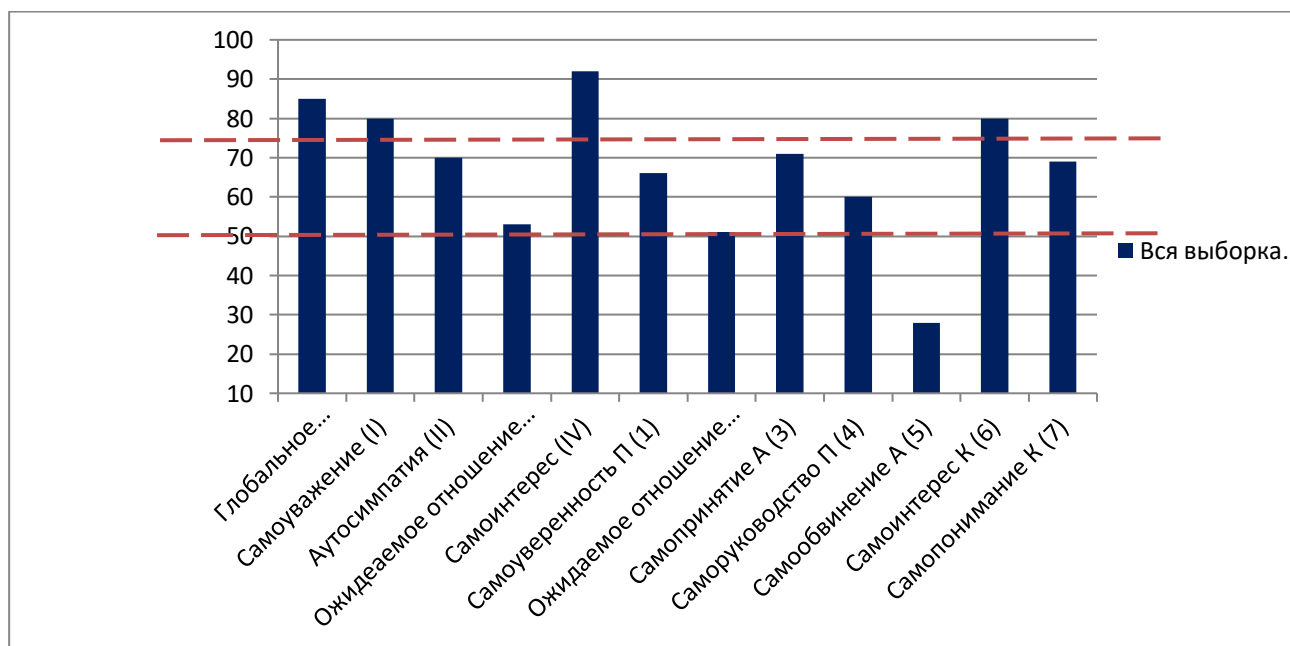

Рисунок 2. Выраженность параметров самоотношения боксеров (N=360)

Примечание: красными линиями выделены значимые зоны: меньше 50 - признак слабо выражен; 50-74 - признак выражен; больше 74 - признак ярко выражен.

Выраженность показателей компонентов самоотношения определяется через накопленную частоту ответов респондентов (НЧ %), чем выше показатели НЧ ответов, тем сильнее проявляется соответствующий компонент

¹⁰ Чтобы исключить мультиколлинеарность между аффективными, когнитивными и поведенческими компонентами самоотношения и группой идентичности, они прошли процедуру Z-стандартизации и объединены в общие шкалы. В итоге на каждом шаге РА включались по 3 предиктора (компонента) СО, ГИ и ОИ, что существенно снижало семантическую нагрузку при анализе и интерпретации данных.

самоотношения. Выраженность показателей компонентов групповой и организационной идентичности определяется через среднее значение (М), чем выше показатели среднего значения, тем сильнее проявляется соответствующий компонент идентичности.

Так, в общей группе боксеров в *области высоких значений* оказались показатели самоотношения по шкале «глобальное самоотношение», это говорит о том, что боксеры на высоком уровне принимают свое «Я» и имеют высокоразвитое чувство «за» свою личность. По шкале «самоуважение» это говорит о том, что боксеры уважительно относятся к себе, собственным планам и личностным стремлениям. По шкале «самоинтерес» это говорит о том, что боксеры проявляют высокий интерес к собственному «Я», мыслям и чувствам. По шкале «самоинтерес б» это говорит о том, что боксеры на уровне конкретных действий проявляют высокий интерес в отношении собственного «Я», мыслей и чувств.

Таблица 1. Описательная статистика параметров самоотношения боксеров (N=360)

Шкалы самоотношения	НЧ (%)*	Me	М / SD
Глобальное самоотношение (S)	85	18,0	18,7 / 3,6
Самоуважение (I)	80	10,0	10,1 / 2,3
Аутосимпатия (II)	70	9,0	9,1 / 2,1
Отношение других (III)	53	10,0	9,2 / 2,3
Самоинтерес (IV)	92	7,0	6,7 / 1,1
Самоуверенность 1 (II)	66	5,0	5,1 / 1,4
Отношение других 2 (A)	51	6,0	6,0 / 1,5
Самопринятие 3 (A)	71	5,0	5,0 / 1,4
Саморуководство 4(II)	60	4,0	4,2 / 1,1
Самообвинение 5 (A)	28	3,0	3,3 / 1,2
Самоинтерес 6 (K)	80	6,0	5,8 / 1,3
Самопонимание 7 (K)	69	3,0	3,4 / 1,2

Примечание*: К – когнитивный компонент; А – аффективный компонент; II – поведенческий компонент; НЧ – накопленная частота; Me – медиана; М – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

В *области средних значений* в общей группе боксеров оказались показатели самоотношения по шкале «аутосимпатия», это говорит о том, что боксеры имеют выраженную позитивную самооценку и доверие к себе. По шкале «ожидаемое отношение от других» – это говорит о том, что боксеры в большей степени ожидают негативного отношения к себе от других людей. По шкале

«самоуверенность» – это говорит о том, что боксеры на среднем уровне оценивают себя как волевых и целеустремленных людей. По шкале «самопринятие» – говорит о том, что боксеры на среднем уровне склонны к одобрению своих планов и принимают себя со всеми своими недостатками. По шкале «саморуководство» – характеризует боксеров как достаточно стабильных и последовательных личностей в отношении собственного поведения, которые способны самостоятельно контролировать происходящие события в их жизни. По шкале «самопонимание» – говорит о том, что у боксеров низкая тенденция к переосмыслению собственных личностных качеств и невысокая установка на самоизменение.

В области низких значений в общей группе боксеров оказались показатели самоотношения по шкале «ожидаемое отношение от других 2», это говорит о том, что боксеры на уровне конкретных действий склонны ожидать негативное отношение к себе от других людей. По шкале «самообвинение», это говорит о том, что боксеры обладают низкой самокритикой и установкой на самоизменение.

Результаты исследования **групповой идентичности** для общей группы боксеров (n=360) показаны на рисунке 3 и в таблице 2.

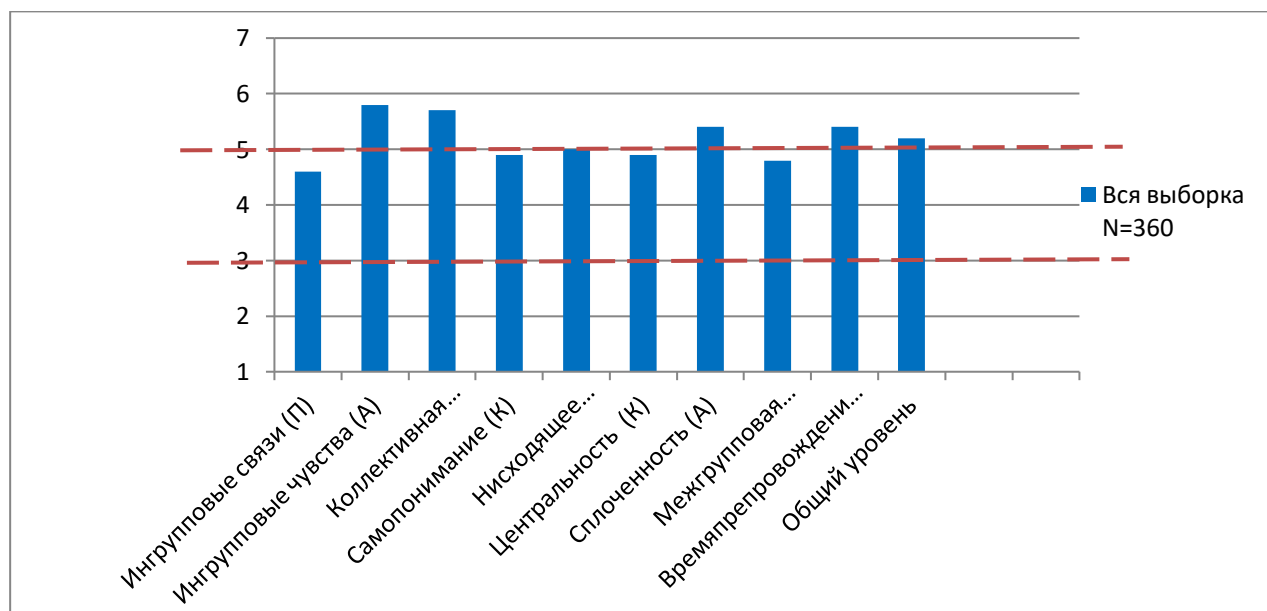

Рисунок 3. Выраженность параметров групповой идентичности боксеров (N=360)

Примечание: красными линиями выделены значимые зоны: меньше 3 - признак слабо выражен; от 3 до 5 - признак выражен; больше 5 - признак ярко выражен.

Так, в общей группе боксеров в *области высоких значений* выявлены показатели групповой идентичности по шкале «общая групповая идентичность», это говорит о том, что боксеры имеют высокую степень идентификации с группой, где они регулярно тренируются. По шкале «ингрупповые чувства», это говорит о том, что боксеры испытывают сильные положительные чувства к группе, в которой они регулярно тренируются. По шкале «коллективная самооценка», это говорит о том, что боксеры на высоком уровне оценивают степень удовлетворенности членством в группе, где они регулярно тренируются. По шкале «нисходящее сравнение», это говорит о том, что боксеры часто используют одноклассников для сравнения с собой в свою пользу. По шкале «сплоченность», это говорит о том, что боксеры высоко оценивают эмоциональную сплоченность между членами группы, в которой они регулярно тренируются. По шкале «времяпровождение», это говорит о том, что боксеры высоко оценивают благоприятность межличностных отношений в группе, где регулярно тренируются.

Таблица 1. Описательная статистика параметров групповой идентичности боксеров (N=360)

Шкалы групповой идентичности	Me*	M / SD
Ингрупповые связи (П)	4,5	4,6 / 1,0
Ингрупповые чувства (А)	6,2	5,8 / 0,9
Коллективная самооценка (А)	5,8	5,7 / 1,0
Самопонимание (К)	5,1	4,9 / 1,4
Нисходящее сравнение (К)	4,9	5,0 / 0,9
Центральность (К)	5,0	4,9 / 0,8
Сплоченность (А)	6,0	5,4 / 1,3
Межгрупповая конкуренция и сравнение (П)	4,9	4,8 / 1,4
Времяпровождение (П)	5,4	5,4 / 1,2
Общий уровень	5,4	5,2 / 0,7

Примечание*: К – когнитивный компонент; А – аффективный компонент; П – поведенческий компонент; Me – медиана; M – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

В *области средних значений* в общей группе боксеров выявлены показатели групповой идентичности по шкале «ингрупповые связи» – это говорит о том, что боксеры на среднем уровне вовлечены в структуру взаимодействия группы, в которой они регулярно тренируются. По шкале «самопонимание», это говорит о том, что спортивная группа, где регулярно тренируются боксеры,

является важной составляющей для конструирования их собственного «Я-образа». По шкале «*центральность*», это свидетельствует о том, что для боксеров членство в спортивной группе, где они регулярно тренируются, является важным основанием для формирования их Я-концепции. По шкале «*межгрупповая конкуренция*», это говорит о том, что боксеры на среднем уровне (ближе к высокому уровню) оценивают наличие конкуренции между своей группой (ин-группой) и чужой (аут-группой).

Показатели групповой идентичности в *области низких значений* в общей группе боксеров не установлены.

Результаты исследования **организационной идентичности** для всей выборки (N=360) показаны на рисунке 4 и в таблице 3.

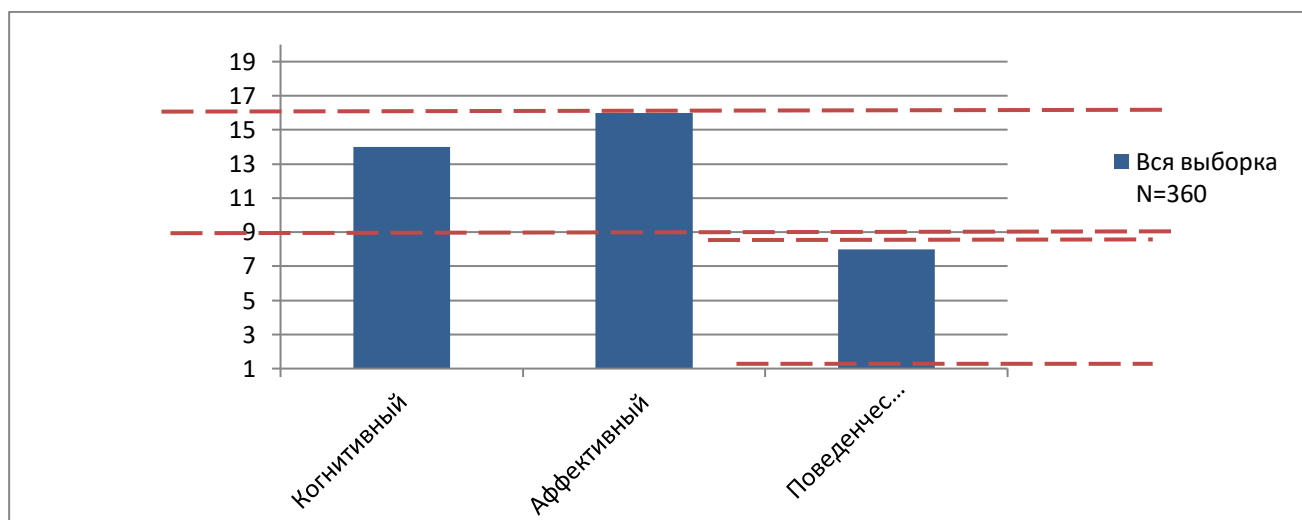

Рисунок 4. Выраженность параметров организационной идентичности боксеров (N=360)

Примечание: для (К) и (А) красными линиями выделены значимые зоны: меньше 9 – признак слабо выражен; от 9 до 16 – признак выражен; больше 16 – признак ярко выражен; для (П) – 3– признак слабо выражен; от 3 до 9 – признак выражен; больше 9 – признак ярко выражен.

Полученные данные демонстрируют то, что в общей группе боксеров параметры организационной идентичности находятся на среднем уровне (ближе к высокому уровню) по шкале «*когнитивный компонент*», это говорит о том, что боксеры на среднем уровне принимают ценности, политику и стили управления, принятые в Федерации бокса России. По шкале «*аффективный компонент*» – указывает, что боксеры на высоком уровне испытывают позитивные чувства в связи с их членством в Федерации бокса России. По шкале «*поведенческий*

компонент», это говорит о том, что боксеры на среднем уровне следуют установкам и общепринятым корпоративным нормам, принятым в Федерации бокса России.

Таблица 3. Описательная статистика параметров организационной идентичности боксеров (N=360)

Шкалы организационной идентичности	Me*	M / SD
Когнитивная	14,0	14,2 / 2,7
Аффективная	16,0	15,8 / 2,1
Поведенческая	8,0	7,9 / 2,5

Примечание*: Me – медиана; M – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

В итоге мы установили, что в общей группе боксеров показатели когнитивных компонентов самоотношения находятся в области высоких значений, поведенческих компонентов – в области средних значений, а показатели аффективных компонентов самоотношения – в области низких значений. Показатели компонентов группой идентичности в общей группе боксеров фиксируются в области высоких и средних значений, а показатели организационной идентичности – только в области средних значений. Исходя из этого мы можем считать, что в целом у боксеров в старшем подростковом и юношеском возрасте наиболее гармонично развиваются компоненты организационной идентичности, при этом отдельные компоненты групповой идентичности и самоотношения находятся в процессе своего становления.

2.2.1. Возрастные особенности самоотношения, групповой и организационной идентичности боксеров

Далее мы проверяли первую гипотезу о существовании возрастных различий в выраженности параметров СО, ГИ и ОИ у подростков и юниоров, занимающихся боксом.

Для проверки гипотез выборка разделялась *по возрасту*: 1 группа – старшие подростки (возраст 15–16 лет, N=180), 2 группа – юниоры (возраст 17–18 лет, N=180).

При помощи критерия Колмогорова–Смирнова было установлено, что распределение полученных данных в группах, разделенных по возрасту, по

большинству шкал СО, ГИ и ОИ отличается от нормального ($p < 0,05$), поэтому далее сравнение проводилось с помощью непараметрического U - критерия Манна–Уитни¹¹.

Сравнение параметров самооотношения в группах, разделенных по возрасту

На рисунке 5 и в таблице 4 представлены результаты исследования возрастных различий параметров самооотношения боксеров. Данные приведены с учетом поправки на множественные сравнения Холм-Бонферрони¹². Полученные данные показывают, что по 8 шкалам наиболее высокие параметры самооотношения оказались у юниоров, и только по 1-й шкале – у подростков.

Так, по шкале «глобальное самооотношение» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это говорит о том, что юниоры склонны завышать значимость своего «Я» и имеют наиболее высокоразвитое чувство «за» свою личность, чем подростки.

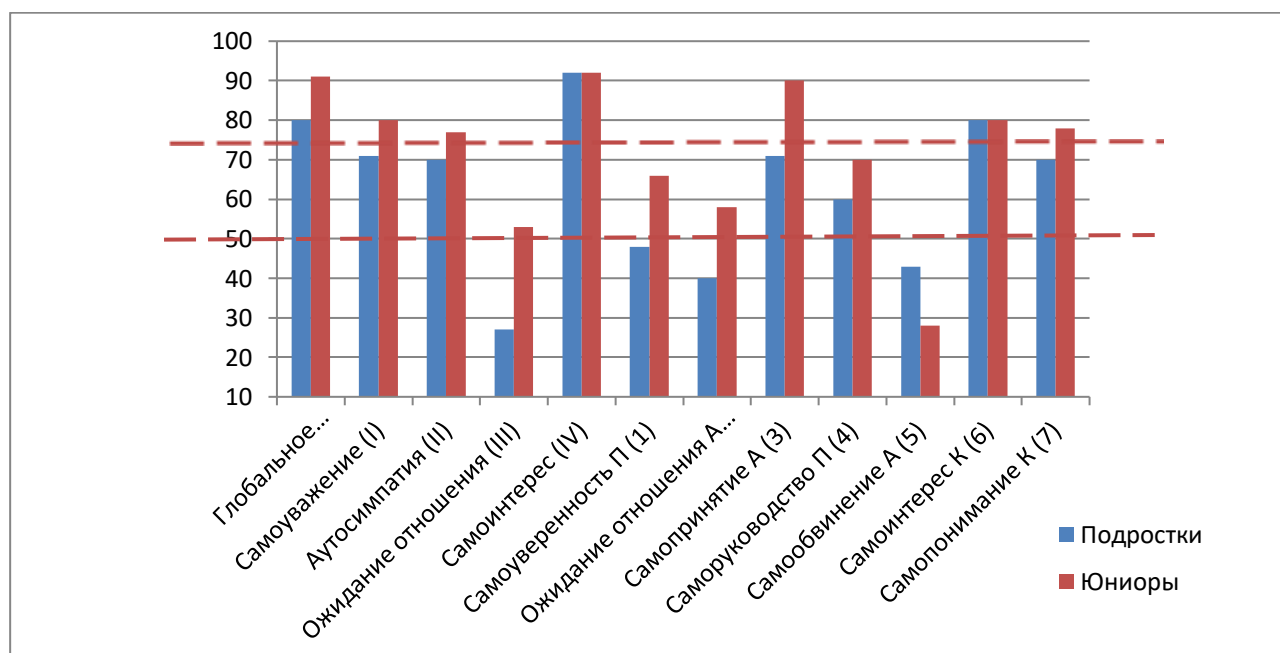

Рисунок 5. Выраженность параметров самооотношения у подростков и юниоров

Примечание: красными линиями выделены значимые зоны: меньше 50 - признак слабо выражен; 50-74 - признак выражен; больше 74 - признак ярко выражен.

По шкале «самоуважение» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это говорит о том, что юниоры более

¹¹ Полную описательную статистику параметров ЛИ, ГИ и ОИ в группах, разделенных по возрасту, см. в Приложении 3.

¹² Далее поправка Холма-Бонферрони используется при сравнении всех групп респондентов.

высоко оценивают свои силы и способности для достижения разного рода целей, чем подростки.

По шкале «аутосимпатия» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это указывает на то, что у юниоров показатель позитивной самооценки выше, чем у подростков.

По шкале «ожидаемое отношение от других» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это говорит о том, что юниоры ожидают более позитивного отношения к себе от других людей, чем подростки.

Таблица 4. Сравнение параметров самоотношения в группах, разделенных по возрасту

Шкалы самоотношения	Подростки (N=180)	Юниоры (N=180)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Глобальное самоотношение (S)	17,0	20,0	8074	< ,001
Самоуважение (I)	9,0	10,0	9077	< ,001
Аутосимпатия (II)	9,0	10,0	10774	< ,001
Отношение других (III)	8,0	10,0	9741	< ,001
Самоинтерес (IV)	7,0	7,0	15569	1,00
Самоуверенность 1 (II)	4,8	5,3	13725	,06
Отношение других 2 (A)	5,7	6,3	12575	< ,001
Самопринятие 3 (A)	5,0	6,0	9350	< ,001
Саморуководство 4(II)	4,0	4,4	13349	,018
Самообвинение 5 (A)	4,0	3,0	12006	< ,001
Самоинтерес 6 (K)	6,0	6,0	15836	1,00
Самопонимание 7 (K)	3,1	3,6	12506	< ,001

Примечание: Me - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По шкале «ожидаемое отношение от других 2» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это говорит о том, что юниоры на уровне конкретных действий ожидают более позитивного отношения к себе от других людей, чем подростки.

По шкале «самопринятие» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), а значит юниоры на более высоком эмоциональном уровне принимают свое актуальное «Я», планы, мысли и чувства, чем подростки.

По шкале «саморуководство» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,05$), это говорит о том, что юниоры выше оценивают такие качества в своем поведении, как последовательность и способность самостоятельно контролировать происходящие события в их жизни, чем подростки.

По шкале «самообвинение» подростки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем юниоры ($p < 0,001$), это говорит о том, что подростки более критично относятся к своему «Я», чем юниоры.

По шкале «самопонимание» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это говорит о том, что юниоры имеют более низкую установку на самоизменение, чем подростки.

По шкалам «самоинтерес» и «самоуверенность» статистически значимые различия между подростками и юниорами не установлены.

Сравнение параметров групповой идентичности в группах, разделенных по возрасту

Полученные данные показывают (см. рис. 6 и табл. 5), что по 6 шкалам статистически достоверно выше оказались параметры групповой идентичности у юниоров и только по 1-й шкале у подростков, по остальным шкалам различия не обнаружены.

Так, по шкале «общая групповая идентичность» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,01$), это означает, что у юниоров степень идентификации с группами, в которых они регулярно тренируются, выше, чем у подростков.

По шкале «ингрупповые связи» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), следовательно юниоры на более высоком уровне вовлечены в структуру взаимодействия группы, в которой они регулярно тренируются, чем подростки.

По шкале «ингрупповые чувства» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,05$), это говорит о том, что юниоры

положительнее оценивают свое отношение к пребыванию в группе, где они регулярно тренируются, чем подростки.

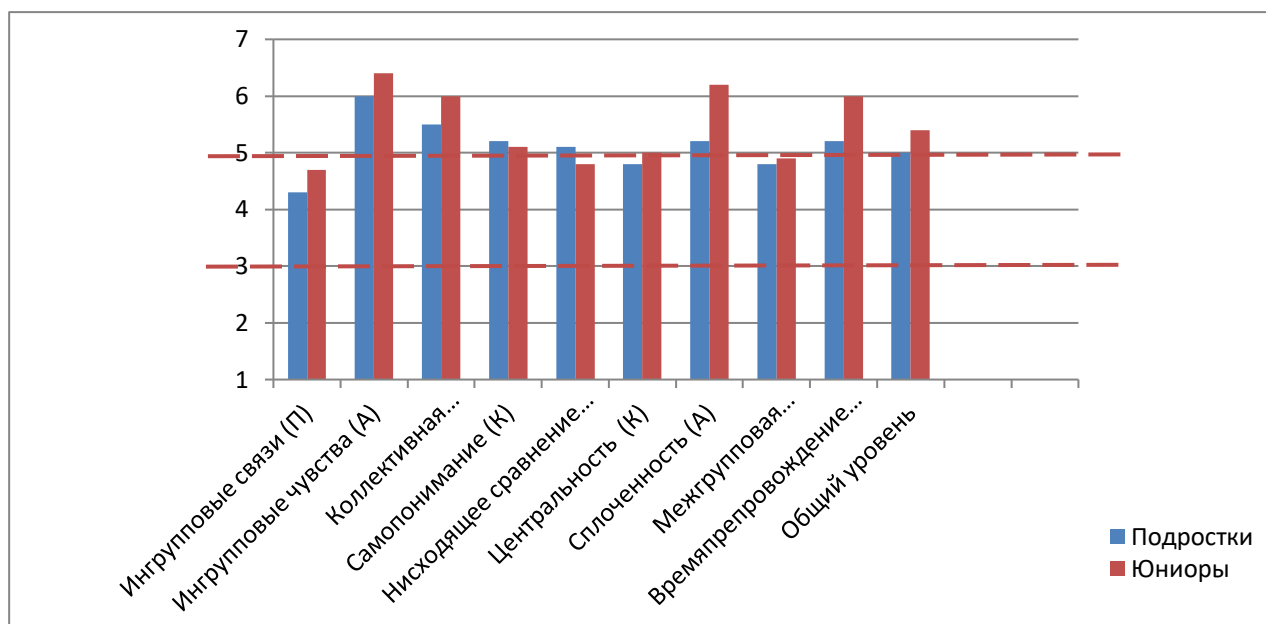

Рисунок 6. Выраженность параметров групповой идентичности у подростков и юниоров

Примечание: красными линиями выделены значимые зоны: меньше 3 - признак слабо выражен; от 3 до 5 - признак выражен; больше 5 - признак ярко выражен.

По шкале «коллективная самооценка» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это говорит о том, что юниоры на более высоком уровне удовлетворены членством в группе, где они регулярно тренируются, чем подростки.

По шкале «нисходящее сравнение» подростки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем юниоры ($p < 0,05$), это говорит о том, что подростки чаще используют одноклассников для сравнения с собой в свою пользу, чем юниоры.

По шкале «сплоченность» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это говорит о том, что юниоры более высоко оценивают эмоциональную сплоченность между членами группы, в которой они регулярно тренируются, чем подростки.

По шкале «времяпрепровождение» юниоры имеют статистически значимо более высокие баллы, чем подростки ($p < 0,001$), это говорит о том, что юниоры

более высоко оценивают благоприятность межличностных отношений с членами группы, где они регулярно тренируются, чем подростки.

Таблица 5. Сравнение параметров групповой идентичности в группах, разделенных по возрасту

Шкалы ГИ	Подростки (N=180)	Юниоры (N=180)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Интрагрупповые связи (П)	4,3	4,7	12411	< ,001
Интрагрупповые чувства (А)	6,0	6,4	13342	,024
Коллективная самооценка (А)	5,5	6,0	10971	< ,001
Самопонимание (К)	5,2	5,1	15993	,741
Нисходящее сравнение (К)	5,1	4,8	13471	< ,031
Центральность (К)	4,8	5,0	14774	1,00
Сплоченность (А)	5,2	6,2	12907	< ,001
Межгрупповая конкуренция (П)	4,8	4,9	15783	1,00
Времяпровождение (П)	5,2	6,0	12643	< ,001
Общий уровень	5,0	5,4	13001	< ,01

Примечание: Me - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холм-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По шкалам «самопонимание», «центральность» и «межгрупповая конкуренция» статистически значимые различия в данных группах не обнаружены.

Сравнение параметров организационной идентичности в группах, разделенных по возрасту

Полученные данные показывают (см. рис. 7, табл. 6), что в группах, разделенных на подростков и юниоров, установлены статистически достоверные различия по двум из трех шкал ОИ.

Так, по шкале «когнитивный компонент» подростки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем юниоры ($p < 0,05$), это говорит о том, что подростки на более высоком уровне, чем юниоры, принимают ценности, цели, правила, политику, обычаи и стили управления, принятые в Федерации бокса России.

По шкале «поведенческий компонент» подростки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем юниоры ($p < 0,01$), это говорит о том, что подростки на более высоком уровне, чем юниоры, готовы следовать установкам и общепринятым корпоративным нормам на пользу Федерации бокса России.

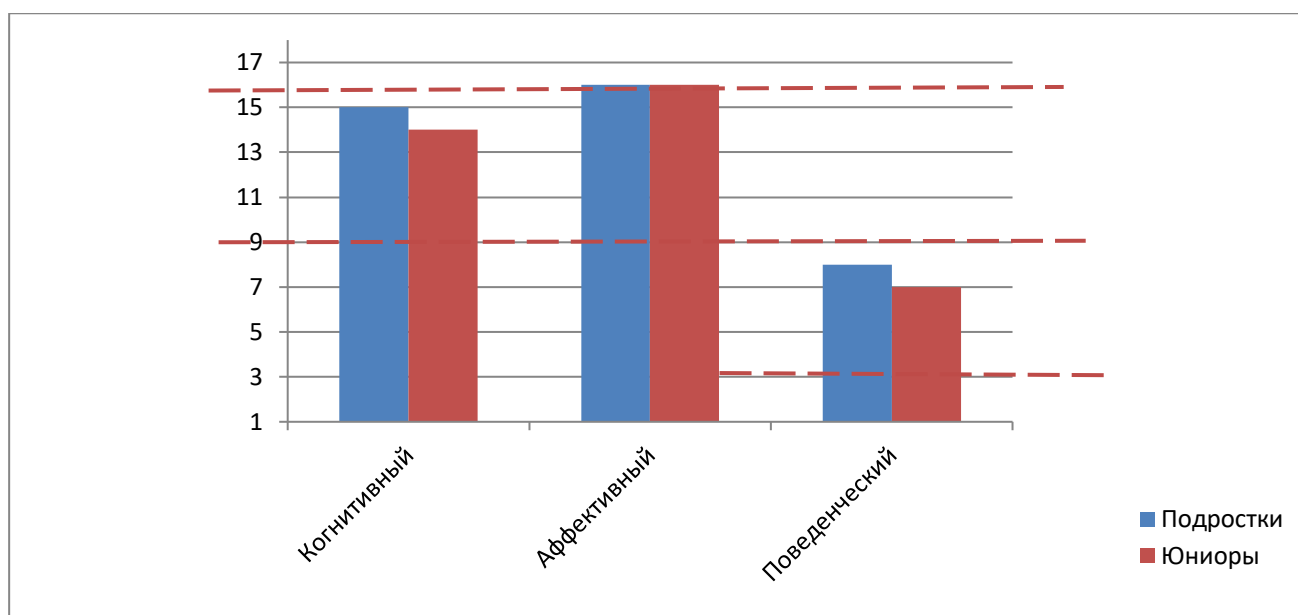

Рисунок 7. Выраженность параметров организационной идентичности у подростков и юниоров

Примечание: для (К) и (А) красными линиями выделены значимые зоны: меньше 9 – признак слабо выражен; от 9 до 16 – признак выражен; больше 16 – признак ярко выражен; для (П) – 3 – признак слабо выражен; от 3 до 9 – признак выражен; больше 9 – признак ярко выражен.

По шкале «аффективный компонент» в данной группе статистически значимые различия не установлены.

Таблица 6. Сравнение параметров организационной идентичности в группах, разделенных по возрасту

Шкалы ОИ	Подростки (N=180)	Юниоры (N=180)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Когнитивная	15,0	14,0	14291	,025
Аффективная	16,0	16,0	14510	,154
Поведенческая	8,0	7,0	13344	< ,01

Примечание: Me – медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холм-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

Мы установили, что существуют возрастные различия в выраженности компонентов СО, ГИ и ОИ у боксеров старшего подросткового и юношеского возраста. Однако стоит констатировать, что по некоторым компонентам СО, ГИ и ОИ мы не смогли определить статистически достоверные различия в данных. Таким образом, проверяемая нами гипотеза (1) о возрастных различиях подтвердилась частично: в отношении 9 из 12 шкал СО, 7 шкал из 9 ГИ, 2 шкал из 3 ОИ. При этом мы выяснили, что в старшем подростковом возрасте наиболее

ярко выраженными являются компоненты ОИ, а в юниорском возрасте компоненты СО и ГИ, что частично подтверждает гипотезу (1.1.). Важно отметить: при проверке гипотезы (1.1.) наиболее сильные расхождения между полученными данными и теоретическими предпосылками мы обнаружили в отношении социальной (групповой) идентичности, а не личностной идентичности боксеров.

2.2.2. Особенности самоотношения, групповой и организационной идентичности боксеров разного пола

Далее мы проверяли гипотезу о существовании различий по полу в выраженности параметров СО, ГИ и ОИ у подростков и юниоров, занимающихся боксом.

Для проверки гипотезы выборка разделялась *по полу*: 1 группа девочки-боксеры (N=180), 2 группа мальчики-боксеры (N=180).

При помощи критерия Колмогорова–Смирнова было установлено, что распределение данных в группах, разделенных по полу, по большинству шкал СО, ГИ и ОИ отличается от нормального ($p < 0,05$), поэтому далее сравнение проводилось с помощью непараметрического U - критерия Манна–Уитни¹³.

Сравнение параметров самоотношения в группах, разделенных по полу

На рисунке 8 и в таблице 7 представлены результаты сравнительного исследования параметров самоотношения в группах, разделенных по полу. Полученные данные показывают, что по 2-м шкалам статистически значимо выше оказались параметры самоотношения у мальчиков, а по 1 шкале у девочек.

По шкале «*ожидаемое отношение от других*» девочки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем мальчики ($p < 0,001$), это говорит о том, что девочки ожидают более позитивного отношения к себе от других людей, чем мальчики.

¹³ Полную описательную статистику параметров ЛИ, ГИ и ОИ в группах, разделенных по полу, см. в Приложении 3.

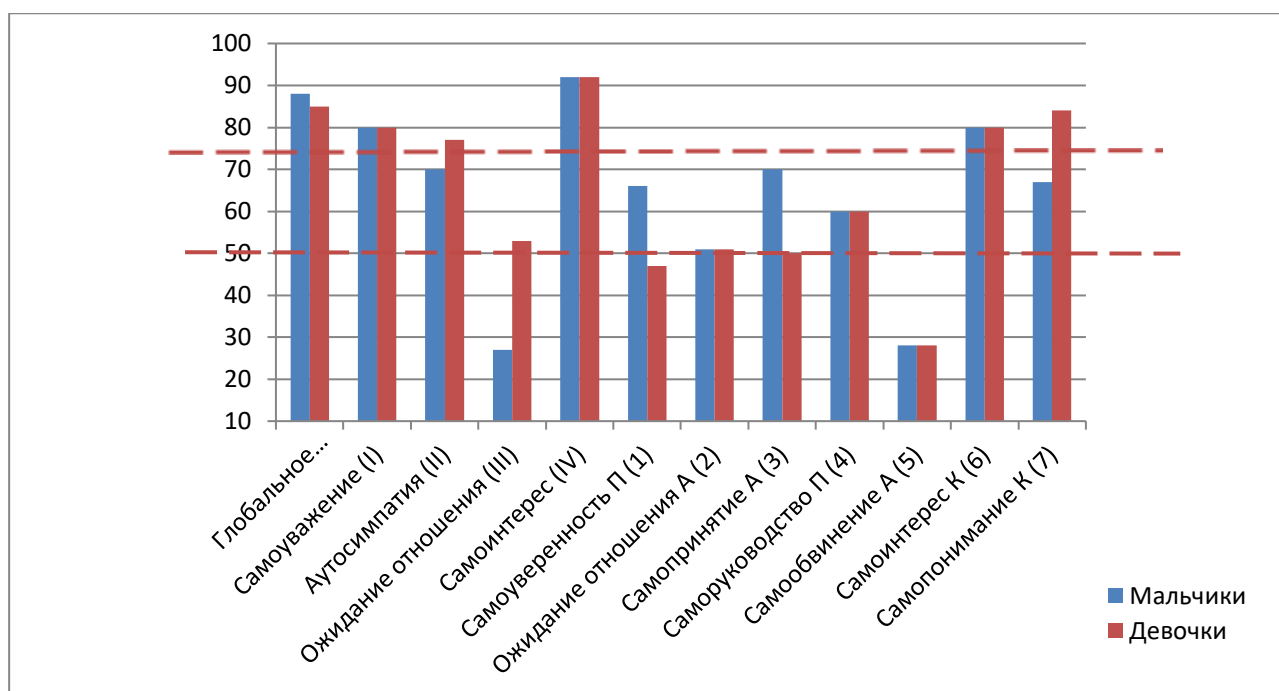

Рисунок 8. Выраженность параметров самоотношения у боксеров разного пола

Примечание: красными линиями выделены значимые зоны: меньше 50 - признак слабо выражен; 50-74 - признак выражен; больше 74 - признак ярко выражен.

По шкале «самоуверенность» мальчики имеют статистически значимо более высокие баллы, чем девочки ($p < 0,001$), это говорит о том, что мальчики на более высоком уровне оценивают себя как волевых и целеустремленных людей, чем девочки.

Таблица 7. Сравнение параметров самоотношения в группах, разделенных по полу

Шкалы самоотношения	Девочки (N=180)	Мальчики (N=180)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Глобальное самоотношение (S)	18	19,0	15166	1,00
Самоуважение (I)	10,0	10,0	14595	,06
Аутосимпатия (II)	10,0	9,0	14349	,342
Отношение других (III)	10,0	8,0	12321	< ,001
Самоинтерес (IV)	7,0	7,0	15019	1,00
Самоуверенность 1 (II)	4,0	5,0	11353	< ,001
Отношение других 2 (A)	6,0	6,0	14977	1,00
Самопринятие 3 (A)	4,0	5,1	12969	< ,001
Саморуководство 4(II)	4,0	4,0	14866	,932
Самообвинение 5 (A)	3,0	3,0	16198	1,00
Самоинтерес 6 (К)	6,0	6,0	14521	,421
Самопонимание 7 (К)	4,0	3,0	13823	,08

Примечание: Me - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холм-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По шкале «самопринятие» мальчики имеют статистически значимо более высокие баллы, чем девочки ($p < 0,001$), это говорит о том, что мальчики в большей степени, чем девочки, склонны одобрять свои планы на жизнь, а также на более высоком уровне принимают свое «Я».

По остальным шкалам самоотношения между группами мальчиков и девочек статистические значимые различия не установлены.

Сравнение параметров групповой идентичности в группах, разделенных по полу

При сравнении групп, разделенных по полу, мы смогли установить статистически значимые различия параметров по 3 шкалам групповой идентичности, по остальным шкалам различия не обнаружены (см. рис. 9, табл. 8).

Так, по шкале «общая групповая идентичность» мы не обнаружили статистически достоверных различий у мальчиков-боксеров и девочек-боксеров, это говорит о том, что у боксеров разного пола одинаковая степень идентификации с группами, в которых они регулярно тренируются.

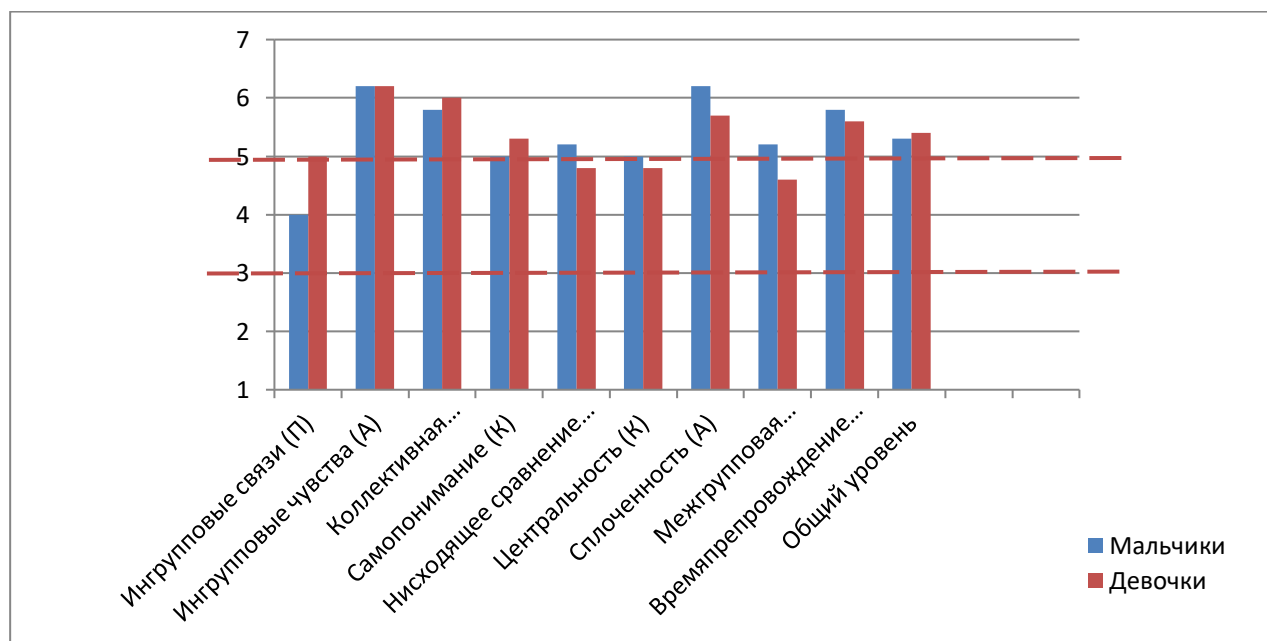

Рисунок 9. Выраженность параметров групповой идентичности у боксеров разного пола

Примечание: красными линиями выделены значимые зоны: меньше 3 - признак слабо выражен; от 3 до 5 - признак выражен; больше 5 - признак ярко выражен.

По шкале «ингрупповые связи» девочки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем мальчики ($p < 0,001$), это говорит о том, что девочки занимающиеся боксом на более высоком уровне вовлечены в структуру взаимодействия группы, в которой они регулярно тренируются, чем мальчики.

По шкале «нисходящее сравнение» мальчики имеют статистически значимо более высокие баллы, чем девочки ($p < 0,001$), это указывает на то, что мальчики чаще, чем девочки, сравнивают себя с одноклассниками в свою пользу.

Таблица 8. Сравнение параметров групповой идентичности в группах, разделенных по полу

Шкалы ГИ	Девочки (N=180)	Мальчики (N=180)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Ингрупповые связи (П)	5,0	4,0	8623	< ,001
Ингрупповые чувства (А)	6,2	6,2	15896	1,00
Коллективная самооценка (А)	6,0	5,8	15697	1,00
Самопонимание (К)	5,3	5,0	14411	,421
Нисходящее сравнение (К)	4,8	5,0	12418	< ,001
Центральность (К)	4,8	5,0	14863	1,00
Сплоченность (А)	5,7	6,2	15313	1,00
Межгрупповая конкуренция (П)	4,6	5,3	10795	< ,001
Времяпровождение (П)	5,6	5,8	15093	1,00
Общий уровень	5,4	5,3	15809	1,00

Примечание: Me - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По шкале «межгрупповая конкуренция» мальчики имеют статистически значимо более высокие баллы, чем девочки ($p < 0,001$), это говорит о том, что мальчики более высоко оценивают наличие конкуренции между своей группой (ин-группой) и чужой (аут-группой), чем девочки.

По остальным шкалам статистически значимые различия в данных группах не установлены.

Сравнение параметров организационной идентичности в группах, разделенных по полу

Полученные данные в группах, разделенных по полу, выявили статистически значимые различия по трем шкалам ОИ (см. рис. 10, табл. 9).

Так, по шкале «когнитивный компонент» девочки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем мальчики ($p < 0,001$), это говорит о том, что девочки на более высоком уровне, чем мальчики, принимают ценности, цели, правила, политику, обычаи и стили управления, принятые в Федерации бокса России.

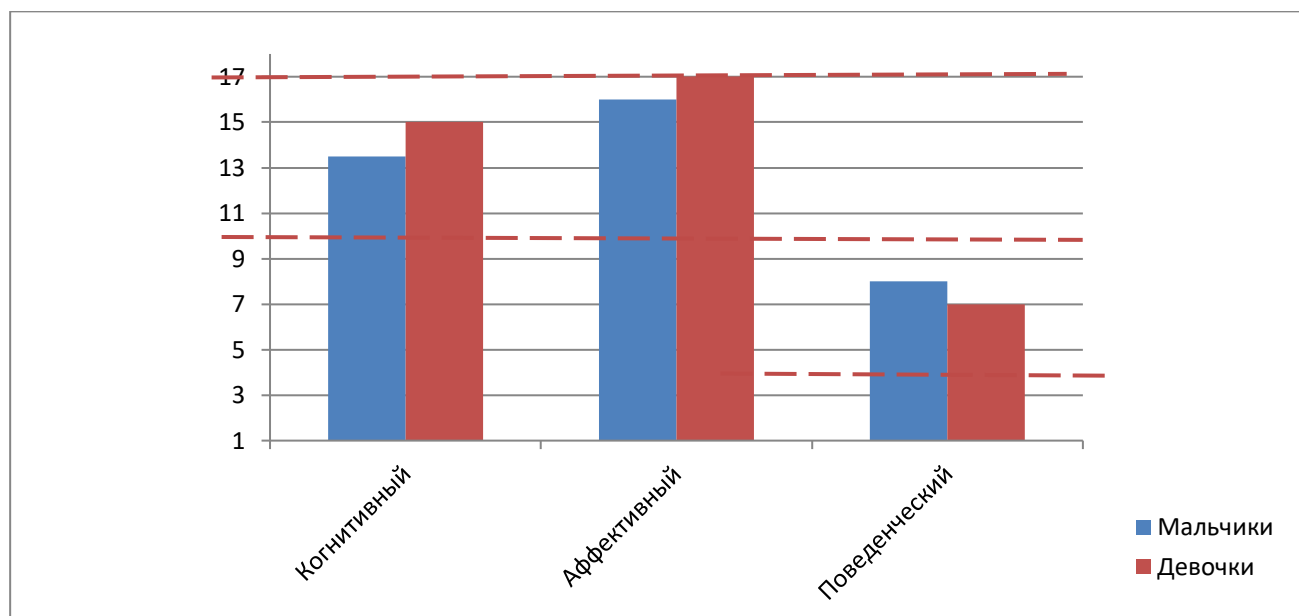

Рисунок 10. Выраженность параметров организационной идентичности у боксеров разного пола

Примечание: для (К) и (А) красными линиями выделены значимые зоны: меньше 9 – признак слабо выражен; от 9 до 16 – признак выражен; больше 16 – признак ярко выражен; для (П) – 3 – признак слабо выражен; от 3 до 9 – признак выражен; больше 9 – признак ярко выражен.

По шкале «аффективный компонент» девочки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем мальчики ($p < 0,05$), это значит, что девочки на более высоком уровне, чем мальчики, испытывают позитивные чувства в связи с их членством в Федерации бокса России.

Таблица 9. Сравнение параметров организационной идентичности в группах, разделенных по полу

Шкалы ОИ	Девочки (N=180)	Мальчики (N=180)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Когнитивная	15,0	13,5	13140	,001
Аффективная	17,0	16,0	13602	,036
Поведенческая	7,0	8,0	13238	< ,01

Примечание: Me – медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холм-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По шкале «*поведенческий компонент*» мальчики имеют статистически значимо более высокие баллы, чем девочки ($p < 0,01$), это говорит о том, что мальчики в большей степени готовы действовать на пользу Федерации бокса России, чем их коллеги противоположного пола.

Таким образом, мы установили, что существуют различия в выраженности компонентов СО, ГИ и ОИ у боксеров разного пола. Однако стоит констатировать: по некоторым компонентам СО, ГИ и ОИ мы не смогли установить статистически достоверных различий. Проверяемая нами гипотеза (1) о половых различиях подтвердилась частично: в отношении 3 из 12 шкал СО; 3 шкал из 9 ГИ; 3 шкал ОИ. При этом мы выяснили, что у девушек наиболее ярко выраженными являются компоненты ОИ, а по большинству компонентов СО и ГИ различия между группами мальчиков и девочек не наблюдаются, таким образом, частная гипотеза (1.2.) подтвердилась частично. Важно отметить существенные отличия полученных нами данных от уже имеющихся теоретических предпосылок в отношении всех изучаемых видов идентичности.

2.2.3. Особенности идентичности боксеров в группах, разделенных по полу и возрасту

Далее для более детального анализа данных, чтобы выявить половозрастную специфику (динамику) развития идентичности, мы провели сравнение показателей СО, ГИ и ОИ в группах, одновременно разделенных по полу и возрасту. Для этого выборка была поделена на четыре группы: 1 группа – девочки-подростки (возраст 15-16 лет, $N=90$); 2 группа – мальчики-подростки (возраст 15-16 лет, $N=90$); 3 группа – юниорки (возраст 17-18 лет, $N=90$); 4 группа – юниоры (возраст 17-18 лет, $N=90$).

При помощи критерия Колмогорова–Смирнова было установлено, что распределение данных в группах, одновременно разделенных по полу и возрасту, по большинству шкал СО, ГИ и ОИ отличаются от нормального ($p < 0,05$), поэтому

далее сравнение проводилось с помощью непараметрического U - критерия Манна–Уитни¹⁴.

Результаты сравнительного исследования самооотношения в 4 группах представлены на рис. 11.

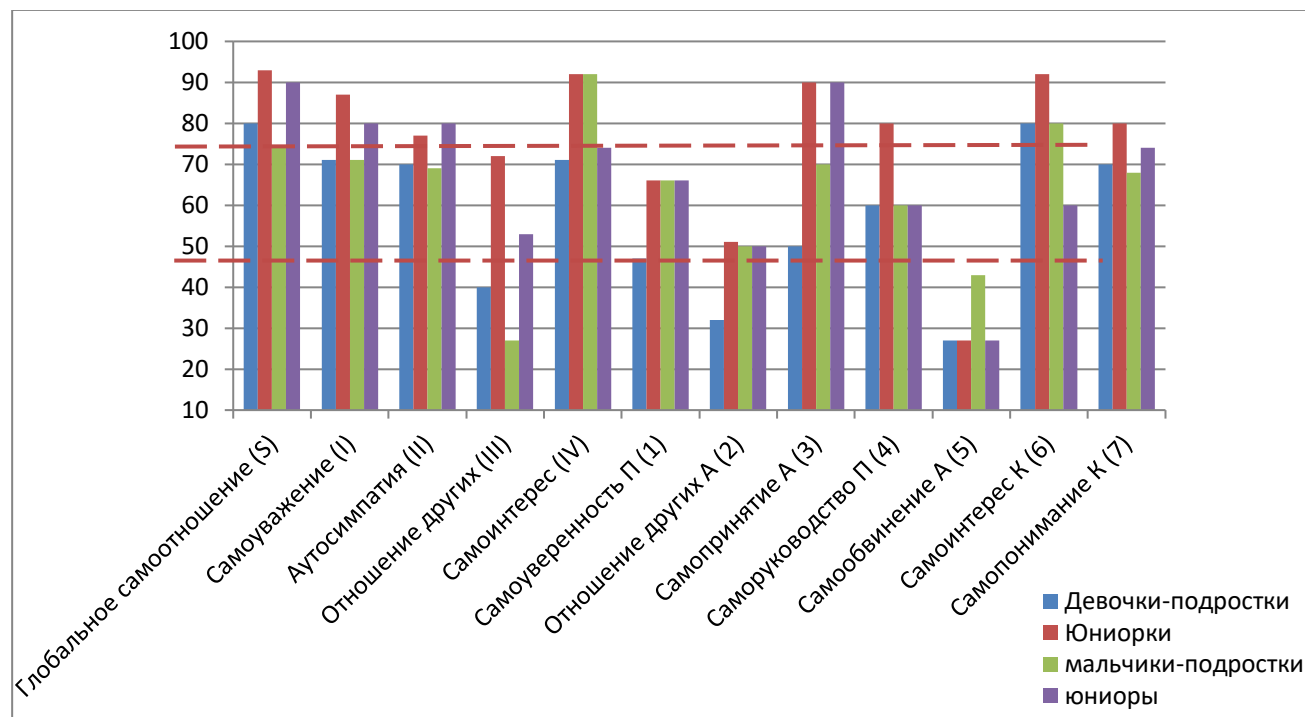

Рисунок 11. Выраженность параметров самооотношения в 4-х группах

Примечание: красными линиями выделены значимые зоны: меньше 50 - признак слабо выражен; 50-74 - признак выражен; больше 74 - признак ярко выражен.

Сравнение параметров самооотношения в группах мальчиков-подростков и юниоров

Результаты сравнительного исследования показали (см. таблицу 10), что у **мальчиков-юниоров** статистически значимо более высокие баллы, чем у **мальчиков-подростков**, установлены по 5 шкалам самооотношения: «глобальное самооотношение» ($p < 0,001$); «самоуважение» ($p < 0,001$); «аутосимпатия» ($p < 0,05$); «ожидаемое отношение от других III» ($p < 0,001$); «самопринятие» ($p < 0,001$). **Мальчики-подростки** имеют статистически значимо более высокие

¹⁴ Полную описательную статистику параметров ЛИ, ГИ и ОИ в 4 группах (одновременно разделенных по полу и возрасту) см. в Приложении 3.

баллы, чем **мальчики-юниоры**, по 3 шкалам самооотношения: «самоинтерес» ($p < 0,05$); «самообвинение» ($p < 0,001$); «самоинтерес 6» ($p < 0,05$)¹⁵.

Таблица 10. Сравнения параметров самооотношения у юниоров и мальчиков-подростков

Шкалы самооотношения	Мальчики - подростки (15-16 лет, N=90)	Юниоры (17-18 лет, N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Глобальное самооотношение (S)	16,0	20,0	2114	< ,001
Самоуважение (I)	9,0	10,0	1943	< ,001
Аутосимпатия (II)	9,0	10,5	2680	,016
Отношение других (III)	8,0	10,0	1918	< ,001
Самоинтерес (IV)	7,0	7,0	3027	,022
Самоуверенность 1 (II)	5,0	5,0	4037	1,00
Отношение других 2 (A)	6,0	6,0	3634	1,00
Самопринятие 3 (A)	5,0	6,0	2689	< ,001
Саморуководство 4(II)	4,0	4,0	3879	1,00
Самообвинение 5 (A)	4,0	3,0	2035	< ,001
Самоинтерес 6 (K)	6,0	6,0	3053	,012
Самопонимание 7 (K)	3,0	3,0	3248	,131

Примечание: Me - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холм-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По шкале «самоуверенность», «ожидаемое отношение от других 2» и «самопонимание» в данных группах различия не были обнаружены.

Сравнение параметров самооотношения в группах девочек-подростков и юниорок

Результаты сравнительного исследования показали (см. таблицу 11), что у **юниорок** статистически значимо более высокие баллы, чем у **девочек-подростков**, установлены по 11 шкалам самооотношения: «глобальное самооотношение» ($p < 0,001$); «самоуважение» ($p < 0,001$); «ожидаемое отношение от других III» ($p < 0,001$); «самоинтерес» ($p < 0,05$); «самоуверенность» ($p < 0,001$); «ожидаемое отношение от других 2» ($p < 0,001$); «самопринятие» ($p < 0,001$); «саморуководство» ($p < 0,001$); «самоинтерес 6» ($p < 0,01$); «самопонимание» ($p < 0,05$). По шкале «самообвинение» статистически достоверных различий в данных группах не установлено.

¹⁵ Далее, чтобы сократить информационную нагрузку и количество текста диссертации при описании результатов сравнительного исследования в 4 группах, мы будем указывать только название шкал и статистический уровень значимости (p).

Таблица 11. Сравнения параметров самооотношения у юниорок и девочек-подростков

Шкалы самооотношения	Девочки-подростки (15-16 лет, N=90)	Юниорки (17-18 лет, N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Глобальное самооотношение (S)	17,0	21	1858	< ,001
Самоуважение (I)	9,0	11,0	24523	< ,001
Аутосимпатия (II)	9,0	10,0	2520,5	< ,001
Отношение других (III)	9,0	11,0	2992	< ,001
Самоинтерес (IV)	6,0	7,0	2897	,012
Самоуверенность 1 (II)	4,0	5,0	2788	< ,001
Отношение других 2 (A)	6,0	6,5	2592	< ,001
Самопринятие 3 (A)	4,0	6,0	1934	< ,001
Саморуководство 4(II)	4,0	5,0	2609	< ,001
Самообвинение 5 (A)	3,0	3,0	3818,0	1,00
Самоинтерес 6 (K)	6,0	7,0	2842	,009
Самопонимание 7 (K)	4,0	4,0	2976	,012

Примечание: Me - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

Сравнение параметров самооотношения в группах девочек-подростков и мальчиков-подростков

Результаты сравнительного исследования показали (см. табл. 12), что у **девочек-подростков** статистически значимо более высокие баллы, чем у **мальчиков-подростков**, установлены по одной шкале самооотношения: «*ожидаемое отношение от других*» ($p<0,05$). **Мальчики-подростки** имеют статистически значимо более высокие баллы, чем **девочки-подростки** по двум шкалам самооотношения: «*самоинтерес*» ($p<0,001$) и «*самоуверенность*» ($p<0,001$).

По остальным шкалам самооотношения статистически достоверных различий в данных группах не установлено.

Таблица 12. Сравнения параметров самооотношения у девочек-подростков и мальчиков-подростков

Шкалы самооотношения	Девочки-подростки (15-16 лет, N=90)	Мальчики-подростки (15-16 лет, N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Глобальное самооотношение (S)	17,0	16,0	3454,0	1,00
Самоуважение (I)	9,0	9,0	3340,5	1,00
Аутосимпатия (II)	9,0	9,0	3920,5	1,00

Отношение других (III)	9,0	8,0	3083	,012
Самоинтерес (IV)	6,0	7,0	2696	< ,001
Самоуверенность 1 (II)	4,0	5,0	2236	< ,001
Отношение других 2 (A)	6,0	6,0	3311,5	,242
Самопринятие 3 (A)	4,0	5,0	3597,0	,512
Саморуководство 4(II)	4,0	4,0	3671,5	,624
Самообвинение 5 (A)	3,0	4,0	3465,0	,065
Самоинтерес 6 (K)	6,0	6,0	3367,0	,392
Самопонимание 7 (K)	4,0	3,0	3390	1,00

Примечание: Ме - медиана; p* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

Сравнение параметров самооотношения в группах юниорок и юниоров

Результаты сравнительного исследования показали (см. таблицу 13), что у **юниорок** статистически значимо более высокие баллы, чем у **юниоров**, установлены по 3 шкалам: «самопринятие» ($p<0,01$); «саморуководство» ($p<0,01$); «самоинтерес 6» ($p<0,001$).

Таблица 13. Сравнения параметров самооотношения у юниорок и юниоров

Шкалы самооотношения	Юниорки (17-18 лет, N=90)	Юниоры (17 -18 лет, N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p*
	Me	Me		
Глобальное самооотношение (S)	21	20,0	3856	,671
Самоуважение (I)	11,0	10,0	3576	1,00
Аутосимпатия (II)	9,0	10,0	3249	,507
Отношение других (III)	11,0	10,0	3309	,215
Самоинтерес (IV)	7,0	6,0	3267	,234
Самоуверенность 1 (II)	5,0	5,0	3470	,223
Отношение других 2 (A)	6,5	6,0	3955	1,00
Самопринятие 3 (A)	6,0	6,0	3059	,006
Саморуководство 4(II)	5,0	4,0	2984	,004
Самообвинение 5 (A)	3,0	3,0	3370	,188
Самоинтерес 6 (K)	7,0	6,0	2954	< ,001
Самопонимание 7 (K)	4,0	3,0	3389	,08

Примечание: Ме - медиана; p* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По остальным шкалам самооотношения в данных группах респондентов статистически значимых различий не было выявлено.

В итоге мы установили, что наиболее интенсивный рост показателей самооотношения в период старшего подросткового возраста и юношеского возраста наблюдается в группах девочек, а не мальчиков. Очень важно заметить: в группе девочек изменение показателей самооотношения носит однонаправленный характер (с возрастом они повышаются), а в группе мальчиков

разнонаправленный. Таким образом, мы можем утверждать, что наиболее интенсивное развитие показателей самоотношения в старшем подростковом и юношеском возрасте проявляется в группах девочек, а не в группах мальчиков. При этом различия по полу в показателях самоотношения как в старшем подростковом возрасте, так и в юношеском возрасте в одинаковой степени слабо выражены.

В дальнейшем мы выяснили, каким образом будут различаться параметры **групповой идентичности** в группах, одновременно разделенных по полу и возрасту.

Результаты сравнительного исследования группой идентичности в 4 группах представлены на рис. 12.

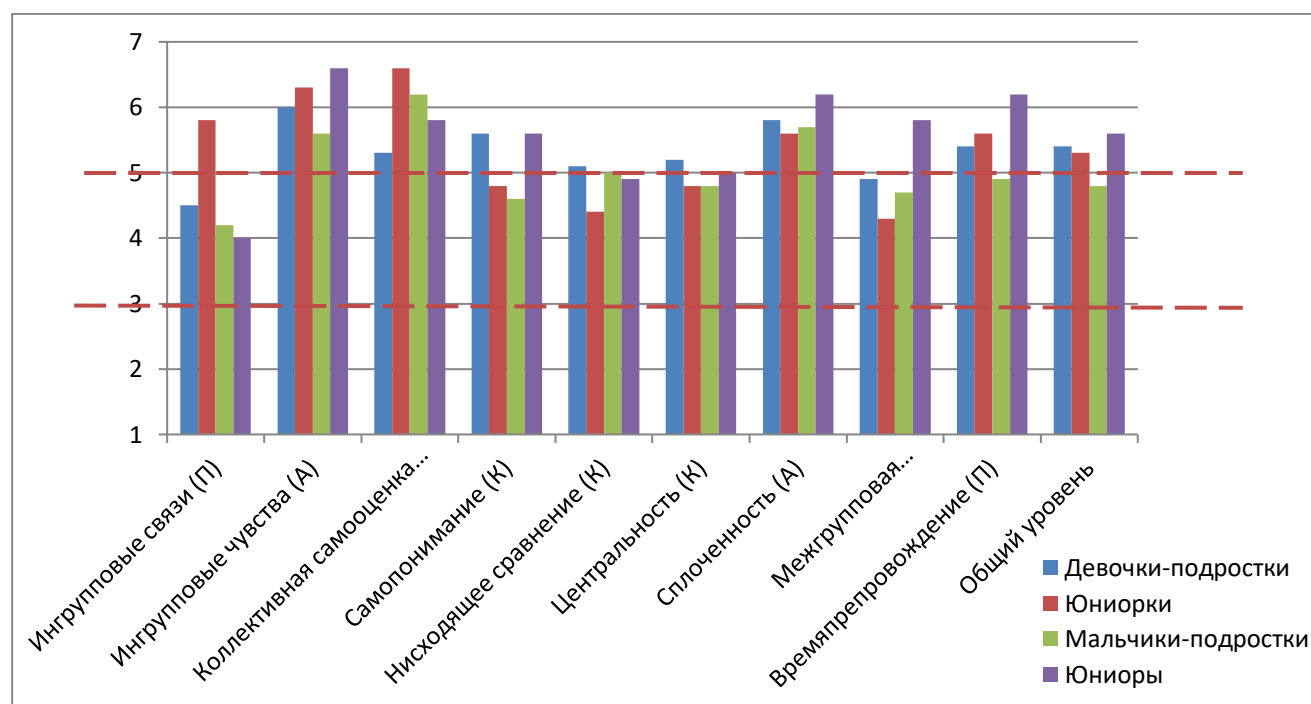

Рисунок 12. Выраженность параметров групповой идентичности в 4 группах

Примечание: красными линиями выделены значимые зоны: меньше 3 - признак слабо выражен; от 3 до 5 - признак выражен; больше 5 - признак ярко выражен

Сравнение параметров групповой идентичности в группах мальчиков-подростков и юниоров

Результаты сравнительного исследования показали (см. табл. 14), что у **юниоров** статистически значимо более высокие баллы, чем у **мальчиков-подростков**, установлены по 5 шкалам ГИ: «общая групповая идентичность»

($p < 0,001$); «самопонимание» ($p < 0,001$); «центральность» ($p < 0,001$); «межгрупповая конкуренция» ($p < 0,001$); «времяпровождение» ($p < 0,001$).

Мальчики-подростки имеют статистически значимо более высокие баллы, чем **юниоры** по 1-й шкале ГИ: «коллективная самооценка» ($p < 0,001$).

Таблица 14. Сравнения параметров групповой идентичности у мальчиков-подростков и юниоров

Шкалы ГИ	Мальчики-подростки (N=90)	Юниоры (N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Ингрупповые связи (П)	4,2	4,0	3633	1,00
Ингрупповые чувства (А)	5,6	6,6	3157	,746
Коллективная самооценка (А)	6,2	5,8	2762	< ,001
Самопонимание (К)	4,6	5,6	2744	< ,001
Нисходящее сравнение (К)	5,0	4,9	3692	,640
Центральность (К)	4,8	5,0	2469	< ,001
Сплоченность (А)	5,7	6,2	3098	,204
Межгрупповая конкуренция (П)	4,7	5,8	1963	< ,001
Времяпровождение (П)	4,9	6,2	2356	< ,001
Общий уровень	4,8	5,6	5206	< ,001

Примечание: Me - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По остальным шкалам ГИ в данных группах респондентов статистически значимых различий не было установлено.

Сравнение параметров групповой идентичности в группах девочек-подростков и юниорок

Результаты сравнительного исследования показали (см. табл. 15), что у **юниорок** более высокие баллы, чем у **девочек-подростков**, установлены по 3 шкалам ГИ: «ингрупповые связи» ($p < 0,001$); «ингрупповые чувства» ($p < 0,01$); «коллективная самооценка» ($p < 0,001$). **Девочки-подростки** имеют более высокие баллы, чем **юниорки** по 3 шкалам ГИ: «самопонимание» ($p < 0,01$), «нисходящее сравнение» ($p < 0,001$); «межгрупповая конкуренция» ($p < 0,001$).

Таблица 15. Сравнения параметров групповой идентичности у девочек-подростков и юниорок

Шкалы ГИ	Девочки-подростки (N=90)	Юниорки (N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Ингрупповые связи (П)	4,5	5,8	1529	< ,001
Ингрупповые чувства (А)	6,0	6,3	3649	< ,01
Коллективная самооценка (А)	5,3	6,6	811	< ,001

Самопонимание (К)	5,6	4,8	2314	< ,01
Нисходящее сравнение (К)	5,1	4,4	2439	< ,001
Центральность (К)	5,2	4,8	3269	,136
Сплоченность (А)	5,8	5,6	3667	1,00
Межгрупповая конкуренция (П)	4,9	4,3	2010	< ,001
Времяпрепровождение (П)	5,4	5,6	4010	1,00
Общий уровень	5,4	5,3	4010	1,00

Примечание: Ме - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По остальным шкалам ГИ в данных группах респондентов статистически значимых различий не было установлено.

Сравнение параметров групповой идентичности в группах девочек-подростков и мальчиков-подростков

Результаты сравнительного исследования показали (см. табл. 16), что у **девочек-подростков** статистически значимо более высокие баллы, чем у **мальчиков-подростков**, установлены по 3 шкалам ГИ: «самопонимание» ($p<0,001$); «межгрупповая конкуренция» ($p<0,05$); «времяпрепровождение» ($p<0,01$). **Мальчики-подростки** имеют более высокие баллы, чем **девочки-подростки** по 1 шкале ГИ: «коллективная самооценка» ($p<0,001$).

Таблица 16. Сравнения параметров групповой идентичности у девочек-подростков и мальчиков-подростков

Шкалы ГИ	Девочки-подростки (N=90)	Мальчики-подростки (N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Ме	Ме		
Интрагрупповые связи (П)	4,5	4,2	3409	1,00
Интрагрупповые чувства (А)	6,0	5,6	3875	1,00
Коллективная самооценка (А)	5,3	6,2	1664	< ,001
Самопонимание (К)	5,6	4,6	2085	< ,001
Нисходящее сравнение (К)	5,1	5,0	4026	1,00
Центральность (К)	5,2	4,8	3310	,273
Сплоченность (А)	5,8	5,7	3142	,060
Межгрупповая конкуренция (П)	4,9	4,7	3344	< ,05
Времяпрепровождение (П)	5,4	4,9	2764	< ,01
Общий уровень	5,4	4,8	3409	,350

Примечание: Ме - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По остальным шкалам ГИ в данных группах респондентов статистически значимых различий не было установлено.

Сравнение параметров групповой идентичности в группах юниорок и юниоров

Результаты сравнительного исследования показали (см. табл. 17), что у **юниоров** статистически значимо более высокие баллы, чем у **юниорок** установлены по 3 шкалам ГИ: «нисходящее сравнение» ($p < 0,001$); «центральность» ($p < 0,001$); «межгрупповая конкуренция» ($p < 0,001$). **Юниорки** имеют более высокие баллы, чем **юниоры**, по двум шкалам ГИ: «ингрупповые связи» ($p < 0,001$); «коллективная самооценка» ($p < 0,001$).

Таблица 17. Сравнения параметров групповой идентичности у юниорок и юниоров

Шкалы ГИ	Юниорки (N=90)	Юниоры (N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Ингрупповые связи (П)	5,8	4,0	978	< ,001
Ингрупповые чувства (А)	6,3	6,6	3582	1,00
Коллективная самооценка (А)	6,6	5,8	969	< ,001
Самопонимание (К)	4,8	5,6	3099	,478
Нисходящее сравнение (К)	4,4	4,9	1899	< ,001
Центральность (К)	4,8	5,0	2625	< ,001
Сплоченность (А)	5,6	6,2	3563	1,00
Межгрупповая конкуренция (П)	4,3	5,8	645	< ,001
Времяпрепровождение (П)	5,6	6,2	3269	,718
Общий уровень	5,3	5,6	3229	,596

Примечание: Ме - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По остальным шкалам ГИ в данных группах респондентов статистически значимых различий не было выявлено.

Мы установили, что наиболее интенсивный рост компонентов ГИ в период старшего подросткового возраста и юношеского возраста наблюдается в группах мальчиков, а не в группах девочек. В группе мальчиков возрастная динамика показателей ГИ носит однонаправленный характер (в основном показатели повышаются), а в группе девочек разнонаправленный. В старшем подростковом возрасте различия по полу наблюдаются по 4 шкалам ГИ, а в юниорском возрасте по 5 шкалам. Поэтому мы можем утверждать, что наиболее интенсивное развитие показателей ГИ в старшем подростковом и юношеском возрасте проявляется в группах мальчиков, а не в группах девочек. При этом различия по полу

показателей ГИ в одинаковой степени выражены как в старшем подростковом возрасте, так и в юношеском возрасте.

На следующем этапе исследования мы выяснили, каким образом различаются параметры **организационной идентичности** в группах, одновременно разделенных по полу и возрасту.

Результаты сравнительного исследования организационной идентичности в 4-х группах представлены на рис. 13.

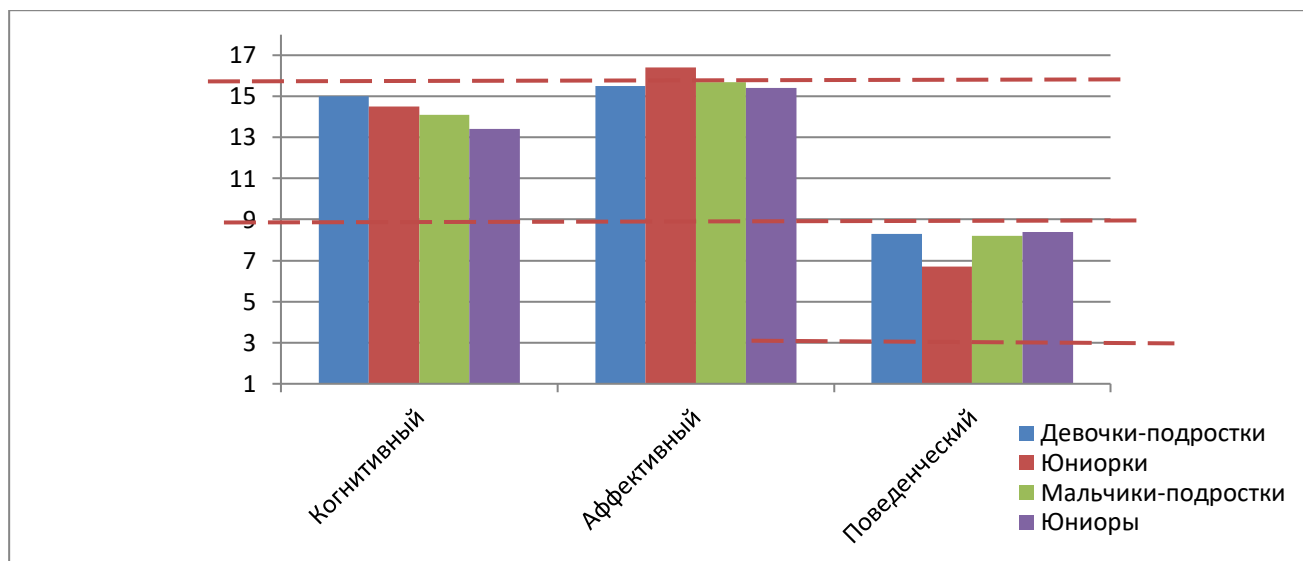

Рисунок 13. Выраженность параметров организационной идентичности в 4-х группах

Примечание: для (К) и (А) красными линиями выделены значимые зоны: меньше 9 – признак слабо выражен; от 9 до 16 – признак выражен; больше 16 – признак ярко выражен; для (П) – 3– признак слабо выражен; от 3 до 9 – признак выражен; больше 9 – признак ярко выражен.

Сравнение параметров организационной идентичности в группах мальчиков-подростков и юниоров

Результаты сравнительного исследования показали (см. рис. 13, табл. 18), что в данных группах отсутствуют статистически значимые различия по всем 3 шкалам ОИ.

Таблица 18. Сравнения параметров организационной идентичности у мальчиков-подростков и юниоров

Шкалы ОИ	Мальчики-подростки (N=90)	Юниоры (N=90)	Мани-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Me	Me		
Когнитивная	15,0	12,0	3626	,379
Аффективная	16,0	16,0	3795	1,00

Поведенческая	9,0	8,0	3966	1,00
---------------	-----	-----	------	------

Примечание: Ме - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

Сравнение параметров организационной идентичности в группах девочек-подростков и юниорок

Результаты сравнительного исследования показали (см. рис. 13, табл. 19), что по 2 шкалам «*аффективный компонент*» ($p<0,01$) и «*поведенческий компонент*» ($p<0,001$) у **девочек-подростков** показатели ОИ статистически значимо выше, чем у **юниорок**.

Таблица 19. Сравнения параметров организационной идентичности у девочек-подростков и юниорок

Шкалы ОИ	Девочки-подростки (N=90)	Юниорки (N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Ме	Ме		
Когнитивная	15,0	13,5	3504	1,00
Аффективная	16,0	16,0	3096	,012
Поведенческая	9,0	8,0	2115	< ,001

Примечание: Ме - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

По шкале «*когнитивный компонент*» ОИ статистически значимые различия в данных группах не обнаружены.

Сравнение параметров организационной идентичности в группах девочек-подростков и мальчиков-подростков

Результаты сравнительного исследования показали (см. рис. 13, табл. 20), что у **девочек-подростков** и **мальчиков-подростков** по шкалам ОИ статистически значимые различия не обнаружены.

Таблица 20. Сравнения параметров организационной идентичности у девочек-подростков и мальчиков-подростков

Шкалы ОИ	Девочки-подростки (N=90)	Мальчики-подростки (N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимости p^*
	Ме	Ме		
Когнитивная	15,0	15,0	3360	,149
Аффективная	16,5	16,0	3915	1,00
Поведенческая	8,0	9,0	3960	1,00

Примечание: Ме - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

Сравнение параметров организационной идентичности в группах юниорок и юниоров

Результаты сравнительного исследования показали (см. рис. 13, табл. 21), что **юниорки** имеют статистически значимо более высокие баллы, чем **юниоры** по следующим шкалам ОИ: «когнитивный компонент» ($p < 0,05$); «аффективный компонент» ($p < 0,01$). По шкале «поведенческий компонент» **юниоры** имеют более высокие баллы, чем **юниорки**.

Таблица 21. Сравнения параметров организационной идентичности у юниорок и юниоров

Шкалы ОИ	Юниорки (N=90)	Юниоры (N=90)	Манн-Уитни U	Уровень значимос ти p^*
	Me	Me		
Когнитивная	14,0	12,0	3157	,031
Аффективная	17,0	16,0	2905	,007
Поведенческая	7,0	8,0	2626	< ,001

Примечание: Me - медиана; p^* – уровень значимости с поправкой на множественные сравнения (Холма-Бонферрони), жирным выделены статистически значимые различия

Итак, мы установили, что в период старшего подросткового возраста и юношеского возраста в группах мальчиков статистически значимых изменений показателей ОИ не наблюдается, а в группах девочек происходит снижение показателей ОИ по 2 шкалам. В старшем подростковом возрасте различия по полу показателей ОИ не установлены, а в юношеском возрасте зафиксированы по 3 шкалам ОИ. Мы можем утверждать, что с возрастом наиболее интенсивные изменения в показателях ОИ наблюдаются в группах девочек, а не мальчиков, при этом различия по полу показателей ОИ ярче проявляются в юношеском возрасте, а не в старшем подростковом.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В ходе исследования нами было установлено, что в общей группе респондентов параметры аффективных компонентов **самоотношения** («ожидаемое отношение от других» и «самообвинение») оказались в области низких значений, параметры когнитивных компонентов («самоинтерес» и «самопонимание») – в области высоких значений, параметры поведенческих

компонентов («саморуководство» и «самоуверенность») – в области средних значений. Таким образом, мы выяснили, что развитие компонентов самоотношения в подростково-юношеском возрасте у боксеров происходит не равномерно, а полученные нами результаты не однозначно согласуются с данными других авторов [Зернова, 2014; Саитова, 2014; Шихвердиев, 2010; Кузнецов, Трегубова, 2020; Комарова, Рассказова, 2023 и др.].

Анализ результатов исследования **групповой идентичности (ГИ)** в общей группе респондентов показал: параметры аффективных и когнитивных компонентов боксеров находятся в области высоких значений, а поведенческих компонентов в области средних. В целом, текущие результаты дополняют растущий объем эмпирических данных, свидетельствующих о том, что трехкомпонентная модель ГИ имеет прочную теоретическую и эмпирическую основу [Cameron, 2004; Obst, 2005; Leach, 2008; Сидоренков, 2008; Иванова, 2003; Васькова, 2012]. Полученные нами данные еще раз подтверждают идеи авторов о том, что формирование ГИ происходит в процессе включения индивида в значимую для него социальную группу [Дубовская, 1984; Трофименко, 2013; Байрамов, 2016; Григорьева, 2020]. Притом, мы согласны с мнением исследователей, которые утверждают, что отдельные люди могут по-разному идентифицировать себя с различными группами, например, в зависимости от престижа и размера группы [Benenson, 2001]. Также важно напомнить следующее: мы изучали формирование ГИ в контексте тренировочной группы, а не спортивной команды, и это дополнительно придает актуальности и новизны нашему исследованию.

Что касается изучения параметров **организационной идентичности (ОИ)**, то мы установили, что показатели всех компонентов ОИ в общей группе боксеров оказались на среднем уровне [Knippenberg, 2000; Dick van, 2004; Dick van et al., 2005; Сидоренков, 2019]. Полученные нами данные частично согласуются с результатами исследования А.В. Сидоренкова, в котором принимали участие сотрудники организаций разных видов (социально-экономической сферы, правоохранительных органов, работники вузов и др.). Расхождения данных мы

объясняем так: во-первых, мы изучаем формирование ОИ в группе респондентов подростково-юношеского возраста [Bergami , 2000; De Giorgio, 2022]; во-вторых, для многих боксеров Федерация бокса России является престижным местом [Bartels, 2007;]; в-третьих, в Федерации бокса России есть достаточно большое количество спортивных звезд первой величины [Hoegel, 2014]; в-четвертых, в нашем исследовании принимали участие спортсмены со стажем занятия данным спортом не менее 4 лет [Wegner, 2020].

Так как в исследовании принимали участие спортсмены двух возрастов, а также мужского и женского пола, мы предположили, что результаты в группах, разделенных по полу и возрасту, будут отличаться от результатов, полученных в общей группе. Тем более, по мнению ряда исследователей наиболее интенсивный период развития самосознания, самоотношения и саморегуляции происходит в юношеском возрасте [Кон, 1984; Сарджвеладзе, 1989; Мухина, 1999 и др.], социальной идентичности – в подростковом возрасте [Тихомандрицкая, 2000; Орестова, 2001 и др.] и детерминировано гендерными различиями индивидов¹⁶ [Кузьмин, 2015; Кузьмин, 2016; Григорьева, 2020 и др.].

Результат проверки общей гипотезы (1) о существовании различий по полу и возрасту в выраженности компонентов СО и СИ оказался следующим. Во-первых, мы смогли установить возрастные различия между юниорами и подростками по 9 из 12 шкал СО, по 6 из 9 шкал ГИ, по двум из 3 шкал ОИ. Во-вторых, получилось определить различия по полу между юношами и девушками по 3 из 12 шкал СО, по 3 из 9 шкал ГИ. Установлены различия по полу по 3 шкалам ОИ. Таким образом, мы частично подтвердили гипотезу 1. Результаты проверки частных гипотез (1.1. и 1.2.) показали: у юниоров ярче, чем у подростков, выражены характеристики по 8 из 12 шкал СО. У подростков ярче выражены показатели, чем у юниоров по 1 из 9 шкал ГИ и по 2 из 3 шкал ОИ, что частично подтверждает гипотезы (1.1.и 1.2.).

Полученные нами данные согласуются с результатами других исследований, где показано, что Я-концепция находится в стадии формирования

¹⁶ Анализ результатов исследования в группах, разделенных по полу и возрасту, см. ниже.

на протяжении всего подростково-юношеского периода и может продолжать свое развитие в ранней молодости (после 18 лет) [Marsia, 1980; Waterman, 1999; Ильин, 2009; Ярышева, 2010; Шульга, 2017]. Поэтому мы вправе предположить, что у боксеров когнитивные компоненты самоотношения будут продолжать свое становление во взрослом возрасте, например, в контексте профессионального самоопределения спортсменов. Притом, сделанные нами и другими авторами выводы согласуются с представлениями Б. Ньюмена и Ю. Ньюмена на развитие идентичности в данном возрастном периоде [Ньюмен, 1999]. Однако наши результаты отличаются от выводов О.В. Беляевой [Беляева, 2001].

В целом, полученные результаты мы объясняем тем, что, по мере развития спортивной карьеры, не все боксеры могут иметь абсолютный успех, поэтому причины в неудачах они могут искать в себе, что, несомненно, будет сказываться на их эмоциональной и когнитивной оценке. Притом, занятие боксом накладывает на юных спортсменов дополнительные физические и психологические нагрузки, особенно в процессе подготовки к крупным соревнованиям, например, к первенству страны, на котором, как правило, решается вопрос: кто попадет в состав национальной сборной? Тем более, есть работы, в которых показано, как ранняя специализация спортивной деятельности приводит к формированию неадекватно завышенных показателей СО – в отличие от других видов деятельности [Зернова, 2016; Ольшанская, 2009].

В свою очередь возрастные сравнения показателей самоотношения в группе мальчиков продемонстрировали, что у юниоров наблюдаются высокие показатели самоотношения на глобальном и дифференцированном уровне (шкалы «самоуважение», «аутосимпатия» и «ожидание отношения от других»), а у мальчиков-подростков – только на дифференцированном уровне (шкала «самоинтерес»). На уровне конкретных действий в отношении к своему «Я» по шкале «самопринятие» и «самопонимание» баллы оказались выше у юниоров, а по шкале «самообвинение» и «самоинтерес» – у мальчиков-подростков. Наиболее заметными возрастными различия оказались в части когнитивных и аффективных компонентов самоотношения в данных группах респондентов. Так,

нами был зафиксирован у юниоров рост показателей аффективных компонентов самооотношения в области средних и высоких значений, и одновременно – снижение показателей когнитивных компонентов самооотношения с высоких значений в область средних значений. На среднем уровне у юниоров оказались показатели шкал «ожидание отношения от других», «самоуверенность», «саморуководство» и «самоинтерес», а у подростков – показатели шкал «самоуверенность», «саморуководство» и «самопонимание».

Таким образом, наши предположения о том, что показатели самооотношения связаны с возрастом и полом респондентов, оказались верными. И на основании полученных данных мы можем утверждать, что у спортсменов мужского пола, занимающихся боксом, поведенческие компоненты самооотношения достигают оптимальных значений уже в подростковом возрасте, когнитивные же и аффективные компоненты самооотношения продолжают свое становление в последующие возрастные периоды.

Что касается сравнения возрастных особенностей параметров самооотношения у юниорок и девочек-подростков, то мы зафиксировали возрастные изменения в структуре их самооотношения только в сторону увеличения. Такие результаты мы объясняем тем, что занятие традиционно «мужскими видами спорта», безусловно, оказывает специфическое воздействие на становление самооотношения девочек в подростковом и юниорском возрасте [Дамадаева, 2001a]. С одной стороны, у них растут показатели поведенческих компонентов «самоуверенность» и «саморуководство», с другой стороны – фиксируются чрезмерно завышенные показатели в когнитивной и аффективной части их самооотношения. Поэтому мы согласны с мнением А.С. Дамадаевой, что девушки, которые занимаются традиционно «мужскими видами спорта», нуждаются в квалифицированной психологической поддержке на протяжении всей их спортивной карьеры [Дамадаева, 2011б]. Также нам достоверно известно: многие девушки приходят в бокс ради похудения, а отнюдь не ради спортивных результатов. Таким образом, при занятии боксом, на фоне изменения веса, девушки с низкими спортивными результатами могут иметь противоречия в части

их когнитивных и аффективных оценок самооотношения [Латышева, 2018], однако данная гипотеза требует дополнительной проверки, что выходит за рамки настоящего исследования.

Другое объяснение того, почему мы обнаружили расхождения с теоретическими предпосылками, нам видится в том, что у девушек, которые занимаются традиционно «мужскими видами спорта», происходит смещение гендерной идентичности в сторону маскулинного типа [Усольцева, 2015; Цикунова, 2003; Дамадаева, 2010]. Такое положение дел несомненно специфически отражается на процессе становления СО девочек, которые занимаются единоборствами, в нашем случае оно несколько хронологически выравнивается со спортсменами противоположного пола. Тем более, нам известны результаты исследований, где установлены различия в компонентах самооотношения у девушек и юношей, которые занимались различными видами спорта [Бондаренко, 2009; Носенко, Зернова, 2017].

Отдельно хочется обратить внимание на то, что у девочек-подростков показатели самооотношения выше, чем у мальчиков-подростков по шкале «ожидаемое отношение от других». Но наблюдаются различия в части поведенческого компонента «самоуверенность» и когнитивного компонента «самоинтерес», они выше у мальчиков. На этом основании мы можем утверждать: в подростковом возрасте у мальчиков и девочек состояние самооотношения различается в части их компонентой выраженности, что дополнительно подтверждает нашу общую гипотезу. В свою очередь в группе юниоров, разделенных по полу, по шкале «глобальное самооотношение» мы не обнаружили различий, однако по большинству шкал у юниорок показатели оказались статистически значимо выше, чем у юниоров. В данных группах наблюдаются статистически значимые различия по когнитивному компоненту самооотношения «самоинтерес» и поведенческому компоненту «саморуководство», где у юниорок показатели не только статистически значимо выше, чем у юниоров, но и находятся в зоне высоких оценок. Данный факт подтверждает наше предположение о том, что развитие самооотношения у мальчиков и девочек

отличается в подростковом и юношеском возрасте, однако по большинству шкал различия не фиксируются.

Проверка статистических гипотез о наличии различий по полу и возрасту параметров групповой идентичности у подростков и юниоров, занимающихся боксом, показала, что, во-первых, мы частично подтвердили нашу общую гипотезу (1) о существовании возрастных и половых различий в выраженности компонентов ГИ; во-вторых, проверка частной гипотезы (1.1.) показала: у подростков только одна шкала ГИ имеет более высокие параметры, чем у юниоров, что частично подтверждает данную гипотезу; в-третьих, мы частично подтвердили гипотезу (1.2.) о том, что у мальчиков параметры ГИ будут выше, чем у девочек.

Полученные нами результаты лишь частично согласуются с данными О.В. Васьковой на примере учащихся в 9-х и 10-х классов [Васькова, 2013]. Расхождения в результатах мы объясняем, опираясь на идеи ТСИ и ТСК, которые утверждают, что при включении в социальную группу люди мотивированы достигать и поддерживать высокий уровень самооценки, а также сосредоточены на поддержании позитивной социальной идентичности [Tajfel, 1985; Turner, 2010]. Тем более последние исследования говорят о все меньшей роли школьных классов в формировании идентичности молодых людей. Поэтому мы и могли получить такие расхождения в данных [Васькова, 2012]. Также очевидно, что в спорте существует более высокая конкуренция, чем в школе, и спортсмены в большей степени мотивированы участвовать в межгрупповой конкуренции, чем школьники, что, несомненно, может также повышать их самооценку в отношении групповой принадлежности. Тем более наличие конкуренции является одним из основных факторов, повышающих спортивные достижения. Таким образом, далее мы можем предполагать: изменение показателей ГИ каким-то образом связано не только с возрастными и гендерными различиями боксеров, но и с результатами их спортивной деятельности.

Установленные результаты могут быть интерпретированы еще и следующим образом. Во-первых, к старшему подростковому возрасту

спортсмены могут приобрести устойчивое представление образа боксера, который существенно не меняется при смене одной тренировочной группы на другую, тем более образцом для подражания часто выступают не одnogруппники, а известные боксеры. Во-вторых, предъявляемые правила поведения на тренировках существенно не отличаются в зависимости от возраста, пола и квалификации спортсмена или статуса группы [Байрамов, 2016; Шапкина, 2003]. В-третьих, при переходе из одной тренировочной группы в другую у спортсменов завязываются новые межличностные отношения, что, в свою очередь, может сказываться на актуальном состоянии параметров их ГИ [Гребенникова, 2013].

Однако полученные нами данные отличаются от результатов исследования на выборке школьников, не занимающихся спортом (учеников 7-9 и 10-11 классов) [Гринфельд, 2004]. Притом, есть исследования, где показано, что подрастающее поколение может приобретать свою групповую идентичность не только в рамках реальных групп (например, школьного класса или спортивной секции), но и в виртуальной реальности (например, в интернет-сообществах или социальных сетях) [Ведерникова, 2016]. Все это свидетельствует о том, что при анализе феномена ГИ стоит учитывать специфические особенности и степень включенности молодых людей в деятельность изучаемой группы [Дубовская, 1984; Хузеева, 2013]. Также нам известны исследования, выявившие, что на благоприятное становление ГИ будут оказывать влияние ряд дополнительных условий, например, эмоциональный климат в группе [Гордеева, 2010], достижение группового и индивидуального успеха [Микляева, Румянцева, 2009], а также проявляемый к деятельности группы молодыми людьми интерес [Трофименко, 2013].

Отдельно стоит обратить внимание: поведенческие компоненты ГИ боксеров «ингрупповые связи» и «межгрупповая конкуренция» находятся на среднем уровне как у подростков, так и у юниоров. Такие результаты согласуются с исследованием М.Ю. Григорьевой [Григорьева, 2020].

В свою очередь, несмотря на то, что большинство работ выявляют половые (гендерные) различия в выраженности компонентов групповой идентичности

[Harris, 1995; Орестова, 2001; Кузьмин, 2015; Григорьева], мы смогли установить статистически значимые различия только между тремя шкалами ГИ у девушек и мальчиков, занимающихся боксом. Такое положение дел лишь частично подтверждает нашу общую гипотезу о существовании половых различий в выраженности компонентов ГИ в данных группах. Тем более, ранее мы уже обращали внимание на то, что при занятии традиционно мужскими видами спорта у девушек происходит смещение гендерной идентичности в сторону маскулинного типа, что, безусловно, может являться причиной таких результатов. С другой стороны, в исследовании С.Ю. Моховой показано, что девушки склонны более позитивно оценивать своих одноклассников в отличие от мальчиков, которые обесценивают или занижают их результаты, это также может являться причиной высоких показателей ГИ в группе девушек [Мохова, 2012].

Важно отметить: в работе Дж. Бененсона с коллегами не обнаружено различий в выраженности межгрупповой конкуренции у мальчиков и девочек, в нашем случае такие различия выявлены [Benenson, 2001]. Также есть исследования, где показано, что в старшем подростковом возрасте девочки более высоко оценивают свои личностные качества, а не групповые характеристики, в отличие от мальчиков [Шпрангер, 1980; Орестова, 2011; Кузьмин, 2015]. В нашем случае наоборот у девочек-подростков показатели большинства шкал ГИ оказались выше, чем у мальчиков-подростков, однако в юниорском возрасте параметры ГИ по большинству шкал выше становятся у юниоров в сравнении с юниорками.

Таким образом, результаты исследования подтверждают наше предположение о том, что выраженность компонентов ГИ различается у боксеров разного пола и возраста, различия по полу наиболее выражены в юниорском возрасте. Кроме того, поскольку текущее исследование носит единичный характер, мы считаем, что необходимы дополнительные исследования на выборках спортсменов из других спортивных дисциплин, а также с учетом того, на каком этапе спортивной социализации находятся спортсмены.

Проверка статистических гипотез касемо выраженности и различий параметров организационной идентичности показала следующие результаты. Частично была подтверждена общая гипотеза (1) о существовании возрастных и половых различий в выраженности компонентов ОИ (в отношении Федерации бокса России) у подростков и юниоров, занимающихся боксом. Так, с возрастом у боксеров снижаются показатели когнитивного и поведенческого компонента ОИ, однако все показатели ОИ остаются на среднем (достигнутом) уровне. Все это свидетельствует о том, что у боксеров развитие организационной идентичности происходит наиболее динамично в подростковом возрасте, а к юношескому периоду она достигает оптимальных значений своего развития [Котлярова, 2018].

Также мы полностью подтвердили нашу общую гипотезу о существовании половых различий в выраженности компонентов ОИ у девочек и мальчиков, занимающихся боксом. Стоит отметить, что показатели аффективного компонента у девушек оказались на высоком уровне, а у юношей все компоненты ОИ находятся на среднем уровне. Это свидетельствует о том, что у мальчиков развитие организационной идентичности в отношении Федерации бокса России происходит наиболее гармонично, чем у девочек. Тем более, полученные данные согласуются с исследованием, в котором показано, что мальчики быстрее принимают социальные нормы и установки, в отличие от девочек [Harris, 1995]. Также есть данные, что у девушек выраженность показателей организационной идентичности в большей степени зависит от сотрудничества с другими людьми, а у юношей – с реализацией их собственных возможностей в рамках организации, что, по нашему мнению, наиболее характерно для индивидуальных видов спорта [Кудинов, 2005].

Отдельно стоит отметить: по причине отсутствия аналогичных исследований в рамках спортивных организаций и в других общеобразовательных учреждениях при интерпретации данных мы не могли сравнить наши результаты с характеристиками спортсменов из других видов спорта, а также с молодыми людьми, которые не занимаются спортом. При сравнении результатов разных исследований могут наблюдаться некоторые расхождения, так как методики,

которые в них использовались, местами отличались, а некоторые исследования проводились на смешанных или малых выборках.

Таким образом, далее для подтверждения сделанных промежуточных выводов нам потребуется проверить гипотезу о наличии взаимосвязи между показателями идентичности и уровнем спортивных достижений боксеров; также мы постараемся выяснить, существует ли половозрастная специфика в данном типе взаимосвязи.

2.3. Взаимосвязь идентичности с уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом

В первой части эмпирического исследования мы установили, что у спортсменов, занимающихся боксом, существуют половозрастные особенности выраженности показателей самоотношения, групповой и организационной идентичности. В свою очередь, кроме работ, посвященных анализу показателей идентичности, в научной базе существуют исследования, где фиксируются разного рода взаимосвязи между показателями социально-психологических феноменов и деятельностью, в которую включены молодые люди, например, занятием спортом [Goodger, 2007; Slater, 2018; Martin, 2017; Murray, 2021]. Но стоит заметить, что до конца не изученным остается вопрос о взаимосвязи разных видов идентичности и результативности спортивной деятельности у спортсменов подростково-юношеского возраста, особенно в индивидуальных видах спорта.

Мы предположили, что существует взаимосвязь между самоотношением (как центральным элементом ЛИ), групповой и организационной идентичностью и уровнем спортивных достижений боксеров.

Полученные данные свидетельствуют о том, что **в общей группе боксеров (N=360)** уровень спортивных достижений (УСД) имеет прямую (положительную) взаимосвязь со всеми изучаемыми нами видами идентичности. При этом наиболее

высокие коэффициенты корреляции¹⁷ обнаружены между УСД и компонентами организационной идентичности (см. рис. 14, табл. 30 в Приложении 4).

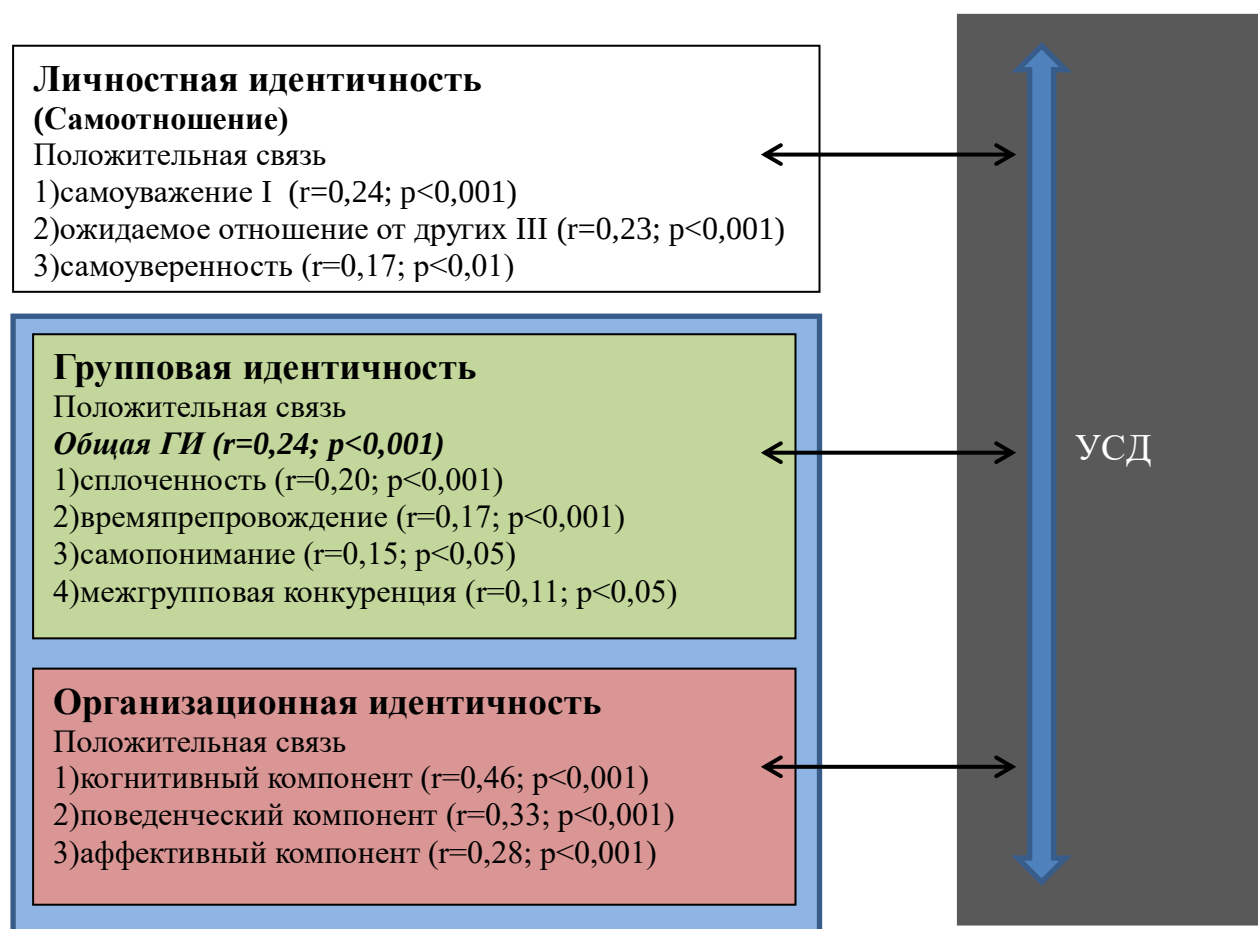

Рисунок 14. Взаимосвязь идентичности и УСД боксеров (N=360)

Таким образом, мы полностью подтвердили нашу общую гипотезу (2) о существовании взаимосвязи между самоотношением, групповой и организационной идентичностью и уровнем спортивных достижений боксеров. Однако следует констатировать, что содержательный и количественный характер данной связи различается в зависимости от конкретного вида идентичности, а также от выраженности входящих в ее структуру компонентов.

Далее мы проверяли гипотезы (2.1. и 2.2.) о направленности взаимосвязи между компонентами самоотношения, групповой и организационной идентичности и УСД в группах, разделенных по возрасту и полу.

¹⁷ Уровень значимости «р» для всех групп указан с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони. Подробные корреляционные матрицы представлены в таблицах 30-39, см. Приложение 4.

Анализ полученных данных говорит о том, что в **группе подростков (N=180)** существует прямая взаимосвязь между всеми изучаемыми нами видами идентичности и УСД (см. рис. 15, табл. 31 в Приложении 4). При этом наиболее высокие коэффициенты корреляции обнаружены между УСД и компонентами организационной идентичности (когнитивным и поведенческим), шкалами самооотношения («аутосимпатия», «самоинтерес» и «ожидаемое отношение от других») и шкалами ГИ («коллективная самооценка» и «сплоченность»).

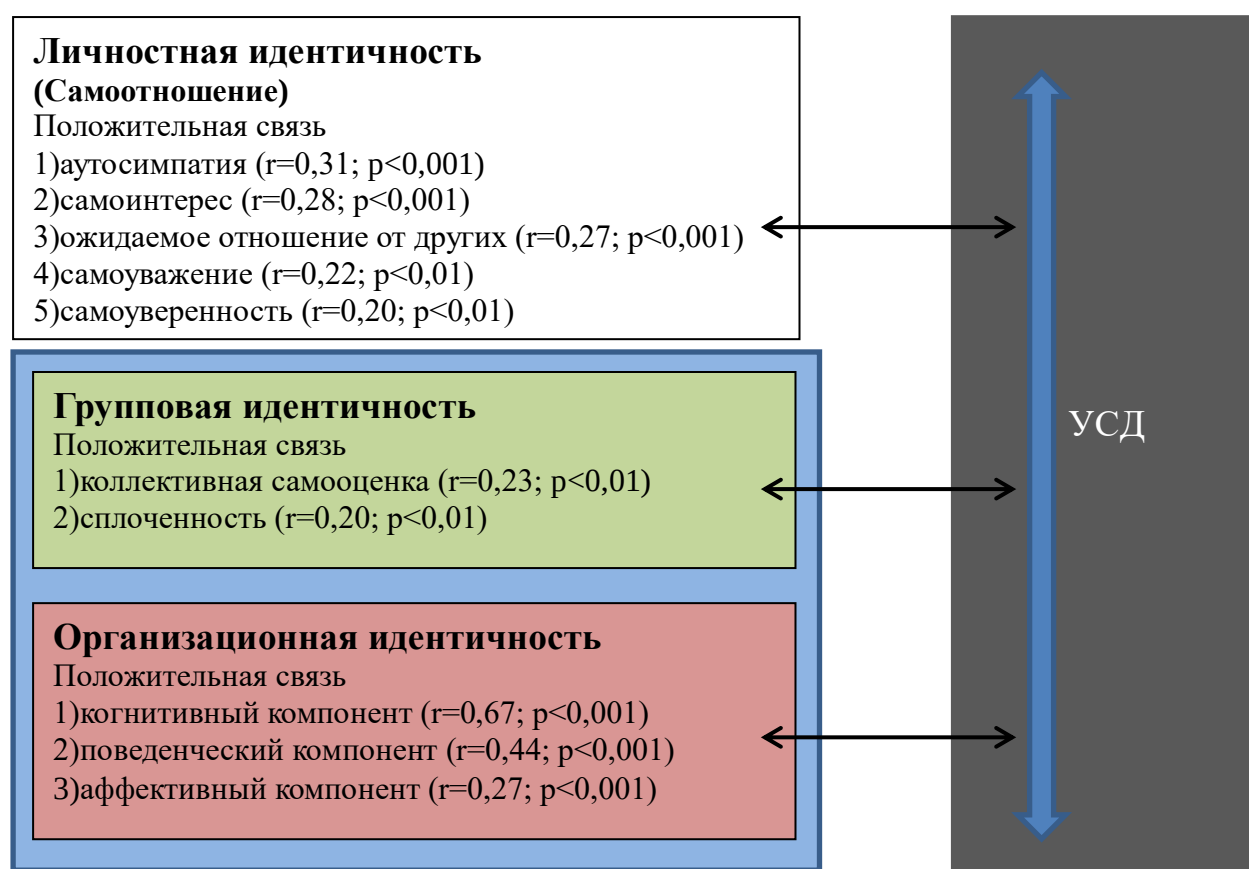

Рисунок 15. Взаимосвязь идентичности и УСД в группе подростков (N=180)

Таким образом, в группе подростков полностью подтверждается гипотеза (2.1) о существовании прямой взаимосвязи между компонентами групповой и организационной идентичности и УСД. Однако мы еще установили, что в данной группе есть прямые связи между компонентами самооотношения и УСД.

В **группе юниоров** также УСД боксеров имеет взаимосвязь со всеми видами идентичности (см. рис. 16, табл. 32 в Приложении 4).

Однако в отличие от группы подростков, мы установили обратную (отрицательную) взаимосвязь между УСД и шкалой «аутосимпатия» в группе юниоров. В свою очередь, у юниоров наиболее высокие коэффициенты корреляции установлены между УСД и компонентами ОИ (когнитивным и поведенческим), компонентами ГИ (когнитивным и поведенческим).

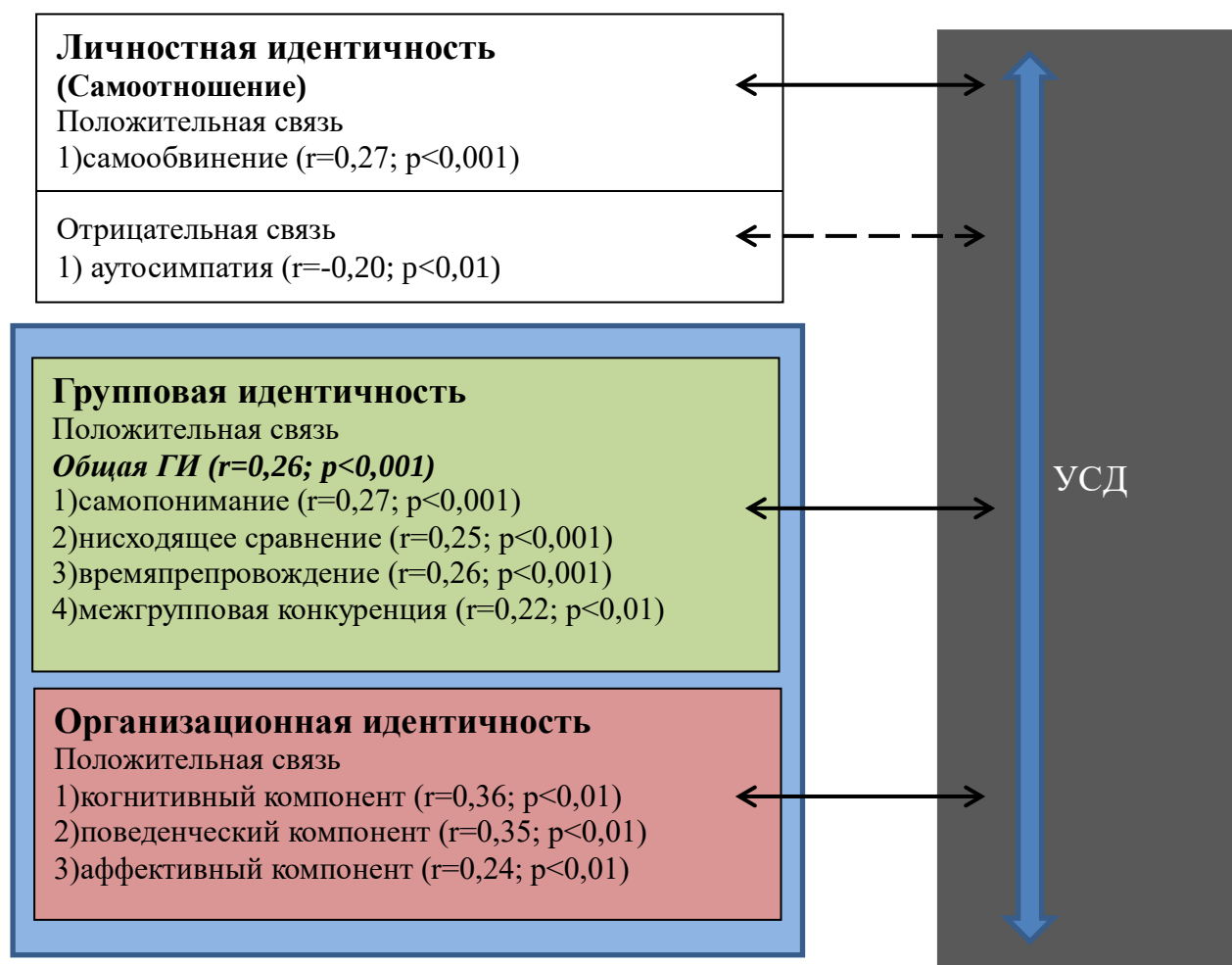

Рисунок 16. Взаимосвязь идентичности и УСД в группе юниоров (N=180)

Таким образом, мы не подтвердили гипотезу (2.1.) о существовании прямой взаимосвязи между компонентами самоотношения идентичности и УСД в группе юниоров.

Анализ полученных результатов говорит о том, что в группе девочек (N=180) наиболее высокие коэффициенты корреляции были обнаружены между УСД и самоотношением (см. рис.17, табл. 33 в Приложении 4).

Также нами были зафиксированы прямые положительные взаимосвязи между УСД с аффективным компонентом ГИ «коллективная самооценка» и

когнитивным и аффективными компонентами ОИ, однако установленные коэффициенты корреляции оказались ниже, чем в группе мальчиков.

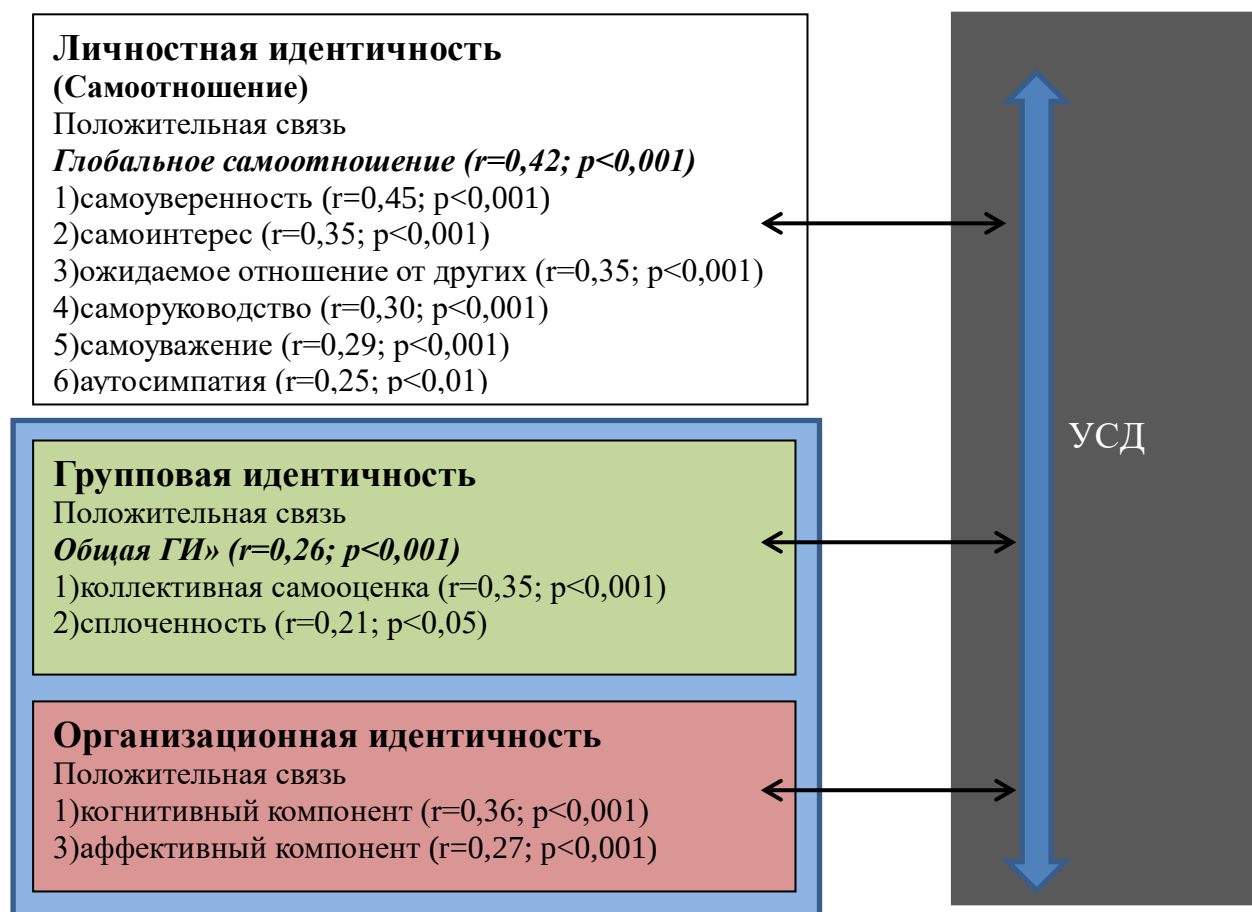

Рисунок 17. Взаимосвязь идентичности с УСД в группе девочек (N=180)

Таким образом, мы полностью подтвердили гипотезу (2.2.) о существовании прямой положительной взаимосвязи между самоотношением и УСД в группе девочек.

Анализ полученных результатов говорит о том, что **в группе мальчиков (N=180)** УСД боксеров имеет прямые положительные взаимосвязи со всеми видами идентичности (см. рис. 18 и табл. 34 в Приложении 4).

При этом самые высокие коэффициенты корреляции были обнаружены между УСД и ОИ, особенно по когнитивному и поведенческому компоненту. Были зафиксированы прямые положительные связи между УСД и шкалами самоотношения («самоуважение» и «ожидаемое отношение от других») и шкалами ГИ («сплоченность», «самопонимание» и др.).

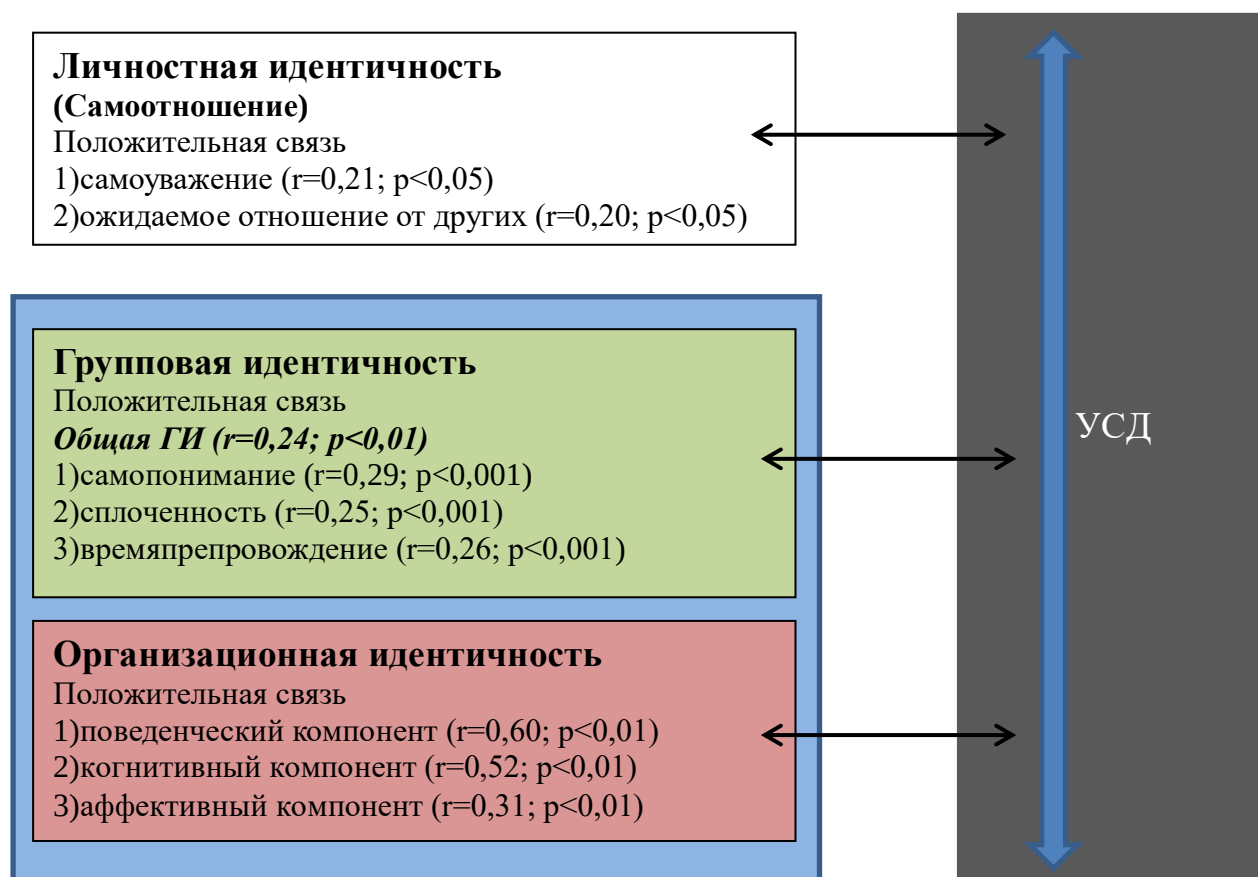

Рисунок 18. Взаимосвязь идентичности и УСД в группе мальчиков (N=180)

Таким образом, мы полностью подтвердили гипотезу (2.2.) о существовании прямой взаимосвязи между групповой и организационной идентичностью с УСД в группе мальчиков-боксеров.

Далее мы проанализировали результаты исследования взаимосвязи между показателями идентичности и УСД в 4 группах боксеров (одновременно разделенных по полу и возрасту).

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что **в группе девочек-подростков (N=90) УСД имеет взаимосвязь со всеми видами идентичности**, при этом в данной группе обнаружено самое большое количество таких связей (см. рис. 19, табл. 35 в Приложении 4).

Стоит отметить: в группе девочек-подростков наиболее высокие коэффициенты корреляции установлены между УСД и показателями самоотношения, однако шкала самоотношения («самообвинение») имеет обратную связь с УСД. Также мы обнаружили в данной группе прямую

взаимосвязь между УСД и компонентами ГИ и ОИ, что в целом характерно для данного возраста.

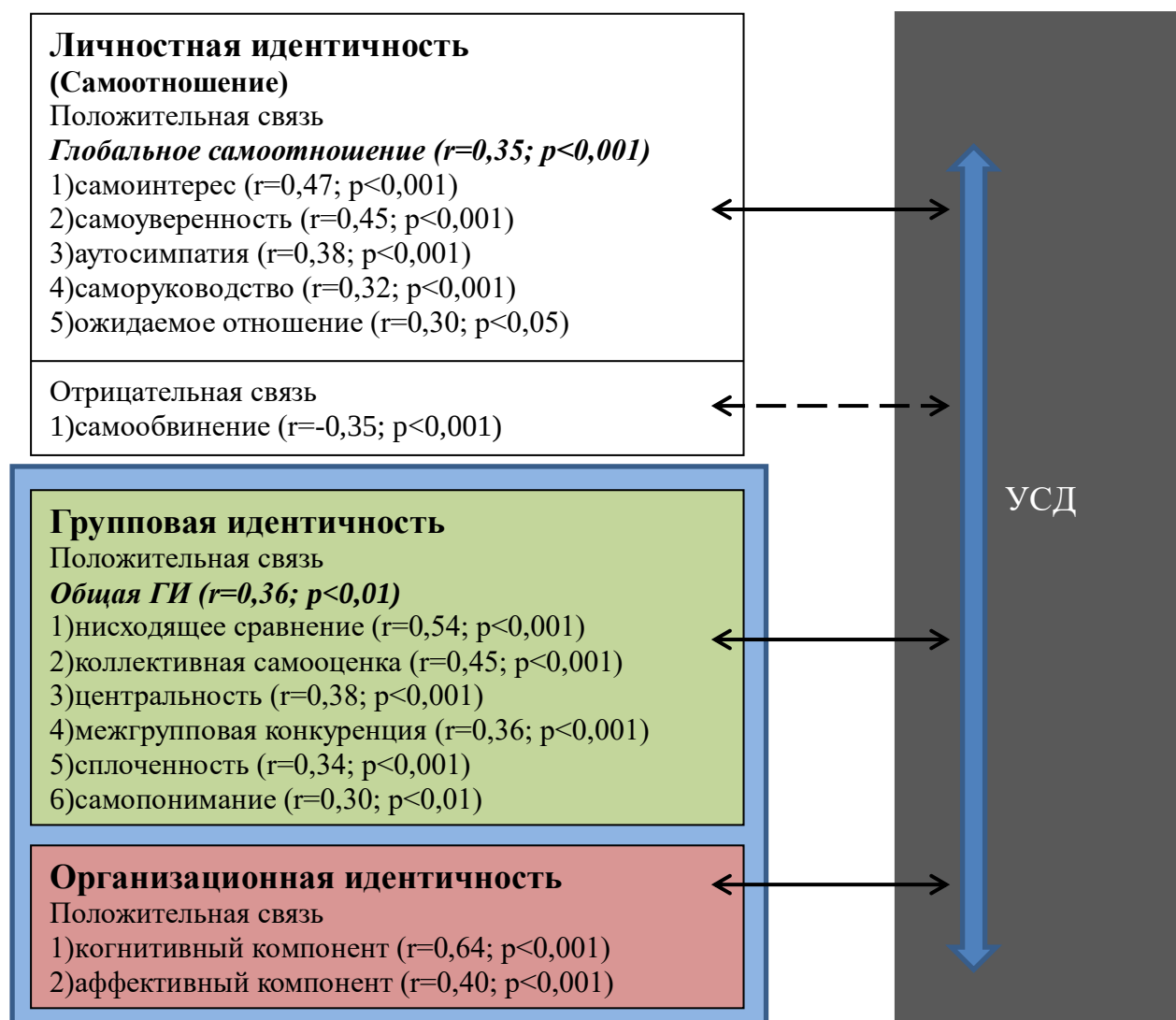

Рисунок 19. Взаимосвязь идентичности и УСД в группе девочек-подростков (N=90)

Таким образом, мы можем утверждать, что направление взаимосвязи между УСД и идентичностью в подростковом возрасте в группе девочек будет различаться в зависимости от анализируемого вида идентичности.

Анализ полученных результатов показывает: **в группе мальчиков-подростков (N=90)** наиболее высокие коэффициенты корреляции находятся между УСД и организационным уровнем идентичности (см. рис. 20, табл. 36 в Приложении 4).

Также мы смогли установить положительные взаимосвязи между УСД и аффективными компонентами самоотношения («самоуважение» и «ожидание отношения от других»), со шкалой ГИ «ингрупповые связи». При этом зафиксировали отрицательную взаимосвязь между УСД и шкалой «глобальное самоотношение» и с когнитивными компонентами ГИ («нисходящее сравнение», «центральность»).

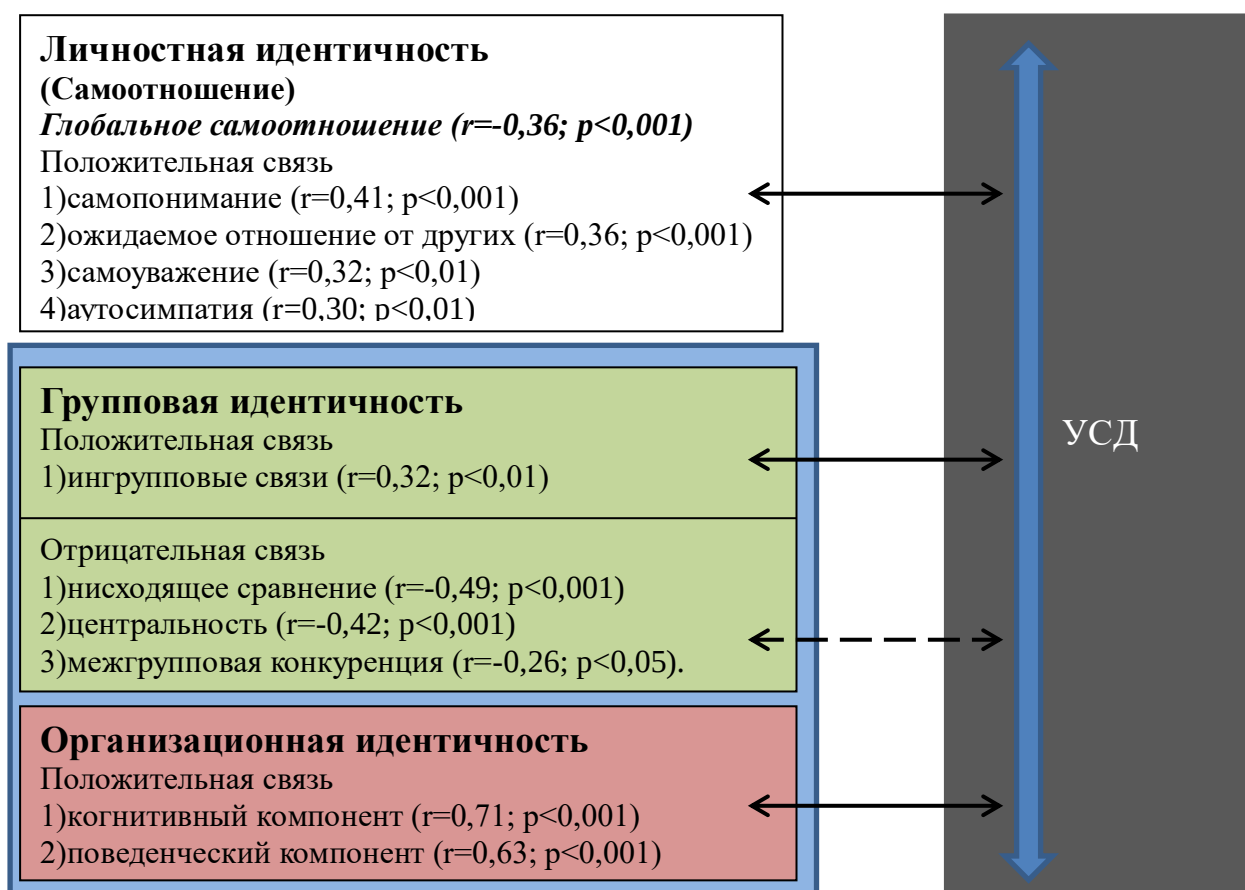

Рисунок 20. Взаимосвязь идентичности и УСД в группе мальчиков-подростков (N=90)

Таким образом, полученные данные еще раз подтверждают предположение о том, что характер взаимосвязи между идентичностью и УСД будет зависеть от вида изучаемой идентичности, а также от пола и возраста спортсмена.

В группе юниорок (N=90) наиболее высокие коэффициенты корреляции находятся между УСД и компонентами ЛИ («самоуверенность» и «ожидаемое отношение от других»), а также со шкалой «нисходящее сравнение» ГИ и когнитивной шкалой ОИ (см. рис. 21, табл. 37 в Приложении 4).

Стоит отметить: в данной группе фиксируется самое низкое количество связей между УСД и идентичностью. При этом мы наблюдаем интересную картину, когда с возрастом у девочек снижается связь между УСД и идентичностью, особенно с компонентами ГИ и ОИ.

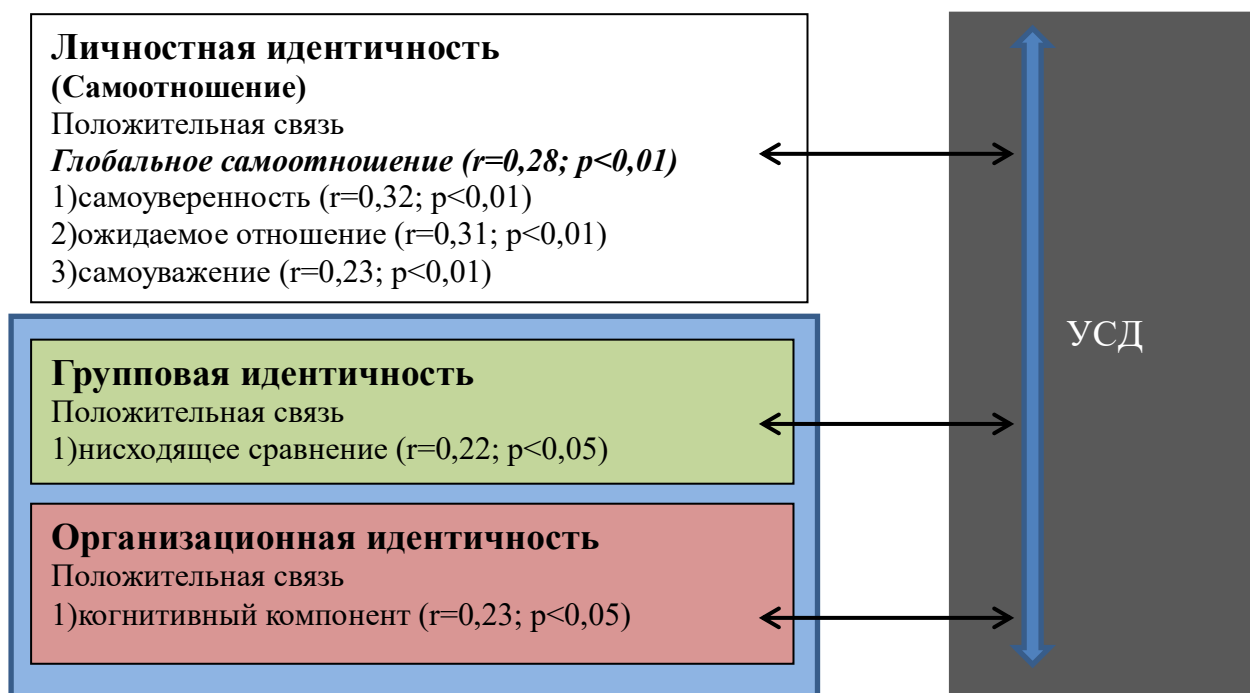

Рисунок 21. Взаимосвязь идентичности с УСД в группе юниоров (N=90)

Таким образом, мы можем утверждать, что данная взаимосвязь детерминирована полом и возрастом спортсменов-боксеров.

В группе юниоров (N=90) наиболее высокие коэффициенты корреляции находятся между УСД и организационным уровнем идентичности (когнитивным и поведенческим компонентами), а также со шкалой самоотношения «самообвинение» и шкалой ГИ «самопонимание» (см. рис. 22, табл. 38, Приложение 4). Установлены отрицательные взаимосвязи между УСД и шкалой самоотношения «аутосимпатия», со шкалами ГИ «ингрупповые связи» и «коллективная самооценка».

Таким образом, с возрастом в группе мальчиков меняется количество связей между УСД и идентичностью – уменьшается с компонентами ЛИ и увеличивается с компонентами ГИ, при этом данная связь носит как прямой, так и обратный характер.

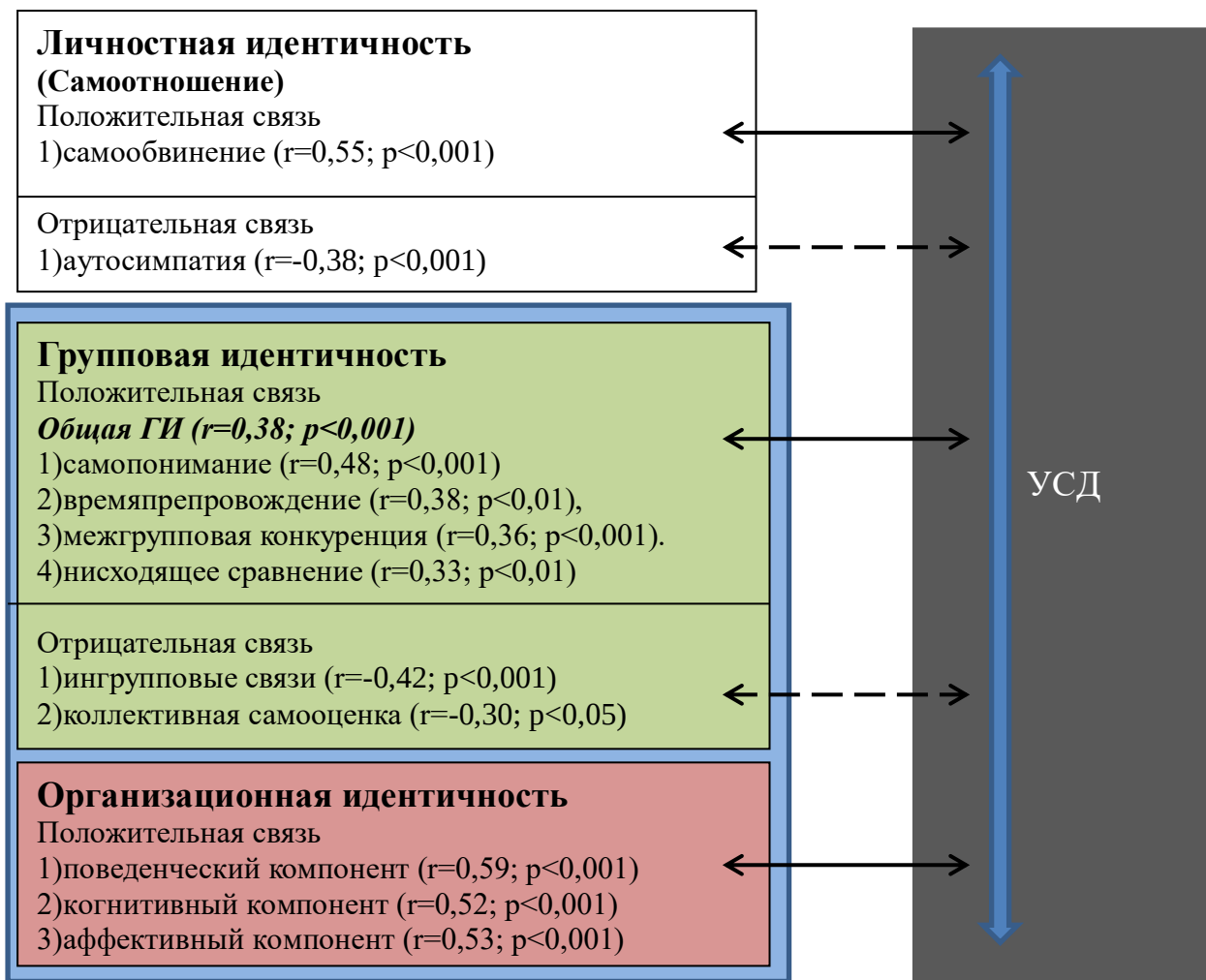

Рисунок 22. Взаимосвязь идентичности с УСД в группе юниоров (N=90)

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В начале исследования мы предположили, что повышение спортивных результатов боксеров будет одновременно изменяться с показателями их самоотношения (как центрального элемента ЛИ), групповой (принадлежность к группе, где они регулярно тренируются) и организационной (принадлежность к Федерации бокса России) идентичности. Данное предположение мы сделали, опираясь на идеи ТСИ и ТСК, так как авторы данных теорий утверждают, что процесс формирования идентичности напрямую связан с результатами деятельности индивидов, особенно в рамках значимой для них социальной группы [Tajfel, Turner, 1985]. Действительно, постулаты данных теорий подтверждаются множеством исследований в области социальной психологии, где показано, что при групповом взаимодействии (например, во время обучения)

дети успешнее развивают межличностную коммуникацию или более мотивированы показывать высокую успеваемость в школе, в отличие от детей, изолированных от контакта со сверстниками [Johnson, 2009]. Однако стоит отметить, что в спортивной индустрии существуют командные и индивидуальные виды спорта, традиционно «женские» и «мужские» спортивные дисциплины, поэтому сразу сложно сказать, какой вид идентичности (личностный или социальный) будет в большей степени связан с результатами спортивной деятельности, а какой в меньшей степени. Тем более мы не можем достоверно знать, положительно или отрицательно окажется обнаруженная взаимосвязь.

Так, в **общей группе боксеров** мы установили, что между компонентами ОИ и уровнем спортивных достижений (УСД) зафиксирована прямая взаимосвязь средней силы ($0,30 < r < 0,69$); между компонентами ГИ и УСД прямая взаимосвязь слабой силы ($0,01 < r < 0,29$); между компонентами ЛИ и УСД прямая взаимосвязь слабой силы ($0,01 < r < 0,29$) [Наследов, 2004]. Следовательно, мы полностью подтвердили гипотезу 2.

Полученные нами результаты согласуются с постулатами ТСИ и ТСК, а также с исследованиями, где показано, что у представителей разных видов спорта развитие идентичности по-разному связано с внутригрупповым и межгрупповым поведением [Bruner, 2011; Bruner, 2014; Bruner, 2015; Bruner, 2017]. Однако мы также должны зафиксировать, что при повышении показателей СИ боксеров, когда оно становится просоциальным (боксеры принимают ценности, правила поведения и политику, установленные в ФБР), у них также повышаются спортивные результаты.

Такими образом, несмотря на то, что бокс является индивидуальным видом спорта, мы можем констатировать, что *социальная идентичность* также связана с повышением спортивных результатов боксеров. При этом полученные нами результаты согласуются с данными других исследований, например, Х. Марша и С. Клейтмана [Marsh, Kleitman, 2003 и др.], а также с исследованием А. Джорджио с коллегами [De Giorgio, 2020].

Что касается взаимосвязи между УСД и самоотношением, то здесь мы установили прямую (положительную) взаимосвязь между УСД и шкалами «самоуважение» и «ожидаемое отношение от других». Такие результаты мы объясняем тем, что, во-первых, повышение показателей самоотношения повышает стремление индивидов к самосовершенствованию [Козьмина, 2013]; во-вторых, оно способствует профессиональному росту, в том числе и в спортивной деятельности [Попова, 2016; Гапонюк, 2011]; в-третьих, развитое самоотношение создает благоприятные условия для совершенствования в профессии и повышения самооффективности [Гаранина, 2019]; в-четвертых, респонденты с высокими показателями «самоуважение» и «ожидаемое отношение от других» обладают высокой мотивацией к достижению успеха [Селезнева, 2015]. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что характер взаимосвязи между идентичностью и результативностью может носить специфический для конкретной детальности характер.

В свою очередь результаты, которые мы получили в группах, разделенных по полу и возрасту, отличаются от результатов общей группы боксеров. Для нас это важно, так как в начале исследования мы предположили, что направление взаимосвязи между УСД и идентичностью будет детерминировано полом и возрастом боксеров. Данное предположение мы сделали, опираясь на возрастные периодизации психологов, которые отдельно анализируют подростковый и юношеский возраст, а также учитывали гендерную специфику психического развития индивидов (Г. Мид, Ш. Бюлер, Э. Шпрангер, Н. Ньюмен, П. Ньюмен, Д.Б. Эльконин, Л.Б. Шнейдер, М.Ю. Григорьева, М.Ю. Кузьмин и др.). Также, опираясь на концепцию позитивной идентичности М.Ю. Григорьевой и гендерную концепцию идентичности Л.Б. Шнейдер, мы предположили, что у подростков и юношей компоненты СИ будут напрямую связаны с УСД, а у юниоров и девушек компоненты самоотношения будут напрямую связаны с УСД.

В итоге мы установили, что у боксеров **подросткового возраста** между компонентами ОИ и уровнем спортивных достижений (УСД) зафиксирована

прямая взаимосвязь средней силы; между компонентами ГИ и УСД прямая взаимосвязь слабой силы; между компонентами самоотношения и УСД прямая взаимосвязь слабой силы. Такие результаты мы объясняем тем, что подростки часто вступают в конфликты с членами своей же группы, что, несомненно, может являться препятствием для установки взаимосвязи между ГИ и УСД. Например, одной из причин внутригрупповых конфликтов является борьба за лидерство, в ходе которой одни подростки становятся лидерами, а другие наоборот аутсайдерами [Васькова, 2012]. При этом актуальное состояние СИ может стать одной из причин ухода подростка из спортивной группы (организации) [Murray, 2021; De Giorgio, 2020 и др.].

Отдельно стоит отметить, что в отроческий период УСД боксеров имеет положительные взаимосвязи с аффективными компонентами самоотношения («самоуважение» и «ожидание отношения от других»), ГИ «сплоченность». Такие результаты мы объясняем тем, что, безусловно, в подростковом возрасте спортсменам необходима эмоциональная поддержка от их близкого окружения в процессе освоения ими разного рода деятельности. Тем более подростки часто критически относятся к своей внешности, поэтому показатели эмоционального принятия ими себя такими, какие они есть, могут быть напрямую связаны с их УСД [Савина, 2003; Алексейченко, 2021].

В свою очередь связь между УСД и аффективными компонентами ГИ можно объяснить, опираясь на концепцию А.В. Петровского, а именно тем, что на разных этапах группового развития могут преобладать эмоциональные, а не деловые межличностные отношения между членами группы, которые, несомненно, отражаются на их эффективности [Петровский, 1978]. Таким образом, в нашем случае это может являться одной из причин того, почему в группе подростков-боксеров коэффициенты корреляции фиксируются между УСД и показателями «сплоченности».

Далее мы установили, что у боксеров **юниорского возраста** между компонентами ОИ и УСД зафиксирована прямая взаимосвязь средней и слабой силы; между компонентами ГИ и УСД прямая взаимосвязь слабой силы; между

компонентами самоотношения и УСД прямая и обратная взаимосвязь слабой силы. Подобные результаты мы объясняем тем, что к данному возрастному периоду определяются основные лидеры во всех весовых категориях, как на региональном уровне, так и на национальном, а внутригрупповая конкуренция все больше приобретает межгрупповой характер [Hogg, 2004]. Важно заметить то, что в группе юниоров обнаружены положительные взаимосвязи между УСД и когнитивными и поведенческими компонентами ГИ («нисходящее сравнение», «самопонимание», «времяпрепровождение»), что в свою очередь согласуется с результатами других исследований. Например, есть работы, где показано, что к юношескому возрасту когнитивные компоненты СИ достигают оптимальных значений своего развития и напрямую связаны с результатами деятельности [Савина, 2003, Беляева, 2001].

Полученные данные мы также объясняем, опираясь на работу А.В. Петровского [Петровский, 1978], где он утверждает, что на более высоких этапах группового развития формируются *ценностно-целевые отношения* между членами одной группы, напрямую связанные с эффективностью деятельности как отдельных ее членов, так и группы в целом. Таким образом, в нашем случае это может являться одной из причин того, почему в группе юниоров коэффициенты корреляции фиксируются между УСД и показателями когнитивных и поведенческих компонентов ГИ.

Мы установили возрастные различия в характере взаимосвязи между идентичностью и УСД боксеров:

1) у юниоров так же, как и в группе подростков, существует прямая взаимосвязь между УСД и компонентами ОИ, однако коэффициенты корреляции выше в группе подростков;

2) у юниоров набор компонентов самоотношения, которые связаны с УСД, отличается от набора компонентов самоотношения подростков, а по шкале «аутосимпатия» и вовсе меняется характер взаимосвязи с положительного знака на отрицательный;

3) взаимосвязь между ГИ и УСД в группе юниоров носит прямой характер, при этом она компонентно отличается от взаимосвязи данных переменных в группе подростков.

Далее мы выяснили, что **в группе девушек-боксеров** между компонентами ОИ и УСД зафиксирована прямая взаимосвязь средней и слабой силы; между компонентами ГИ и УСД прямая взаимосвязь средней и слабой силы; между компонентами самоотношения и УСД прямая взаимосвязь средней и слабой силы. Важно заметить, что в группе девушек установлено наибольшее количество связей между УСД и самоотношением, при этом данная связь носит только прямой характер. Действительно, исследования показывают, что при занятии боксом меняются не только физиологические, но и социально-психологические показатели девушек, особенно их гендерная идентичность [Дамадаева, 2010]. Чтобы достигать высоких спортивных результатов, боксерам женского пола приходится развивать в себе маскулинные качества «самоуверенность» и «саморуководство», от которых действительно напрямую зависит их успех на ринге. Полученные нами результаты условно согласуются с исследованием, где показана взаимосвязь между данными самоотношения девушек и возможностью ими реализовывать поставленные перед ними цели и задачи [Леонова, 2022]. А также с работой, где очерчена прямая взаимосвязь между психологическим благополучием и профессиональным ростом у женщин, работающих в Федерации бокса России [Акимова, 2021].

В группе мальчиков-боксеров мы установили прямую взаимосвязь между компонентами ОИ и УСД средней силы; между компонентами ГИ и УСД прямую взаимосвязь слабой силы; между компонентами самоотношения и УСД прямую и обратную взаимосвязь слабой силы. Таким образом, как и предполагалось в начале исследования, в группе мальчиков показатели УСД напрямую связаны с показателями СИ. При этом между УСД и компонентами самоотношения наблюдается слабая взаимосвязь, которая носит разнонаправленный характер. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования А.В. Кудинова, указавшего: у мальчиков развитие СИ имеет эгоцентрическую

направленность и связано с реализацией их собственных возможностей [Кудинов, 2005]. При этом нам достоверно известно, что мальчики быстрее девочек принимают социальные нормы и установки при включении в значимую для них социальную группу, тем более, если она носит специфический характер [Harris, 1995].

Таким образом, мы установили различия по полу в характере взаимосвязи между идентичностью и УСД боксеров:

1) у девушек так же, как и у мальчиков, существует прямая взаимосвязь между УСД и ОИ, при этом она компонентно отличается;

2) у девушек характер взаимосвязи между компонентами самоотношения и УСД отличается от характера взаимосвязи в группе мальчиков по направлению и набором компонентов (у девушек она только прямая, у мальчиков же прямая и обратная);

3) взаимосвязь между ГИ и УСД в группе мальчиков и девочек носит только прямой характер, при этом она компонентно отличается.

Данные исследования, полученные **в 4 группах**, свидетельствуют о том, что спортивные результаты мальчиков-подростков и юниоров имеют отрицательную связь с когнитивными установками в отношении ребят, с которыми они занимаются в одной группе, а также с установками в отношении за или против своего «Я». Например, это может быть обусловлено тем, что в одной группе с подростками могут заниматься ребята старшего возраста, которые физически сильнее или превосходят их в спортивном мастерстве [Сачкова, Волков, 2022].

Еще полученные данные говорят о том, что спортивные результаты девочек-подростков в большей степени связаны с их компонентами самоотношения, в отличие от мальчиков-подростков, у которых данная взаимосвязь в большей степени наблюдается с компонентами СИ. Притом, в группе девочек-подростков и юниорок высокие коэффициенты корреляции наблюдаются между когнитивными и эмоциональными компонентами ГИ и УСД, а у мальчиков-подростков – с поведенческими компонентами ГИ.

В целом, полученные результаты мы объясняем следующим образом: с возрастом результативность боксеров все больше начинает соотноситься с осознанностью их личных возможностей (особенно у девушек), при этом в индивидуальных видах спорта очень часто ребята, занимающиеся внутри одной группы, могут быть соперниками на соревнованиях [Мохова, 2012; Schinke, 2019].

Таким образом, можно утверждать, что изменение показателей спортивных результатов боксеров неоднозначно связано с формированием самоотношения и СИ и напрямую зависит от их возраста и половой (гендерной) принадлежности. При этом мы установили: идентичность является таким социально-психологическим фактором, который при определенных обстоятельствах может не только повышать, но и снижать эффективность спортивной деятельности боксеров. Отдельно стоит отметить преимущество 3-компонентой модели идентичности, которая делает возможным не только фиксировать связь между переменными, но и выявлять ее специфику.

2.4. Вклад идентичности в уровень спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом

В предыдущем параграфе мы установили, что существует взаимосвязь между идентичностью и уровнем спортивных достижений (УСД) боксеров, причем направление данной взаимосвязи меняется в зависимости от вида идентичности, а также от пола и возраста спортсменов. Следом за этим было высказано предположение, что компоненты разных видов идентичности будут по-разному вносить вклад в изменение показателей УСД боксеров, а размер и характер вклада будет также меняться в зависимости от их пола и возраста. Для определения уникального вклада социодемографических показателей (пол и возраст) спортсменов-боксеров, а также параметров идентичности, в УСД применялся метод иерархической (последовательной) множественной регрессии (МРА).

Вклад идентичности в УСД боксеров (N=360)

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД боксеров различается в зависимости от включаемых предикторов (см. рисунок 23, таблица 39 в Приложении 5).

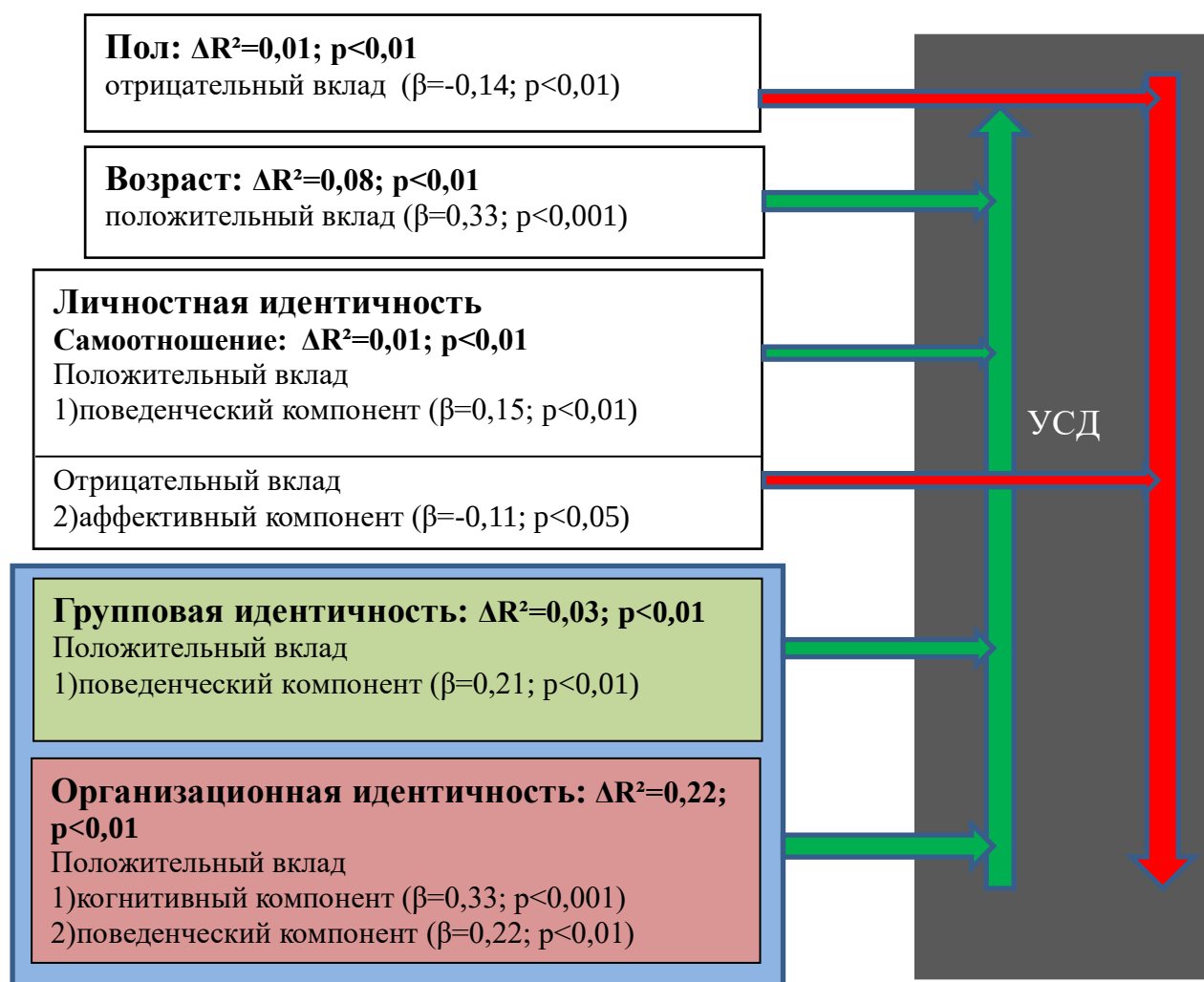

Рисунок 23. Итоговая модель вклада идентичности в УСД боксеров (N=360)

Так мы установили, что предикторы «возраст» и «компоненты ОИ» объясняют большее количество изменчивости дисперсии зависимой переменной УСД, чем предикторы «пол» и «компоненты СО и ГИ» (предсказывая: от 1 % дисперсии – прирост на 1 шаге, до 22 % – прирост на 5 шаге регрессии). При этом итоговая модель МРА показывает: разные виды идентичности по-разному вносят вклад в изменение показателей УСД боксеров. Возраст, поведенческий компонент самоотношения, когнитивный компонент ОИ, поведенческий компонент ОИ и поведенческий компонент ГИ – вносят положительный вклад в

УСД; пол и аффективный компонент самооотношения – вносят отрицательный вклад в УСД, что, в свою очередь, полностью подтверждает нашу 3-ю гипотезу.

Таким образом, несмотря на то, что бокс является индивидуальным видом спорта, компоненты социальной идентичности (организационной и групповой) вносят больше положительного вклада в изменение показателей УСД боксеров, чем компоненты самооотношения, при этом аффективный компонент самооотношения вносит отрицательный вклад в УСД. Также мы установили, что положительный вклад в УСД боксеров в подростково-юношеский период вносит их возраст: чем старше становятся боксеры, тем выше они показывают спортивные результаты. Однако важно заметить, что в изменение спортивных результатов боксеров отрицательный вклад вносит их половая принадлежность – у девушек (при прочих равных) фиксируются более низкие спортивные результаты, чем у юношей. Таким образом, мы можем утверждать, что изменение спортивных результатов боксеров связано не только с их социо-демографическими различиями, но и с показателями их идентичности, что далее дает нам основание для проверки частных гипотез (3.1.–3.4.) в группах, разделенных по возрасту (подростки и юниоры) и полу (мальчики и девочки).

Вклад идентичности в УСД боксеров подросткового возраста (N=180)

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД боксеров в группе подростков различается в зависимости от включаемых предикторов (предсказывая 14 % дисперсии – прирост на 1 шаге, 5% – прирост на 2 шаге, 29 % – прирост на 3 шаге регрессии) (см. табл. 39 в Приложении 5).

Таким образом, мы установили, что в группе подростков предикторы ОИ объясняют большее количество изменчивости дисперсии зависимой переменной УСД, чем предикторы самооотношения. В итоговой модели МРА в группе подростков наибольший положительный вклад в УСД вносят когнитивный и поведенческий компоненты ОИ. В свою очередь вклад самооотношения вносит разнонаправленный характер: с одной стороны поведенческий компонент

повышает показатели УСД, с другой стороны аффективный компонент их снижает (см. рис. 24).

Мы частично подтвердили гипотезу (3.1.), а именно нами установлено, что компоненты ОИ в группе подростков вносят больше положительного вклада в изменение показателей УСД, чем компоненты самоотношения. Вклад компонентов ГИ в УСД в группе боксеров-подростков не установлен.

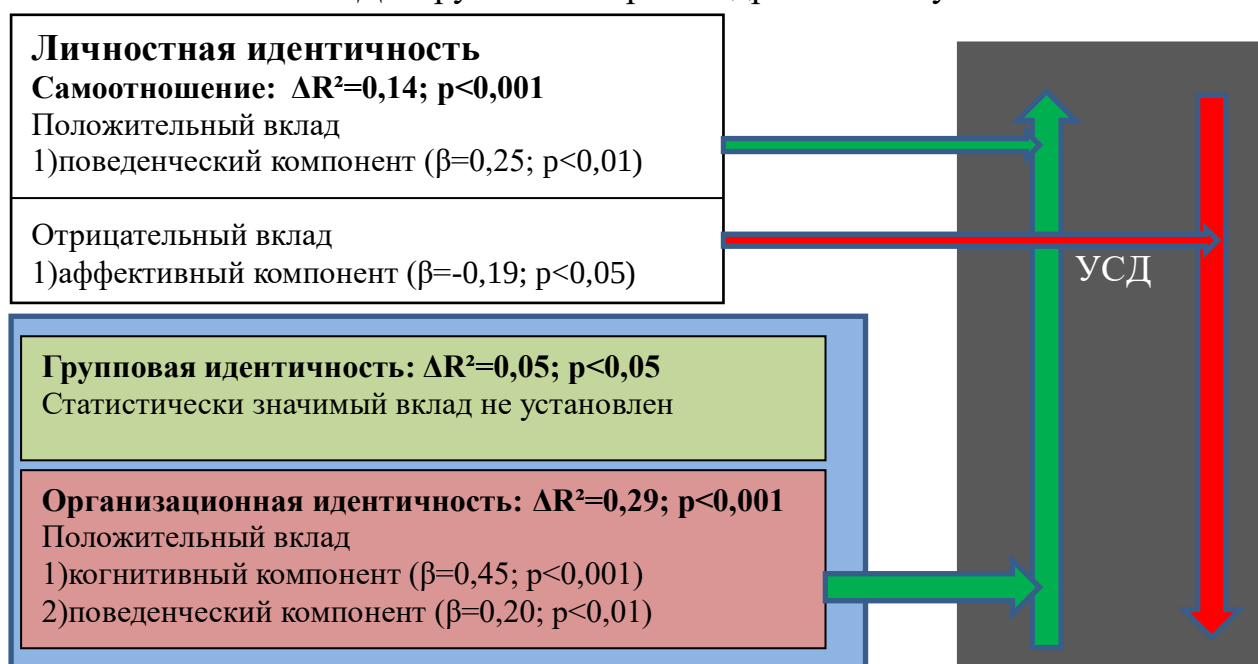

Рисунок 24. Вклад идентичности в УСД в группе подростков (N=180)

Вклад идентичности в УСД боксеров юниорского возраста (N=180)

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД в группе юниоров различается в зависимости от включаемых предикторов (предсказывая от 5 % дисперсии – прирост на 1 шаге, 9% – прирост на 2 шаге, 13 % – прирост на 3 шаге регрессии) (см. таблицу 39 в Приложении 5). Таким образом, мы установили, что в группе юниоров предикторы СИ объясняют большее количество изменчивости дисперсии зависимой переменной УСД, чем предикторы самоотношения.

В итоговой модели МРА в группе юниоров положительный вклад в УСД вносят аффективный компонент самоотношения, когнитивный компонент ОИ и когнитивный компонент ГИ (см. рисунок 25). Такие данные свидетельствуют о том, что в группе юниоров наибольший положительный вклад в УСД вносят

когнитивный компонент ОИ, при этом когнитивный компонент ГИ вносит наименьший вклад в УСД.

Таким образом, в группе юниоров гипотеза (3.2.) не подтвердилась, так как мы установили, что у боксеров-юниоров ОИ вносит больше положительного вклада в изменение показателей УСД, чем самоотношение. Однако по сравнению с подростковым возрастом вклад аффективного компонента самоотношения у юниоров не только повышается, но и становится положительным.

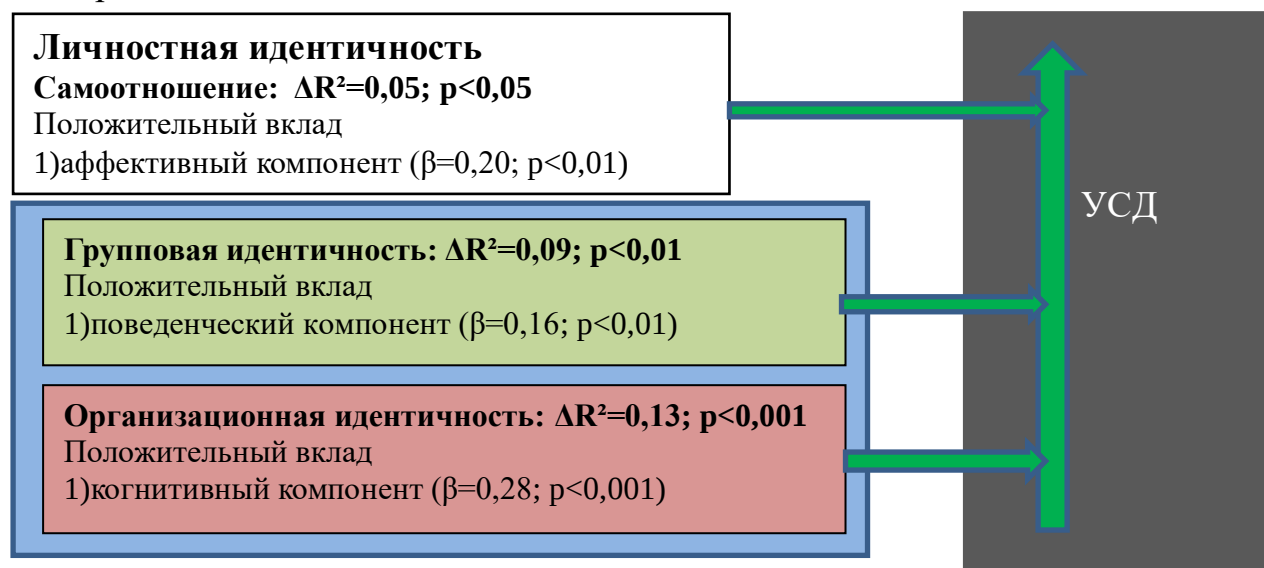

Рисунок 25. Вклад идентичности в УСД в группе юниоров (N=180)

Вклад идентичности в УСД девочек-боксеров (N=180)

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД боксеров в группе девочек различается в зависимости от включаемых предикторов (предсказывая от 24 % дисперсии – прирост на 1 шаге, 5% – прирост на 2 шаге, 4 % – прирост на 3 шаге регрессии) (см. табл. 39 в Приложении 5). Таким образом, мы установили, что в группе девочек предикторы самоотношения объясняют большее количество изменчивости дисперсии зависимой переменной УСД, чем предикторы ГИ и ОИ.

В итоговой модели МРА в группе девочек положительный вклад в УСД вносят поведенческий компонент и когнитивный компонент самоотношения; аффективный компонент ГИ и когнитивный компонент ОИ (см. рис. 26). Такие данные означают, что в группе девочек наибольший положительный вклад в УСД

вносят компоненты самооотношения (поведенческий и когнитивный), а наименьший – аффективный компонент ГИ.

Таким образом, в группе девочек гипотеза (3.3.) полностью подтвердилась, так как мы смогли установить, что у боксеров женского пола компоненты самооотношения вносят больше положительного вклада в изменение показателей УСД, чем у боксеров мужского пола.

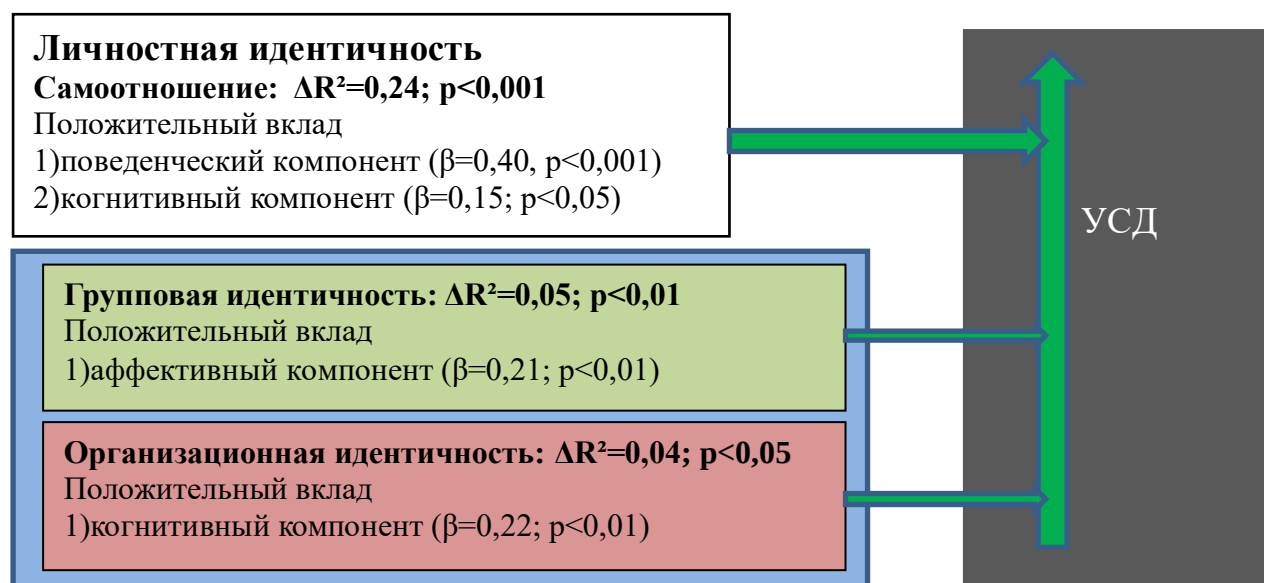

Рисунок 26. Вклад идентичности в УСД в группе девочек (N=180)

Вклад идентичности в УСД мальчиков-боксеров (N=180)

Далее мы установили, что мощность предсказания зависимой переменной УСД боксеров в группе мальчиков различается в зависимости от включаемых предикторов (предсказывая от 8 % дисперсии – прирост на 1 шаге, 7% – прирост на 2 шаге, 27 % – прирост на 3 шаге регрессии) (см. табл. 39 в Приложении 5). Таким образом, мы установили, что в группе мальчиков предикторы СИ (организационной и групповой) объясняют большее количество изменчивости дисперсии зависимой переменной УСД, чем предикторы самооотношения.

В итоговой модели МРА в данной группе положительный вклад в УСД вносит когнитивный компонент ОИ и когнитивный компонент ГИ (см. рис. 27). Такие данные означают, что в группе мальчиков наибольший положительный

вклад в УСД вносит когнитивный компонент ОИ, на втором месте поведенческий компонент ГИ, вклад компонентов самооотношения в УСД не установлен.

Таким образом, в группе мальчиков гипотеза (3.4.) подтвердилась полностью, так как мы установили, что у мальчиков-боксеров СИ (групповая и организационная) вносит больше положительного вклада в изменение показателя УСД, чем у девочек-боксеров. При этом вклад компонентов самооотношения в УСД в группе мальчиков не выявлен.

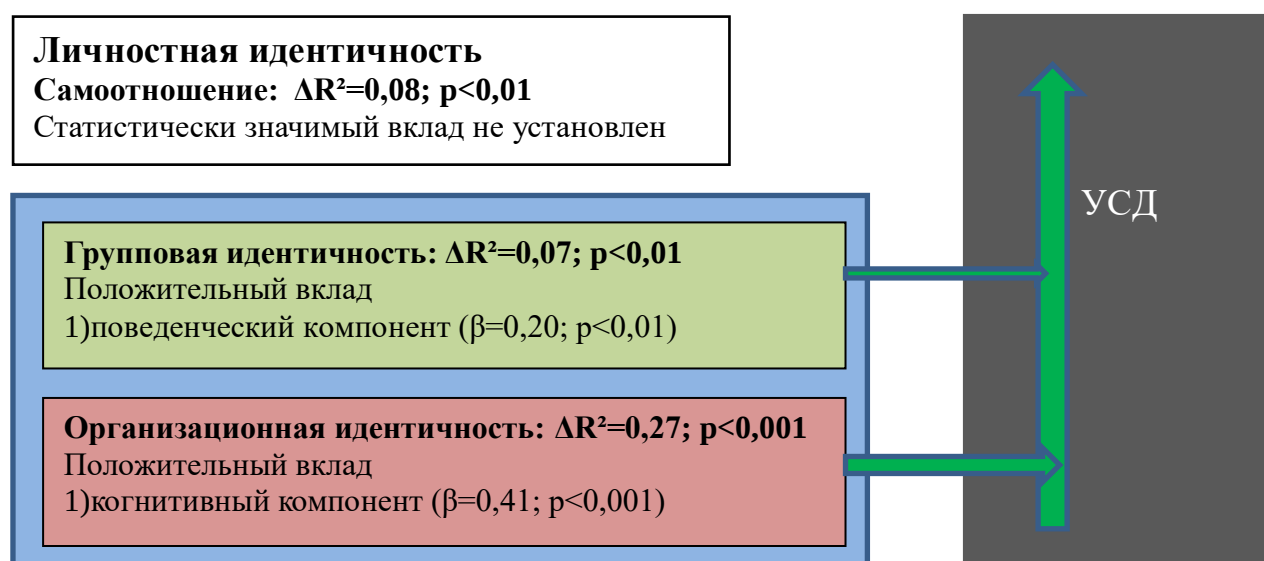

Рисунок 27. Вклад идентичности в УСД в группе мальчиков (N=180)

Далее мы установили и проанализировали вклад идентичности в УСД в 4 группах (одновременно разделенных по полу и возрасту).

Вклад идентичности в УСД девочек-подростков (N=90)

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД боксеров в группе девочек-подростков различается в зависимости от включаемых предикторов (предсказывая от 32 % дисперсии – прирост на 1 шаге, 10% – прирост на 2 шаге, 8 % – прирост на 3 шаге регрессии) (см. таблицу 39 в Приложении 5). Мы смогли установить, что в группе девочек-подростков предикторы самооотношения объясняют большее количество изменчивости дисперсии зависимой переменной УСД, чем предикторы ГИ и ОИ.

В итоговой модели МРА в группе девочек-подростков положительный вклад в УСД вносят поведенческий компонент самооотношения, когнитивный компонент ОИ и когнитивный компонент ГИ. Аффективный компонент самооотношения вносит отрицательный вклад в УСД (см. рис. 28). Такие данные означают, что в группе девочек-подростков наибольший положительный вклад в УСД вносит когнитивный компонент ОИ, на втором месте когнитивный компонент ГИ. Компоненты самооотношения вносят разнонаправленный характер: поведенческий компонент вносит положительный вклад, аффективный компонент – отрицательный.

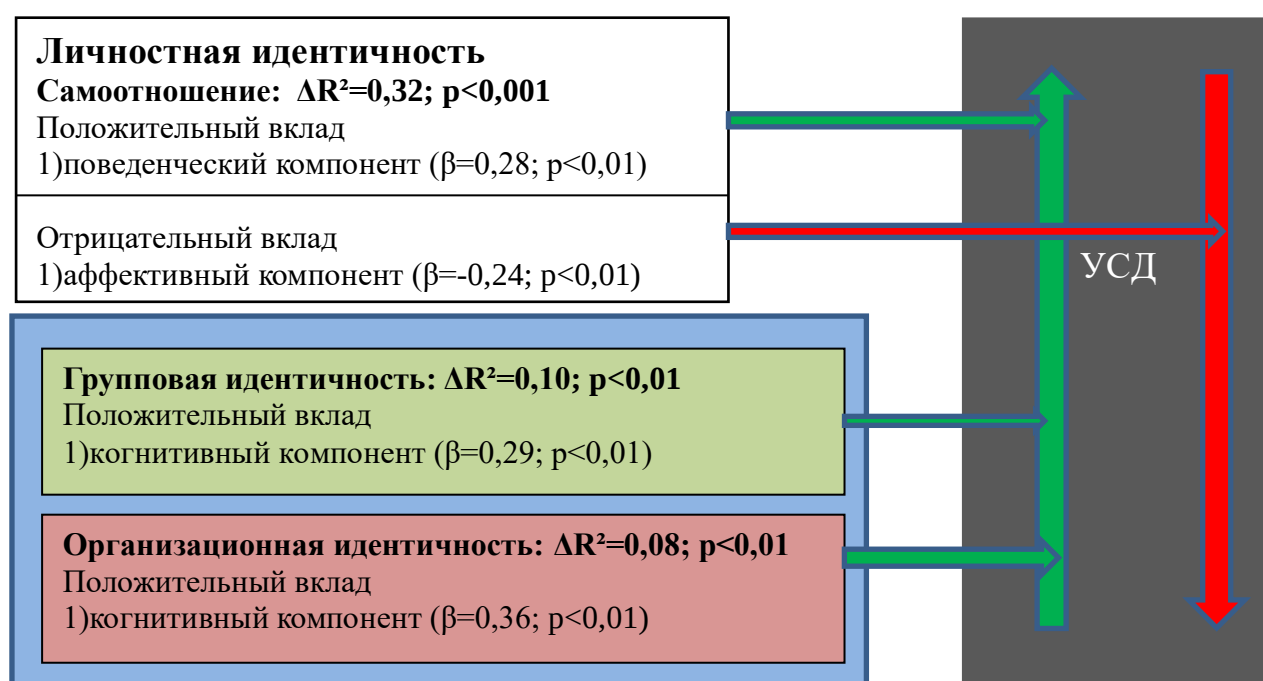

Рисунок 28. Вклад идентичности в УСД в группе девочек-подростков (N=90)

Вклад идентичности в УСД мальчиков-подростков (N=90)

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД боксеров в группе мальчиков-подростков различается в зависимости от включаемых предикторов (предсказывая от 11 % дисперсии – прирост на 1 шаге, 15 % – прирост на 2 шаге, 30 % – прирост на 3 шаге регрессии) (см. табл. 39 в Приложении 5). Таким образом, мы установили, что в группе мальчиков-подростков предикторы СИ (организационный и групповой) объясняют большее количество изменчивости дисперсии зависимой переменной УСД, чем предикторы самооотношения.

В итоговой модели МРА в группе мальчиков-подростков положительный вклад в УСД вносят когнитивный компонент ОИ, поведенческий компонент ОИ, когнитивный компонент самоотношения. Когнитивный компонент ГИ вносит отрицательный вклад в УСД (см. рис. 29).

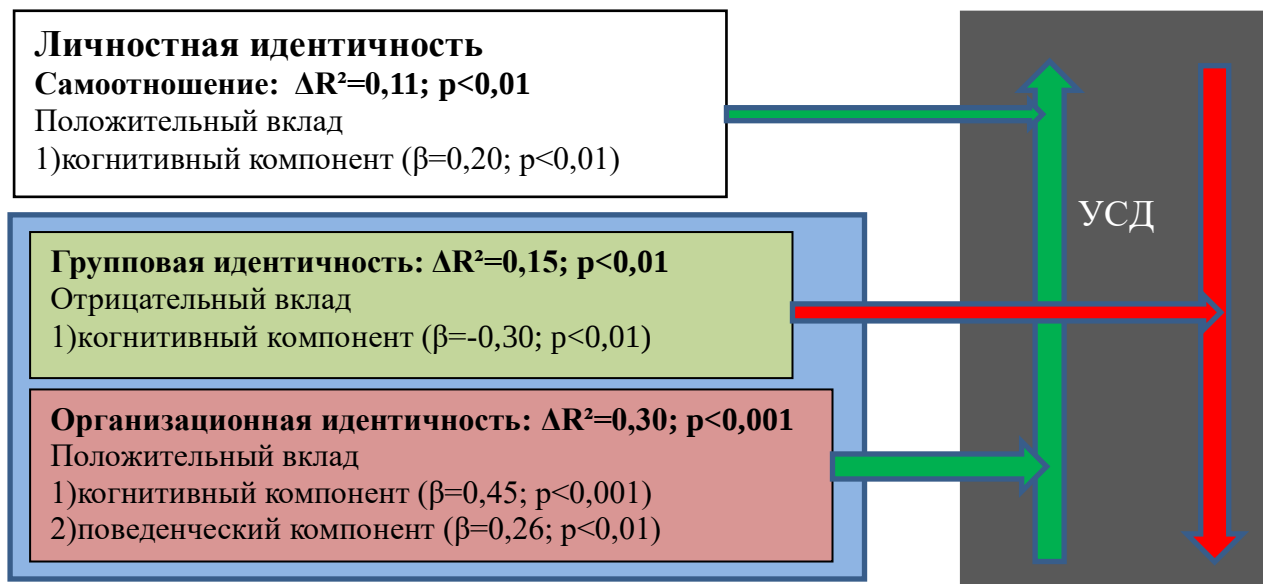

Рисунок 29. Вклад идентичности в УСД в группе мальчиков-подростков (N=90)

Вклад идентичности в УСД юниорок (N=90)

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД боксеров в группе юниорок различается в зависимости от включаемых предикторов (предсказывая от 12 % дисперсии – прирост на 1 шаге, 1% – прирост на 2 шаге, 4 % – прирост на 3 шаге регрессии) (см. табл. 39 в Приложении 5). Таким образом, мы установили, что предикторы самоотношения объясняют большее количество изменчивости дисперсии показателей зависимой переменной УСД в группе юниорок, чем предикторы СИ (ГИ и ОИ).

В итоговой модели МРА в группе юниорок положительный вклад в УСД вносит поведенческий компонент самоотношения и когнитивный компонент ОИ (см. рис. 30). Такие данные означают, что в группе юниорок наибольший положительный вклад в УСД вносит поведенческий компонент самоотношения, на втором месте когнитивный компонент ОИ. Вклад ГИ в УСД не установлен.

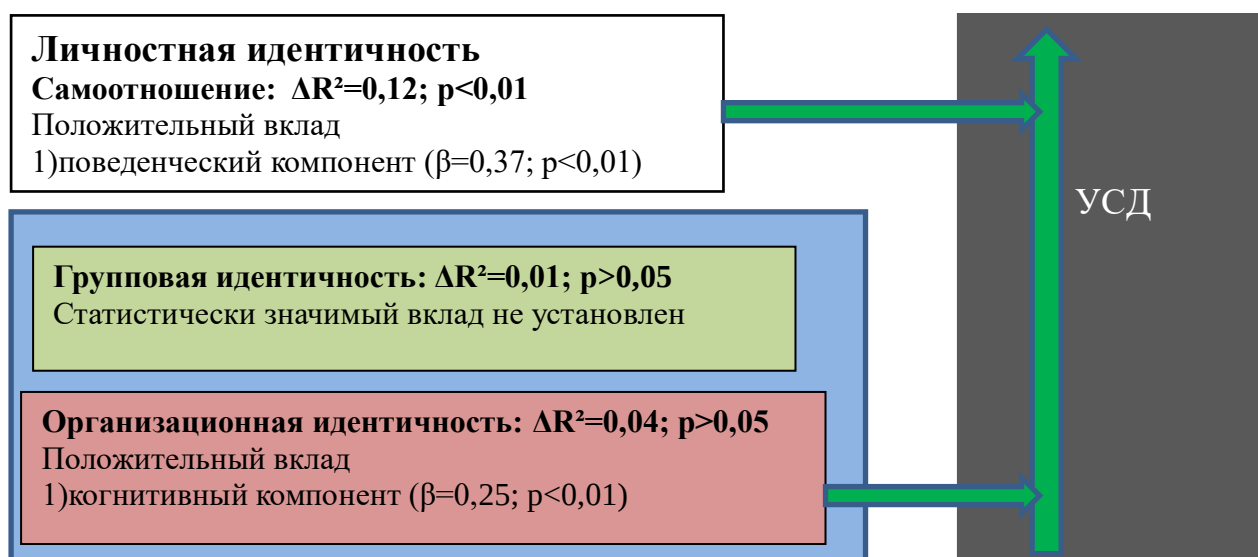

Рисунок 30. Вклад идентичности в УСД в группе юниоров (N=90)

Вклад идентичности в УСД у юниоров (N=90)

В результате регрессионного анализа было установлено, что мощность предсказания зависимой переменной УСД боксеров в группе юниоров различается в зависимости от включаемых предикторов (предсказывая от 16 % дисперсии – прирост на 1 шаге, 18% – прирост на 2 шаге, 11 % – прирост на 3 шаге регрессии) (см. табл. 39 в Приложении 5). Таким образом, мы установили, что предикторы СИ (групповой и организационный) объясняют большее количество изменчивости дисперсии показателей зависимой переменной УСД в группе юниоров, чем предикторы самоотношения.

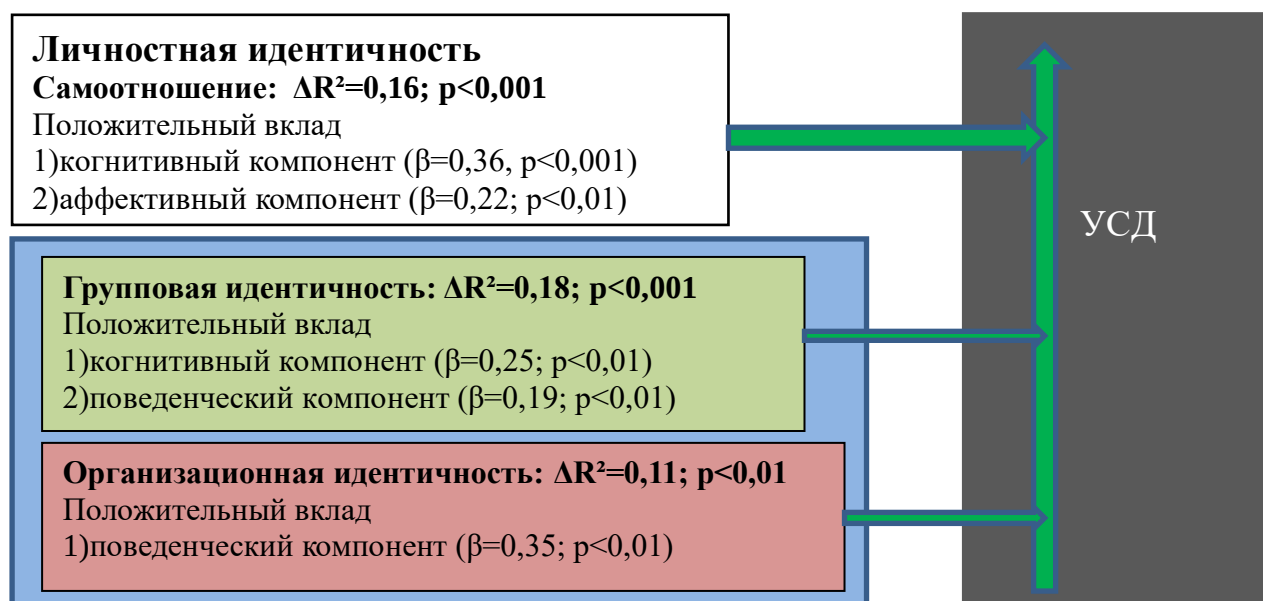

Рисунок 31. Вклад идентичности в УСД в группе юниоров (N=90)

В итоговой модели МРА в группе юниоров положительный вклад в УСД вносят когнитивный и аффективный компоненты самооотношения, когнитивный и поведенческий компоненты ГИ, поведенческий компонент ОИ (см. рис. 31). Такие данные означают, что в группе юниоров наибольший положительный вклад в УСД вносит когнитивный компонент самооотношения, на втором месте когнитивный компонент ОИ, а поведенческий компонент ГИ вносит наименьший вклад в УСД.

Таким образом, проанализировав результаты исследования в 4 группах, мы установили, что размер и характер вклада идентичности в УСД боксеров детерминирован их половозрастными различиями.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В начале исследования мы предположили, что разные виды идентичности будут по-разному вносить вклад в изменение показателей уровня спортивных достижений (УСД) боксеров. Неожиданным при этом могло стать то, что компоненты социальной идентичности (ГИ и ОИ) вносят больше положительного вклада в УСД, чем компоненты самооотношения. Бокс относится к индивидуальным видам спорта, поэтому несомненно в первую очередь логично было представить, что компоненты самооотношения (как центрального элемента ЛИ) являются определяющими в достижении высоких спортивных результатов боксеров. Однако в исследовании было показано: вклад компонентов самооотношения оказался неравнозначным: поведенческий компонент вносит положительный вклад в УСД боксеров, аффективный компонент – отрицательный, а вклад когнитивного компонента в УСД не установлен.

Полученные результаты мы объясняем тем, что зафиксированные оценки показателей самооотношения являются достаточно субъективными, таким образом, чрезмерная самокритика боксеров и завышенные ими ожидания от других в ряде случаев могут по-разному сказываться на результатах их спортивной деятельности [Алексейченко, 2021]. Однако мы также выяснили, что повышение

показателей «самоуверенности» и «саморуководства» являются определяющим в повышении спортивных результатов боксеров. Действительно ряд других исследований показывают, что данные характеристики личности помогают лучше добиваться поставленных перед спортсменами целей [Сохликова, 2017]. Также есть исследование, в котором показано, что размер и характер вклада отдельных компонентов ЛИ в успешность деятельности зависит от ее специфики [Гаранина, 2019]. При этом полученные нами данные согласуются с результатами исследования Н.В. Черепковой и М.Ю. Кузнецовой [Черепкова, Кузнецова, 2003]. Однако для более основательного подтверждения наших выводов потребуются еще дополнительные сравнительные исследования, например, на выборках спортсменов из других видов спорта.

Что касается вклада групповой идентичности (ГИ) в результативность деятельности боксеров, то мы установили, что наибольший положительный вклад в УСД вносит поведенческий компонент ГИ (шкалы «межгрупповая конкуренция» и «времяпровождение»), что в целом соотносится с результатами других исследований [Lopez-Gajardo, 2021; Slater, 2018]. Действительно в соревнованиях по боксу часто принимают участие спортсмены из разных клубов и секций, что в свою очередь, может повышать у боксеров межгрупповую конкуренцию и соревновательную мотивацию. Тем более в теории социальной идентичности говорится о том, что в процессе межгрупповой конкуренции у членов ин-группы происходит усиление социальной (групповой) идентичности, и тем самым повышается продуктивность и эффективность деятельности [Tajfel, 1985]. Таким образом, мы установили, что, несмотря на то, что в целом боксеры имеют высокие показатели по всем компонентам ГИ, только поведенческие компоненты вносят положительный вклад в повышение их спортивных результатов. Другими словами, в большей степени положительный вклад в УСД вносит приверженность у боксеров к действиям в логике групповой принадлежности (поведенческий компонент), а не оценка ими эмоционального климата в группе (аффективный компонент) и осознание себя в процессе группового сравнения боксерами (когнитивный компонент) [Turner, 2010].

Однако, как уже было сказано выше, в повышение спортивных результатов у боксеров наибольший вклад вносят когнитивный компонент ОИ и меньше поведенческий компонент ОИ, а размер вклада аффективного компонента ОИ в УСД в общей группе боксеров не установлен. Таким образом, опираясь на работу О.А. Успенской, где она рассматривала поэтапное становление организационной идентичности, мы можем предположить, что у боксеров наибольший вклад ОИ в УСД происходит на первом и втором этапе ее становления [Успенская, 2019]. В свою очередь отсутствие вклада аффективного компонента ОИ в УСД мы объясняем тем, что, действительно, позитивные чувства, которые испытывают боксеры в связи с их членством на Федерации бокса России, могут быть связаны, например, с престижем организации, а не с их спортивными результатами [Там же].

Однако результаты, которые мы получили в группах, разделенных по возрасту и полу, отличались от общей группы. Так, в группе подростков наибольший положительный вклад в УСД вносят когнитивный и поведенческий компоненты организационной идентичности, при этом этот вклад выше, чем в общей группе боксеров и группе юниоров. Еще важно заметить то, что в группе подростков вклад ОИ в УСД не только выше по показателям, чем у юниоров, но и компонентно отличается (в группе юниоров, в отличие от подростков вклад поведенческого компонента ОИ в УСД не установлен). Такие результаты мы объясняем тем, что боксеры-юниоры могут находиться на более высокой стадии становления ОИ в отличие от подростков. Таким образом, опираясь на работу О.А. Успенской и других авторов, можно сделать заключение, что у боксеров размер и характер вклада компонентов ОИ в УСД также может зависеть от стадии ее становления [Успенская, 2019]. Однако данные выводы также требуют дальнейшей проверки.

Мы также установили, что вклад самоотношения в УСД в группе подростков количественно и компонентно отличается от группы юниоров: в группе подростков он вносит разнонаправленный вклад (поведенческий компонент повышает показатели УСД, аффективный компонент снижает). При

этом в группе юниоров вклад аффективного компонента самооотношения не только повышается – он становится положительным, а вклад поведенческого компонента снижается и становится статистически не значимым. В целом такие результаты мы объясняем тем, что боксеры-подростки имеют более высокие балы по шкале «самообвинение», чем юниоры, что, несомненно, может сказывать на размере и характере вклада аффективного компонента в УСД. Однако данное утверждение требует также отдельного соответствующего исследования.

Что касается вклада ГИ в УСД, то в группе подростков он не установлен, а в группе юниоров положительный вклад с УСД вносит только когнитивный компонент ГИ. Такие результаты могут быть объяснены тем, что в старшем подростковом возрасте (15-16 лет) у боксеров высокие спортивные результаты могут быть в большей степени обусловлены опережением одних сверстников над другими в физическом развитии, а не в интеллектуальном (когнитивном). Кроме того, данный возраст находится на границе с юношеским возрастом, где начинается активное развитие ЛИ [Эльконин, 2001]. Тем более полученные нами данные условно согласуются с результатами исследования А.И. Чемезова [Чемезов, 2011]. Таким образом, мы считаем, что для более полной картины в будущем потребуется дополнительное исследование на выборке боксеров младшего подросткового возраста (от 12 до 14 лет), так как в нашем случае это было невозможно сделать.

Далее анализ вклада идентичности в УСД в группе девочек показал, что наибольший положительный вклад в УСД у девочек вносит поведенческий компонент самооотношения («самоуверенность» и «саморуководство»), аффективный компонент ГИ и когнитивный компонент ОИ. Полученные данные в группе девочек отличаются от результатов, полученных в группе мальчиков, где наибольший положительный вклад в УСД вносит когнитивный компонент ОИ и когнитивный компонент ГИ, а вклад самооотношения в УСД не установлен. Такие результаты мы объясняем тем, что:

- во-первых, бокс является традиционно мужским видом спорта, где победа на ринге зачастую зависит от больших волевых усилий и умения контролировать

текущую ситуацию (в том числе и собственное поведение) то, несомненно, для девушек развитие именно поведенческого компонента самоотношения может стать определяющим в достижении ими высоких спортивных результатов [Дамадаева; 2010];

- во-вторых, девочки часто занимаются в группах, где количественно больше мальчиков, поэтому высокая положительная оценка эмоционального климата в группе, может также играть существенную роль в повышение показателей УСД девушек. Действительно, некоторым девочкам часто приходится стоять в парах с мальчиками, и как показывает практика, местами это играет в их случае не положительную, а, наоборот, отрицательную роль в отношении к другим членам группы, так как женский и мужской бокс отличается по многим компонентам (например, в силе и скорости удара) [Усольцева, 2015].

Однако, как мы уже сказали выше, в группе мальчиков наибольший положительный вклад в УСД вносит когнитивный компонент ОИ и когнитивный компонент ГИ, а вклад ЛИ не установлен. Такие результаты мы объясняем тем, что в бокс часто приходят мальчики, которые имеют сложности с примерным поведением, таким образом, принятие ими правил, норм и ценностей, принятых на Федерации бокса России будет, несомненно, вносить весомый вклад в достижении высоких спортивных результатов [Кудинов, 2005]. Также есть исследование, в котором показано, что у девушек развитие организационной идентичности (ОИ) в большей степени связано с развитием у них коммуникационных навыков и стремлением получать новые знания, а у юношей с реализацией ими собственных возможностей [Кудинов, 2005], в нашем случае это можно соотнести со спортивными достижениями.

Далее наличие вклада когнитивного компонента (осознание себя боксерами в рамках групповой принадлежности) в УСД в группе мальчиков, в отличие от группы девочек мы объясняем тем, что многие девушки при занятии боксом сталкиваются с социальными стереотипами. Например, в нашем обществе существует стереотип, что «бокс – не женский вид спорта», поэтому мы считаем, что некоторым девушкам внутреннее сложнее принять категорию «боксера» в

отношении своего «Я образа», чем мальчикам [Turner, 2010; Староста, 1999; Усольцева, 2014]. Однако для подтверждения данного утверждения мы планируем провести отдельное исследование.

В свою очередь результаты, полученные в **4 группах**, которые мы разделили на мальчиков-подростков, девочек-подростков, юниорок и юниоров также оказались отличными от результатов общей группы. В группе девочек-подростков также как и в группе мальчиков-подростков, наибольший положительный вклад в УСД вносит когнитивный компонент ОИ. Однако к юниорскому возрасту как у девушек, так и у мальчиков вклад ОИ в УСД количественно снижается. При этом у мальчиков в подростковом возрасте также фиксируется положительный вклад поведенческого компонента ОИ в УСД, а в юниорском возрасте он полностью пропадает. Полученные результаты мы объясняем тем, что в подростковом возрасте, наиболее интенсивно происходит развитие СИ, таким образом, рост показателей компонентов ОИ играет более существенную роль в повышении их спортивных результатов, чем рост показателей компонентов ЛИ [Григорьева, 2020].

Что касается вклада ГИ в УСД, то в группе девочек-подростков когнитивный компонент ГИ вносит положительный вклад в УСД, а в группе мальчиков-подростков – отрицательный. К юниорскому возрасту у девушек вклад ГИ в УСД пропадает, а у мальчиков он не только растет, но и становится положительными. При этом в группе юниоров появляется положительный вклад поведенческого компонента ГИ в УСД, в отличие от других групп респондентов. Такие результаты мы объясняем тем, что боксеры часто стоят в парах друг с другом, нанося обоюдные травмы, что, несомненно, может отражаться на эмоциональном (местами негативном) отношении друг к другу, но при этом повышать между ними сплоченность и спортивные результаты.

Еще интересными для нас оказались результаты анализа вклада компонентов самооотношения в УСД в данных группах респондентов. Так выяснилось, что у девочек-подростков положительный вклад в УСД вносит поведенческий компонент самооотношения, притом у мальчиков-подростков и

юниоров он отсутствует, а у юниорок он значительно выше, чем у девочек-подростков. Такие результаты мы объясняем тем, что с возрастом у девочек растет конкуренция, соперницы становятся все сильнее, что, несомненно, требует от них большей самоуверенности для победы на ринге [Арансон, 2021]. В свою очередь у мальчиков-боксеров в подростковом возрасте по мере взросления и повышения уровня конкуренции положительный вклад идентичности в УСД происходит за счет аффективного компонента самоотношения, при этом у девушек в подростковом возрасте аффективный компонент самоотношения вносит отрицательный вклад в УСД, а у юниорок он пропадает. Действительно есть исследования, в которых показано, что с возрастом повышение атлетами навыков самостоятельно анализировать собственные ошибки (шкала самообвинения), оказывается одним из самых весомых факторов, который способен повышать их спортивные результаты [Изотова, 2010].

В итоге анализ вклада идентичности в УСД показал, что целесообразно его делать при помощи МРА с применением трехкомпонентной модели идентичности. Так в ряде случаев мы не просто установили размер вклада отдельного вида идентичности в УСД, а дополнительно выяснили, какой компонент вносит положительный вклад, а какой отрицательный. Таким образом, было подтверждено, что вклад идентичности в УСД имеет половозрастную специфику.

ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ

В ходе эмпирического исследования были решены все поставленные задачи, а полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Одним из перспективных направлений для решения проблем в области спорта высших достижений является использование теории социальной идентичности и теории самокатегоризации. При этом применение трехкомпонентной модели, включающей аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты, позволяет более детально и содержательно анализировать актуальное состояние идентичности спортсменов.

2. В целом у боксеров подростково-юношеского возраста показатели когнитивных компонентов самоотношения находятся в области высоких значений, поведенческих компонентов в области средних значений, а показатели аффективных компонентов в области низких значений. Показатели компонентов ГИ у боксеров фиксируются в области высоких и средних значений, а показатели ОИ только в области средних значений.

3. У боксеров наблюдаются различия в выраженности показателей **самоотношения**. У юниоров выше «глобальное самоотношение», «самоуважение», «аутосимпатия», «ожидаемое отношение от других», «самоуверенность», «самопринятие», «саморуководство» и «самопонимание», а у подростков «самообвинение». У девочек-боксеров ярче выражены «ожидаемое отношение от других» и «самопонимание», а у мальчиков-боксеров «глобальное самоотношение», «самоуверенность» и «самопринятие». Наиболее интенсивный рост компонентов самоотношения наблюдается в группах девочек, а не мальчиков. С возрастом у девочек изменение показателей самоотношения носит однонаправленный характер (в основном они повышаются), а у мальчиков разнонаправленный («самоуважение», «аутосимпатия», «ожидаемое отношение от других», «самопринятие» – растут, а «самоинтерес» и «самообвинение» – снижаются).

4. У боксеров разного возраста и пола наблюдаются различия в выраженности показателей **групповой идентичности**. У юниоров выше «ингрупповые связи», «ингрупповые чувства», «коллективная самооценка», «сплоченность», «времяпрепровождение», а у подростков «нисходящее сравнение». У девочек-боксеров ярче выражены «ингрупповые связи», а у мальчиков-боксеров «нисходящее сравнение» и «межгрупповая конкуренция». Наиболее интенсивный рост компонентов ГИ в период подросткового и юношеского возраста наблюдается в группах мальчиков. При этом у мальчиков с возрастом повышаются «общая ГИ», «коллективная самооценка», «самопонимание», «сплоченность», «межгрупповая конкуренция», «времяпрепровождение». У девочек с возрастом изменение показателей ГИ носит

разнонаправленный характер: «ингрупповые связи» и «коллективная самооценка» - растут, а «самопонимание», «нисходящее сравнение», «межгрупповая конкуренция» снижаются.

5. У боксеров разного возраста и пола наблюдаются различия в выраженности показателей **организационной идентичности**. У подростков в большей степени выражены, чем у юниоров когнитивный и поведенческий компоненты ОИ. У девочек-боксеров ярче выражены показатели когнитивного и аффективного компонента ОИ, а у мальчиков-боксеров поведенческого компонента ОИ. С возрастом наиболее интенсивные изменения в показателях ОИ наблюдаются в группах девочек, при этом гендерные различия показателей ОИ у боксеров ярче проявляются в юношеском, а не в старшем подростковом возрасте.

6. Уровень спортивных достижений (УСД) боксеров имеет прямую взаимосвязь с компонентами самоотношения и СИ, при этом компоненты ОИ имеют наиболее высокие коэффициенты взаимосвязи с УСД боксеров.

7. У боксеров существуют половозрастные различия в характере взаимосвязей между компонентами идентичности и УСД боксеров. У **подростков** наиболее высокие коэффициенты корреляции установлены между УСД и компонентами ОИ (когнитивным и поведенческим), компонентами самоотношения («аутосимпатия», «самоинтерес» и «ожидаемое отношение от других») и ГИ («коллективная самооценка» и «сплоченность»). У **юниоров** существует обратная взаимосвязь между УСД и компонентом самоотношения («аутосимпатия»), при этом наиболее высокие коэффициенты корреляции фиксируются между УСД и компонентами ОИ (когнитивным и поведенческим), а наименьшие с компонентами ГИ, некоторые из которых носят обратный характер. В группе **девочек** наиболее высокие коэффициенты корреляции были обнаружены между УСД и компонентами самоотношения («самоуверенность», «самоинтерес», «ожидаемое отношение от других», «саморуководство», «самоуважение»). В группе **мальчиков** выявлены высокие коэффициенты корреляции между УСД и ОИ (когнитивному и поведенческому компоненту), прямые связи между УСД и компонентами самоотношения («самоуважение» и

«ожидаемое отношение от других»), а также с компонентами ГИ («сплоченность» и «самопонимание»).

8. Половозрастная специфика взаимосвязи между идентичностью и УСД проявляется в том, что у девочек-подростков присутствуют как прямые, так и обратные связи между УСД и компонентами самоотношения, с возрастом связи становятся только прямые, но количество их уменьшается. У мальчиков между УСД и компонентами ГИ существует как прямые, так и обратные связи, с возрастом их количество увеличивается. У девушек связь между ОИ и УСД с возрастом по когнитивному компоненту снижается, а по поведенческому исчезает; у мальчиков данная связь с возрастом существенно не изменяется.

9. У боксеров разные виды идентичности вносят разный вклад в УСД, при этом организационная идентичность вносит наибольший вклад в УСД боксеров, а групповая идентичность наименьший вклад.

10. У юных боксеров существуют различия в характере вклада компонентов идентичности в УСД. У **подростков** больше положительного вклада в УСД вносят компоненты ОИ, а у **юниоров** больше положительного вклада в УСД вносят компоненты самоотношения. У **девочек** больше положительного вклада в УСД вносят компоненты самоотношения, чем у мальчиков, а у **мальчиков** больше положительного вклада в УСД вносят компоненты ОИ, чем у девочек.

11. Половозрастная специфика вклада идентичности в УСД проявляется в том, что у девочек с возрастом вклад когнитивного компонента ОИ в УСД снижается, вклад поведенческого компонента самоотношения растет. У мальчиков с возрастом вклад компонентов самоотношения и ОИ в УСД снижается, вклад ГИ в УСД растет и становится только положительным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению взаимосвязи идентичности и уровня спортивных достижений (УСД) у боксеров-подростков и юниоров. В работе было уделено внимание определению понятия идентичности; были раскрыты теоретико-методологические проблемы исследования идентичности в классических и современных философских, социологических и психологических подходах; был сделан сравнительный анализ западных и отечественных работ, посвященных проблеме идентичности; раскрыты возрастные и половые (гендерные) особенности при изучении идентичности; проанализированы современные подходы к проблеме идентичности в области спортивных достижений. Были также представлены основные результаты исследования и проверки гипотез; проведено обсуждение результатов исследования, которые позволили сформулировать итоговые выводы.

Теоретико-методологические выводы:

1. Идентичность имеет системно-структурное строение и включает в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Когнитивные компоненты отражают результаты процесса самокатегоризации; аффективные компоненты состоят из положительных и отрицательных самооценок и оценок ин-группы; поведенческие компоненты определяют направленность действий индивида: на личностном уровне – в соответствии с собственными убеждениями, на социальном уровне – в логике групповой и организационной принадлежности.

2. В социальной и спортивной психологии наблюдается острая нехватка исследований на тему возрастных, половых и гендерных различий компонентов личностной, групповой и организационной идентичности, особенно в индивидуальных видах спорта.

Эмпирические выводы:

1. Различия в показателях самоотношения и социальной идентичности связаны с половозрастными особенностями боксеров, при этом данные различия наблюдаются по всем трем компонентам (когнитивному, аффективному и поведенческому). По некоторым компонентам у боксеров показатели

идентичности (особенно самоотношения) фиксируются чрезмерно завышенными или наоборот заниженными, что, несомненно, должно учитываться специалистами при работе с данной категорией спортсменов.

2. Компоненты социальной (организационной) идентичной в большей степени связаны с успешностью спортивной деятельности у боксеров-подростков и юниоров. При этом связь между УСД и компонентами идентичности может носить как прямой, так и обратный характер.

3. Разные виды идентичности могут вносить как положительный, так и отрицательный вклад в изменчивость показателей УСД, при этом размер и характер данного вклада детерминирован половозрастными различиями.

Ограничением данного исследования является то, что выборка состояла из спортсменов одного вида спорта. На этом основании можно предположить, что будущие исследования вклада идентичности в УСД могут охватывать большую выборку и идти по разным направлениям спортивной деятельности, при этом должны учитываться такие переменные, как гендерные особенности спортсменов, их статус в тренировочной группе, наличие конфликтов в команде между спортсменами или между спортсменами(ом) и тренером. Также мы учитываем, что при оценке показателя УСД могли быть допущены погрешности, так как нередко результаты соревнований могут быть искажены необъективным судейством. Поэтому мы считаем, что показатель УСД в перспективе может быть скорректирован дополнительной, например, экспертной оценкой (тренерами или другими спортсменами). Несомненно, мы понимаем, что измеренные показатели идентичности также могли смещаться в сторону субъективности оценки, так как мы опрашивали спортсменов на соревнованиях, поэтому они могут быть как чрезмерно завышенными, так и заниженными. В будущем планируется провести дополнительное исследование (до соревнований и сразу после соревнований), чтобы лучше отследить динамику показателей идентичности, а также понять, каким образом будут изменяться коэффициенты корреляции между компонентами идентичности и размеры вклада в УСД в зависимости от условий

измерения. Отдельно стоит отметить, что эффективность предсказания регрессионной модели оказалось невысокой, это в перспективе потребует поиска новых социально-психологических предикторов УСД.

К практическим рекомендациям для психологов мы относим своевременную диагностику у спортсменов показателей идентичности в тренировочных группах и сборных командах. Используемый в диссертационном исследовании пакет методических средств может быть успешно реализован при выявлении у спортсменов половых и возрастных различий компонентов идентичности, а также при установлении взаимосвязи между компонентами разных видов идентичности с уровнем спортивных достижений. Руководству спортивных организаций (Федераций) мы рекомендуем обеспечивать своевременный доступ исследователям к членам сборных команд для проведения в том числе и социально-психологических исследований, как во время тренировочного процесса, так и в процессе соревнований. Тренерам рекомендуется в ходе обучения проводить теоретические занятия, связанные с информированием своих подопечных (особенно в подростковом возрасте) о правилах поведения в группах, где они регулярно тренируются, а также о ценностях, целях, правилах, обычаях, принятых в Федерации бокса России, так как они напрямую связаны с формированием их групповой и организационной идентичности. На занятиях (особенно это относится к девушкам-боксерам) тренерам рекомендуется подбирать такие упражнения, которые будут способствовать развитию их уверенности в себе, а также внимательно подбирать им спарринг партнеров, соответствующих их уровню спортивной подготовки. В перспективе необходимо разработать для тренеров и спортивных психологов методическое пособие, а также программу обучающего семинара и коррекционного тренинга «Роль идентичности в достижении высоких спортивных результатов».

Таким образом, в ходе эмпирико-теоретического исследования, отвечая на проблемный вопрос, нам удалось решить все поставленные задачи, достигнуть поставленной цели. Особенно стоит отметить, что анализ результатов при

помощи трехкомпонентной модели позволил наиболее детально проверить достоверность положений, выдвинутых предыдущими исследователями. В целом полученные результаты исследования дополняют и уточняют классические и современные представления по проблеме идентичности, а также расширяют понимание взаимосвязи между компонентами разных видов идентичности и результативностью спортивной деятельности в индивидуальных, традиционно маскулинных видах спорта в подростково-юношеском возрасте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов / Г.С. Абрамова. - М.: Деловая книга. - 2000. - 623с.
2. Акимова, А.Ю. Женщина в структуре федерации бокса России: профессиональная мотивация и связь с психологическим благополучием / А.Ю. Акимова, Е.Н. Васильева, О.М. Исаева // Национальный психологический журнал. – 2021. - № 1 (41). - 149-159.
3. Алексейченко, Н.В. Влияние занятий спортом на самооценку подростка и мотивацию достижения / Н.В. Алексейченко // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2021. №XII. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zanyatiy-sportom-na-samootsenku-podrostka-i-motivatsiyu-dostizheniya> (дата обращения: 19.04.2022).
4. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. - М.: Просвещение. - 2013. – 288с.
5. Андреева, Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Г.М. Андреева. — Издание второе, перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс. - 2000. — 288 с.
6. Андреева, И.Г. Исследование особенностей самоотношения подростков / И.Г. Андреева // Гаудеамус. – 2016. - Т. 15. - № 2. - С. 87-93.
7. Антонова, Н.В. Личностная идентичность современного педагога и особенности его общения / Н.В. Антонова // Вопросы психологии. - 1997. - № 6. - С. 23–30.
8. Арансон, М.В. Гендерные проблемы женского бокса в фокусе тематики зарубежных исследований / М.В. Арансон, Э.С. Озолин, О.В. Тупоногова // Теория и практика физической культуры. - 2021. - № 2. - С. 84-85.
9. Арендачук, И.В. Самоотношение в структуре самосознания подростков и юношей: динамика развития / И.В. Арендачук // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2017. - №. 4. - С. 434-438.

10. Артамонова, Т.В. Гендерная дифференциация личности высококвалифицированных спортсменов / Т.В. Артамонова, Т.А. Шевченко // Учёные записки ун-та им. П.Ф. Лесгафта. - 2008. - № 4. - С. 9-13.
11. Арутюнян, С. Проблема идентичности в психологии / С. Арутюнян // Вестник Ереванского университета. Философия, Психология. - 2010. - №4. – С. 68-82.
12. Афанасенко, И.В. Специфика самоотношения и способов его формирования у субъектов разного возраста в связи с полом / И.В. Афанасенко // Северо-Кавказский психологический вестник. - 2012. - №. 2. – С. 23-26.
13. Бабанов, И.В. Механизмы спортивной социализации молодежи в социальном пространстве современного спорта: дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.04 / И.В. Бабанов. – М., 2017. - 168 с.
14. Бабушкин, Г.Д. Психология физической культуры: учебник / Г.Д. Бабушкин. – М.: Спорт, 2016. – 624 с.
15. Багадирова, С.К. Формирование гендерной идентичности в условиях профессионализации личности в спорте / С.К. Багадирова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2014. -№ 2 (136). - С. 114-118.
16. Байрамов, В.Д. Специфика групповой идентичности в спортивной команде / В.Д. Байрамов, Э.А. Эльнуров // Человек. Общество. Инклюзия. — 2016. — №2. — С. 13-23 .
17. Балибар, Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн; Пер с фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. - М.: Логос, - 2004. – 288 с.
18. Белинская, Е.П. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски / Е.П. Белинская, И.Д. Бронин / Психологические исследования. – 2014. – Т.7. - №. 34. – С. 12.
19. Белинская, Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: дис. ... доктора психологических наук: 19.00.05 / Е.П. Белинская. - М., - 2006.- 479 с.

20. Беляева, О.В. Динамика личностной идентичности в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / О.В. Беляева. - М., - 2001. - 134 с.
21. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. - М.: Медиум, - 1995. — 323 с.
22. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. - М.: Прайм-Еврознак, - 2004. - 320 с.
23. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. - М.: Прогресс, - 1986. — 420 с.
24. Блинова, О.А. Персональная идентичность в контексте отношения "Я - Другой": дис. ... канд. филосф. наук: 09.00.13 / О.А. Блинова. Челябинск, - 2009. - С. 143.
25. Божович, Л.И. Избранные психологические труды: проблемы формирования личности / Л.И. Божович; под ред. Д. И. Фельдштейна. - М.: Международная педагогическая академия, - 1995. - 209 с.
26. Бондаренко, Н.А. Гендерные аспекты мотивации и самоотношения спортсменов / Н.А. Бондаренко // Физическая культура, спорт - наука и практика. — 2009. — № 2. — С. 55-61.
27. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. - М.: Республика, - 1995. — 464 с.
28. Бурдье, П. Начала / П. Бурдье. Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. - 285 с.
29. Васильева, О.С. Взаимосвязь уровня переживания одиночества со смысложизненными ориентациями, качеством жизни, самоотношением / О.С. Васильева, С.Н. Соколюк // Северо-Кавказский психологический вестник. - 2019. - Т. 17. - №.. 1. -С. 13-19.
30. Васькова, О.В. Применение опросника социальной идентичности для диагностики социально-психологических особенностей ученической группы старших подростков [Электронный ресурс] / О.В. Васькова // Психологическая наука и образование. - 2013. - № 2. - С. 87-96.

31. Васькова, О.В. Характеристики социальной идентичности в ученической группе старшеклассников / О.В. Васькова // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». - 2012. - №3. - С. 1-13.
32. Ведерникова, М.В. Формирование социальной идентичности подростков школьного возраста / М.В. Ведерникова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. - № 6-7. – С. 34-37.
33. Волович, А.С. Особенности процесса социализации выпускников средней школы: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / А.С. Волович.- М. - 1990.- 28 с.
34. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 359 с.
35. Вэтра, А.В. Самоотношение подростков в условиях принудительной изоляции: диссертация ... кандидата Психологических наук: 19.00.01 / А.В. Вэтра. – М. – 2022. – 187 с.
36. Гаранина, Ж. Г. Роль самоотношения в личностно-профессиональном саморазвитии студентов высшей школы / Ж.Г. Гаранина, С.И. Баляев, М.С. Ионова // Образование и наука. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 82-96.
37. Гапонюк, П.Н. Профессиональное самоотношение как модель социального развития личности / П.Н. Гапонюк // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. - 2011. - Т. 13. - № 2–4. - С. 775–780.
38. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. - М.: Мысль, - 1990. - 528 с.
39. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. - М.: Издательство «ВесьМир», - 2004. — 120 с.
40. Гинзбург, М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. - 1994. - № 3. - С. 43—52.

41. Гольцова, А.А. Самоотношение юношей и девушек с разной самооценкой психологического возраста / А.А. Гольцова, Ю.П. Поваренков // Ярославский педагогический вестник. -2017. - № 2. – С. 227-232.
42. Горбатенко, Н.С. Отличительные особенности групповой и социальной идентичности / Н.С. Горбатенко // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 4-1(11). – С. 53-54.
43. Гордеева, О.А. Структура идентичности подростков большого и малого города [Электронный ресурс] / О.А. Гордеева // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 3(11). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.09.2020гг).
44. Горская, Г.Б. Психологические эффекты ранней профессионализации личности / Г.Б. Горская // Человек. Сообщество. Управление. – 2008. – № 3. – С. 106–113.
45. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, - 2000.
46. Грачев, С.А. Разработка модели взаимосвязи организационной идентичности и привлекательности организации на рынке труда / С.А. Грачев, Д.Г. Кучеров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2015. – № 1. – С. 66-77.
47. Гребенникова, О.В. Групповая идентичность современных подростков 11-12 лет: особенности становления в процессе социализации / О.В. Гребенникова // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. - 2013. - № 2. - С. 73-82.
48. Григорьева, М.Ю. Динамика идентичности как фактор социализации подростков: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 /М.Ю. Григорьева. - М., - 2020. - 238 с.
49. Гринфельд, И.Л. Динамика процесса формирования социокультурной идентичности в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / И.Л. Гринфельд. – М., - 2004. - 165 с.

50. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. Новочеркасск, - 1994.
51. Дaudрих, Н.И. Социальная идентичность: методический аспект / Н.И. Дaudрих // Социология: - М. - 2000. -№12. - С.77-95.
52. Дамадаева, А.С. Влияние занятий спортом на гендерные характеристики личности женщин / А.С. Дамадаева // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. -2010. -№3 (61). - С. 45-47.
53. Дамадаева, А.С. Роль спортивного стажа в формировании гендерных характеристик личности спортсменов / А.С. Дамадаева // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2011а. - №4(74) - С. 49-52.
54. Дамадаева, А.С. Роль гендерных характеристик личности в социальной адаптации спортсменов / А.С. Дамадаева // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. -2011б. -№6(76) -С. 40-46.
55. Десюк, Д.В. Специфика отражения темы спорта на современном российском телевидении: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Д.В. Десюк.– М., 2010. – 190 с.
56. Джеймс, У. Психология / Джеймс У. - Москва: Академический Проект. - 2020. - 318 с.
57. Донцов, Д.А. Мотивационные особенности спортсменов юношеского возраста / Д.А. Донцов, К.И. // Человеческий капитал. - 2019.- № 7 (127). - С. 168–177.
58. Дубовская, Е.М. Влияние лидера на сверстников в юношеских группах: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / М.Е. Дубовская. – М., - 1984. - 179 с.
59. Дубовская, Е.М. Гендерные особенности межличностного общения в юношеском возрасте / Е.М. Дубовская, А.А. Кочеткова // Вестник РГГУ. – 2017. №1(7). – С. 44-58.
60. Жилин, С.В. «Особенности Я-концепции личности спортсменов»: автореф. дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.01 / С.В. Жилин. - СПб., - 2003. – 16 с.

61. Зернова, Т.И. Особенности процесса социализации спортсменов-подростков / Т.И. Зернова // Физическая культура, спорт - наука и практика. – 2016. – № 3. – С. 73-76.
62. Зимин, С.Г. Влияние организационной идентичности на организационные изменения / С.Г. Зимин, Э.А. Гатина // Общество, государство, личность: молодежное предпринимательство в поведенческой экономике: Материалы XIX Межвузовской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. В двух частях, Казань, 19 апреля 2019 года. – Казань: Университет управления "ТИСБИ", - 2019. – С. 264-267.
63. Злоказов, К.В. Влияние идентичности на предпочтение стратегии социального поведения / К.В. Злоказов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2017. - № 4 (76). - С. 206-212.
64. Злоказов, К.В. Опросы развития идентичности в работах последователей Эриксона / К.В. Злоказов // Педагогическое образование в России. - 2015. - № 9. - С. 155–161.
65. Иванова, Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности: автореферат дис. ... доктора психологических наук: 19.00.05 / Н.Л. Иванова. - Ярославль, - 2003. - 51 с.
66. Изотова, А.В. Особенности формирования идентичности личности спортсменов в подростковом возрасте / А.В. Изотова // Молодой ученый. – 2010. – №10 (21). – С. 248-250. URL: <https://moluch.ru/archive/21/2133/> (дата обращения: 09.08.2021).
67. Ильин, В.А. Сравнительное исследование особенностей психосоциального развития учащихся старших классов и студентов-первокурсников высших учебных заведений / В.А. Ильин // Психологическая наука и образование. - 2009. - Том 14. - № 1. - С. 14–23.
68. Ильин, В.А. Возможности и перспективы использования психосоциального подхода к проблеме развития в условиях средней школы / В.А. Ильин, Д.В. Сипягин // Психологическая наука и образование. - 2007. - Том 12. - № 2. - С. 25–33.

69. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. - М., - 1999.
70. Киселева, Е.П. Психологические особенности взаимосвязи направленности мотивации учебной деятельности и самоотношения студентов вуза / Е.П. Киселева // Вестник Вятского государственного университета. – 2007. - №. 18. - С. 138-142.
71. Клецина, И.С. Гендерная психология. 2-е изд. / И.С. Клецина. - СПб.: Питер, - 2009. – 496 с.
72. Козьмина, Л.Б. Самоотношение и самооценка как предикторы психологического благополучия личности студентов-психологов / Л.Б. Козьмина // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2013. - № 1 (17). - С. 193–197.
73. Колкова, С.М. Взаимосвязь самоотношения и выбора профессии старшеклассниками / С.М. Колкова, Ю.О. Паршин // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2018. - № 2 (44). - С. 118-125.
74. Кон, И.С. Половые различия и дифференциация социальных ролей / И.С. Кон // Соотношение биологического и социального. - М. - 1975. - С. 23-29.
75. Кон, И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. - М.: Политиздат, - 1984. – 336 с.
76. Коломейцев, Ю.А. Исследование влияния межличностных отношений на эффективность спортивной деятельности (На примере плавания): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата психологических наук. 19.00.01 / Ю.А. Коломейцев. - Тарт. гос. ун-т. -1974. - 24 с.
77. Коломийченко, Е.В. Психологические особенности самоотношения профессиональных и непрофессиональных спортсменов-студентов вуза [Электронный ресурс] / Е.В. Коломийченко // Общество: социология, психология, педагогика. - 2016. - № 1. - С. 50-55.
78. Комарова, О.Н. Динамика формирования эго-идентичности на этапе юношеской социализации / О.Н. Комарова, А.Л. Рассказова // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. – 2023. - №1. - С. 25-37.

79. Костинская, А.Г. Феномен идентичности как структурирующий фактор / А.Г. Костинская // Мир психологии. – 2003. – № 1. – С. 186-198.

80. Котлярова, Л.Н. Организационная идентичность и поведенческие стратегии выпускников технического университета в процессе трудоустройства / Л.Н. Котлярова // Социальная и экономическая психология: Сборник научных трудов / Ответственные редакторы: Т.А. Нестик, Ю.В. Ковалева. – Москва: Институт психологии РАН, - 2018. – С. 165-172.

81. Кочеткова, Т.Н. Специфика видов самоотношения личности в зависимости от выраженности эмоциональных и когнитивных компонентов: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Кочеткова Т.Н. – Хабаровск. - 2007. - 19 с.

82. Кричевский, Р.Л. Социальная психология малой группы / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская; Учеб. пособие для вузов. - М.: Аспект Пресс, - 2001. – 318 с.

83. Кудинов, А.В. Гендерные особенности проявления организованности в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / А.В. Кудинов. Новосибирск, - 2005. - 142 с.

84. Кузнецов, В.В. О показателях проявления субъективности у спортсменов в аспекте структуры и содержательной специфики самоотношения / В.В. Кузнецов, С.Н. Трегубова // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2020. - Т. 15. - №. 2. – С. 85-91.

85. Кузьмин, М.Ю. Особенности динамики идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста / М.Ю. Кузьмин // Сибирский психологический журнал. – 2016. - №. 62. - С. 54-66.

86. Кузьмин, М.Ю. Сравнение идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста / М.Ю. Кузьмин // Сибирский психологический журнал. - 2015. - № 58.- С. 61-75.

87. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. под ред. А.Б. Толстова. - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. кн. - 2000. - 320 с.

88. Курбатова, Ю.В. Влияние образовательного процесса на формирование гендерной ориентации младших школьников / Ю.В. Курбатов // Современное педагогическое образование. - 2021. - №3. – С. 174-176.
89. Курдыбаха, О.Н. Формирование гендерной идентичности подростков в условиях семьи / О.Н. Курдыбаха // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. - 2013. - № 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gendernoy-identichnosti-podrostkov-v-usloviyah-semi> (дата обращения: 15.04.2022).
90. Латышева, М.А. Особенности самоотношения девушек с различными индексами массы тела: к вопросу о практических возможностях психодиагностического инструментария / М.А. Латышева // Мир науки, культуры, образования. – 2008. - № 6 (73). - С. 414-415.
91. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и бесконечность / Э. Левинас — М.; СПб.: Университетская книга, - 2000. — 416 с.
92. Леонова, Т.И. Особенности самоотношения девушек / Т.И. Леонова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». - 2022. - №. 1-2. - С. 297-304.
93. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: Учебное пособие / А.Н. Леонтьев. - М.: Смысл, - 2005. – 346 с.
94. Луман, Н. Общество общества. Ч. I. Общество как социальная система / Н. Луман. - М.: Логос, - 2004.
95. Мазур, Е.Ю. К анализу психологических подходов в исследовании идентичности / Е.Ю. Мазур // Наука о человеке: гуманитарные исследования. - 2010. - № 5. - С. 146-151.
96. Малахов, В.С. Идентичность / В.С. Малахов // Новая философская энциклопедия. - М.: Мысль, - 2001. - Т. 3. - С. 78–79.
97. Марищук, В.Л. Методики психодиагностики в спорте / В.Л. Марищук, Ю.М. Блудов, А.Д. Плахтиенко. – М.: Просвещение, - 1980. – 95 с.
98. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу - Москва: Смысл. - 1999. - 425 с.

99. Мид, Дж. От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль: Тексты. / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, - 1996. - С. 213 - 221.

100. Микляева, А.В. Структура социальной идентичности личности: возрастная динамика / А.В. Микляева, П.В. Румянцева // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2009. - №. 5. - С.129-133.

101. Мишкевич, А.М. Взаимосвязь личностных особенностей и учебной успеваемости старшеклассников [Электронный ресурс] / А.М. Мишкевич // Психолого-педагогические исследования. - 2021. - Том 13. - № 1. - С. 101–116.

102. Мохова, Ю.А. К вопросу о структуре самосознания личности / Ю.А. Мохова // ОНВ. - 2012. - №1 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-samosoznaniya-lichnosti> (дата обращения: 07.04.2022).

103. Мухина, В. С. Возрастная психология / В.С. Мухина. - М.: Академия. - 1999. - 460 с.

104. Мясищев, В.Н. Проблема отношений в психологии индивидуальных различий / В.Н. Мясищев // Психология отношений: под редакцией А.А. Бодалева. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК». - 2003. – С. 227 – 239.

105. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. - СПб.: Речь. - 2004. – 392 с.

106. Нижегородцева, Н.В. Взаимосвязь показателей развития социального интеллекта, самоотношения и успеваемости у студентов вуза / Н.В. Нижегородцева, О.В. Долженко // Ярославский педагогический вестник. – 2017. - С. 178-183.

107. Новиков, А. М. Педагогика: словарь системы основных понятий / А. М. Новиков. - М.: Издательский центр ИЭТ. - 2013. - 268 с.

108. Носенко, Н.П. Особенности развития Я-концепции у спортсменов подросткового возраста / Н.П. Носенко, Т.И. Зернова // Современные проблемы науки и образования. – 2017. - №2. – С. 158-164.

109. Ньюмен, Ю. Различия между детством и взрослостью: Идентификационная граница / Ю. Ньюмен, Б. Ньюмен // Журнал практического психолога. - 1999, - №2. - С. 66-72.
110. Обухова, Л.Ф. Детская (возрастная) психология: Учебник / Л.Ф. Обухова. - М.: Российское педагогическое агентство, - 1996. – 372 с.
111. Огородова, Т.В. Психология спорта: учеб. пособие / Т.В. Огородова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. — Ярославль: ЯрГУ, - 2013. — 120 с.
112. Ожигова, Л.Н. Психология гендерной идентичности / Л.Н. Ожигова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, - 2006. - 290 с.
113. Ольховский, Р.М. Социальные проблемы спортивного воспитания молодежи в современной России / Р.М. Ольховский // Социально-гуманитарные знания. - 2017. - № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-sportivnogo-vospitaniya-molodezhi-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 19.04.2022).
114. Ольшанская, С. А. Особенности формирования субъектной позиции спортсменов в юношеском возрасте / С.А. Ольшанская // Физическая культура, спорт - наука и практика. – 2009. – № 1. – С. 21-26.
115. Орестова, В.Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / В.Р. Орестова. - М., - 2001
116. Остапенко, Д.К. Ценности подростков, вовлеченных в спортивную деятельность / Д.К. Остапенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. - 2019. - № 1. - С. 44-49.
117. Пантилеев, С.Р. Методика исследования самоотношения / С.Р. Пантилеев. – М.: Смысл, - 1993. – 32 с.
118. Пантилеев, С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С. Р. Пантилеев. — Москва: Изд-во Моск. ун-та. - 1991. — 100 с.
119. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс, - 1998. – С.15-23

120. Первин, Л. Психология личности: Теория и исследования / Л. Первин, О. Джон; Пер, с англ. М. С. Жамкочьян под ред. В.С. Магуна. - М.: Аспект Пресс, - 2001. — 607 с.

121. Перегудина, В.А. Особенности возрастного становления гендерной идентичности / В.А. Перегудина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. - № 2. – С. 305-310.

122. Петровский, А.В. Возрастная и педагогическая психология / А.В. Петровский. - М.: Педагогика, - 1975. - 255 с.

123. Петровский, А.В. Социальная психология коллектива / Текст.: Учеб. Пособие для студ. пед. ин-тов. / А.В. Петровский, В.В. Шпалинский. - М., - 1978.- 176 с.

124. Платон. Государство // Соч.: в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, - 1994.

125. Позднякова, Т.Н. Технология формирования гендерной идентичности подростков во взаимодействии неполной семьи и школы / Т.Н. Позднякова // Научный результат. Сер. Педагогика и психология образования. - 2019. - Т.5. - №. 4. - С. 57-67.

126. Пономарев, И.Е. Институт спорта в социальной идентификации российской молодежи: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / И.Е. Пономарев. Новочеркасск, - 2004. - 159 с.

127. Попова, А.Ф. Психофизиология самопознания и развития личностного "Я" в вузе физической культуры / А.Ф. Попова, А.А. Попова // Теория и практика физической культуры. – 2016. – № 5. – С. 12-14.

128. Рикер, П. Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика (московские лекции и интервью) / П. Рикер. — М.: КАМІ, - 1995. – 159 с.

129. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», - 1994. – 480 с.

130. Родионов, А.В. Влияние психологических факторов на спортивный результат / А.В. Родионов. - М.: Физкультура и спорт. - 1987. - 112 с.

131. Родоманова, С.С. Социально-педагогические проблемы гендерных отношений в спорте: автореф. дисс... канд. педагогических наук: 13.00.04 / С.С. Родоманова. - СПб., - 2007. – 21 с.

132. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. - СПб.: Питер Ком, - 1999. – 720 с.

133. Рушина, М.А. Особенности самооценки и самоотношения в юношеском возрасте / М.А. Рушина, А.В. Орлова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2015. - №.4. - С. 35-40.

134. Рымарев, Н.Ю. Личностные особенности подростков с различной гендерной идентичностью: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01/ Н.Ю. Рымарев. Краснодар, - 2006. - 139 с.

135. Савина, О.О. Психологический анализ становления идентичности в подростковом и юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / О.О. Савина. - М., - 2003. - 24 с.

136. Саитова, А.В. Особенности самоотношения старшеклассников / А.В. Саитова // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. - 2014. - №. 9. – С.17-20.

137. Сарджвеладзе, Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой [Текст] / Психология самосознания: Хрестоматия / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. — Самара: Бахрах-М. - 2013. — 672 с.

138. Сартр, Ж-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж-П. Сартр. - М.: Издательство «Республика», - 2000.

139. Сачкова М.Е. Особенности групповой идентичности и ее взаимосвязь с уровнем спортивных достижений у подростков и юниоров, занимающихся боксом / Сачкова М.Е., Волков Р.С. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. - 2022. - Т. 19. - № 1. - С. 54–70.

140. Сахарова, Ю.П. Особенности личностной идентичности у подростков (на примере коррекционной и общеобразовательной школы) / Ю.П. Сахарова,

Е.А. Кукуев // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. - М.: «МЦНО», - 2013. - № 1. - С. 41-46.

141. Светлова, А.А. Взаимоотношения спортсмена и тренера как фактор успешности спортивной деятельности / А.А. Светлова // Психологическая наука и образование. - 2014. - Том 6. - № 3. - С. 181–187.

142. Селезнева, Е.В. Взаимосвязь между самоотношением и процессуально-причинной мотивацией у студентов / Е.В. Селезнева // Акмеология. – 2015. – № 4(56). – С. 35-44.

143. Селезнева, Е.В. Особенности взаимовлияния самоотношения и самооффективности специалистов в области управления / Е.В. Селезнева // Акмеология. – 2016. – № 2(58). – С. 23-29.

144. Семененко, И.С. Политика идентичности и политическая идентичность / И.С. Семененко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7. – № 2. – С. 5–24.

145. Сидоренков, А.В. Модель проявления идентификации и идентичности в малой группе / А.В. Сидоренков. Н.С. Горбатенко // Северо-Кавказский психологический вестник. - 2008. - №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-proyavleniya-identifikatsii-i-identichnosti-v-maloy-gruppe> (дата обращения: 22.04.2022).

146. Сидоренков, А.В. Проявление уровней и компонентов идентичности работников в организации / А.В. Сидоренков, В.А. Штроо, Д.Е. Штильников // Организационная психология. – 2020. – №10 (2). – С. 35-57

147. Симонова, А.К. Исследование содержательных характеристик Я-концепции и самооценки молодых спортсменов / А. К. Симонова // Научно-спортивный вестник Урала и Сибири. – 2017. – № 2(14). – С. 46-51.

148. Сопов, В.Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте / В.Ф. Сопов. – М., 2010. – 120 с.

149. Сохликова, В.А. Особенности самооценки спортсменов с различным уровнем мастерства / В.А. Сохликова, В.И. Палий // Ресурсы

конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. – 2017. – № 7. – С. 187.

150. Сохликова, В.А. Психологические модели успешности выступления высококвалифицированных спортсменов на основе самооценки и уровня притязания: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01. / В.А. Сохликова. – М., 2020. – 196 с.

151. Стамбулова, Н.Б. Психология спортивной карьеры: Учебное пособие / Н.Б. Стамбулова, - СПб.: Изд-во «Центр карьеры», - 1999. - 368 с.

152. Староста, В. Обосновано ли деление видов спорта на мужские и женские? / В. Староста // Теория и практика физической культуры. - 1999. - №8. - С. 55-58.

153. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин, - М., - 1983. – 284 с.

154. Столин, В.В. Опросник самоотношения / В.В, Столин, С.Р. Пантеев // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. - М., - 1988. - С. 123-130.

155. Суворова, И.Ю. Нарушение структуры социальной идентичности человека в результате социальной эксклюзии: автореферат дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Суворова И.Ю. - Санкт-Петербург. - 2018. - 23 с.

156. Тепикин, В.В. Культурная реальность / В.В. Тепликин // – Иваново, Листос, - 2020. – 116 с.

157. Теплова, И.П. Влияние средств массовой информации на формирование гендерной идентичности подростков / И. П. Теплова // Гендерные отношения в мире глобализации: вызовы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции студентов, Тверь, 21 мая 2019 года / Ответственные редакторы: Е.Д. Короткина, Л.В. Бабий. – Тверь: Тверской государственный университет, - 2019. – С. 171-175.

158. Тихомандрицкая, О.А. Ценности и самоотношение на этапе юношеской социализации: дис.... канд. психол. наук. 19.00.05 / О.А. Тихомандрицкая. - М., - 2000. — 179 с.

159. Толстых, Н. Н. Самооценка и оценка сверстников как представителей поколения у современной российской молодежи / Н. Н. Толстых // Актуальные проблемы социальной психологии развития: Вопросы теории и практики / Московский городской психолого-педагогический университет. – М.: Издательство Московского городского психолого-педагогического университета, - 2011. – С. 115-128.

160. Трофименко, Г.С. Некоторые особенности личностной идентичности современных подростков / Г.С. Трофименко // Педагогическое образование в России. - 2013. - №3. - С. 135-141.

161. Труфанова, Е.О. Человек в лабиринте идентичностей / Е.О. Труфанова // Вопросы философии. - 2010. - № 2.- С. 13–23.

162. Уляева, Л.Г. Психическая саморегуляция спортсменов как показатель самореализации личности / Л.Г. Уляева, Е.В. Мельник // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2017. - №. 2. – С. 298-303.

163. Успенская, О.А. Этапы становления организационной идентичности сотрудников / О. А. Успенская // Политранспортные системы: Материалы X Международной научно-технической конференции, Новосибирск, 15–16 ноября 2018 года. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, - 2019. – С. 498-501.

164. Усольцева, А.А. Особенности становления гендерной идентичности спортсменок условно мужских видов спорта: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / А.А. Усольцева. Тюмень, - 2015. - 209 с.

165. Усольцева, А.А. Трудности в становлении гендерной идентичности спортсменок условно мужских видов спорта / А.А. Усольцева // Вестник спортивной науки. - 2014. - №. 3. – С. 56-59.

166. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса. - СПб.: Ювента. - 1999. - 318с.

167. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. - М.: Смысл. - 1994. - 319 с.

168. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; Пер. с нем., под ред. Д.В. Складнева. - СПб: Наука, 2001.

169. Хабермас, Ю. В поисках национальной идентичности: философские и политические статьи / Ю. Хабермас. – Донецк: Донбасс. - 1999. – 415 с.

170. Хвацкая, Е.Е. Психологическая помощь юным спортсменам на этапе начальной спортивной специализации: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07 / Е.Е. Хвацкая. - СПб, - 1997. - 18 с.

171. Ходаковская, О.В. Социальная и личностная идентичность в юности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / О.В. Ходаковская. - СПб, - 2020. – 186 с.

172. Хузеева, Г.Р. Характер информационного пространства и особенности социализации современных подростков / Г.Р. Хузеева // Психология обучения. - 2013. - №. 4. - С. 88–98.

173. Хузеева, Г.Р. Социальная идентичность подростков и юношей в условиях транзитивности / Г.Р. Хузеева // Психологические исследования. - 2016. - Т. 9, - № 46. - С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

174. Филиппова, С.А. Социально-психологические особенности гендерной идентичности в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / С.А. Филиппова. – М., - 2009. - 189 с.

175. Фрейд, З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. - СПб., - 1997. -222 с.

176. Цикунова, Н.С. Гендерные характеристики личности спортсменов в маскулинных видах спорта: дис. ... канд. психол. наук: 13.00.04 / Н.С. Цикунова. - СПб., - 2003. - 181с.

177. Чемезов, А.И. Психологическая подготовка боксеров / А.И. Чемезов, Г.К. Хомяков // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. - 2011. - №. 13. - С. 166-169.

178. Черепкова, Н.В. Формирование самоотношения в подростковом возрасте / Н.В. Черепкова, М.Ю. Кузнецова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2013. – № ТЗ. – С. 2976-2980.

179. Чернобровкина, С.В. Я-концепция и самооценка как факторы образа взрослости и самооценки взрослости у подростков-спортсменов и подростков, не

занимающихся спортом / С.В. Чернобровкина, Е.К. Суворова // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2015. - №1. – С. 55-61.

180. Чеснокова, И.И. Проблема самосознания в психологии / И.И. Чеснокова. - М.: Наука, - 1977. – 144 с.

181. Шапкина, Е.В. Социологический анализ групповой идентичности спортивной команды [Электронный ресурс] / Е.В. Шапкина // Философия. Социология. Право. 2008. №8 (48). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiiy-analiz-gruppovoy-identichnosti-sportivnoy-komandy> (дата обращения: 14.10.2021).

182. Шарофостов, А.И. Онтологический аспект проблемы идентичности. Антропологическая соразмерность / А.И. Шарофостов // Материалы (сб-к докладов) 3-ей Всероссийской научной конференции. Казань КГТУ. - 2011. - С. 348–355.

183. Шестиловская, Н.А. Стилевые особенности саморегуляции спортсменов различной квалификации / Н.А. Шестиловская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2018. – № 7. – С. 109-114.

184. Шихвердиев С.Н. Самоотношение спортсменов, находящихся на этапе завершения спортивной карьеры / С.Н. Шихвердиев // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2010. - №. 11 (69). – С. 107-110.

185. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер. - М.: Московский психолого-социальный институт, - 2007. - 128 с.

186. Шнейдер, Л.Б. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности / Л.Б. Шнейдер, В.В. Хрусталева // Вестник РМАТ. - 2014. - №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-test-kak-osnova-konstruirovaniya-metodiki-izucheniya-sotsialnoy-identichnosti> (дата обращения: 29.03.2022).

187. Шпрангер, Э. Психология юношеского возраста. Два вида психологии / Э. Шпрангер // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. - М.: МГУ, - 1980. - С. 286-300.

188. Шульга, Т.И. Изучение позитивной идентичности подросткового и юношеского возрастов / Т.И. Шульга, М.Ю. Григорьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2017 - №. 4. - С. 80-93.

189. Шюц, А. Аспекты социального мира / А. Шюц // Смысловая структура повседневности мира: очерки по феноменологической социологии. – М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», - 2003. - С. 114–162.

190. Эльконин, Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. Под ред. Д. И. Фельдштейна; Вступительная статья Д. И. Фельдштейна. — 3-е изд. — М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», - 2001. - 416 с. (Серия «Психологи Отечества»).

191. Эриксон, Э.Г. Детство и общество / Э.Г. Эриксон. - СПб: Фонд «Университетская книга», - 1996а.

192. Эриксон, Э. Г. Идентичность: Юность и Кризис / Э.Г. Эриксон. - М.: «Прогресс», - 1996б.

193. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // Мир России. – 1995. - №3-4. - С. 158-181.

194. Якиманская, И.С. Психологические особенности самоотношения подростков, занимающихся спортом / И.С. Якиманская // Психолог. – 2022. - №. 2. - С. 39-50.

195. Ярышева, А.А. Особенности самоотношения у подростков с различными статусами идентичности / А.А. Ярышев // Мир науки, культуры, образования. - 2010. - №1. - С. 249-250.

196. Bandura, A. Self - efficacy: Toward a unifying theory of behavior change / A. Bandura // Psychological review. - 1977. - № 84. - P. 191-215.

197. Bartels, J. Multiple organizational identification levels and the impact of perceived external prestige and communication climate / J. Bartels, A. Pruyn, M. De Jong, I. Joustra // *Journal of Organizational Behavior*. – 2007. - №. 28. – P. 173 - 190.
198. Benenson, J. The influence of group size on children's competitive behavior / J. Benenson, C. Nicholson, A. Waite, R. Roy, A. Simpson // *Child development*. - 2001. - Vol. 72. - P. 921-928.
199. Bergami, M. Self-categorization, affective commitment and group self-esteem as distinct aspects of social identity in the organization / M. Bergami, P. Bagozzi // *British Journal of Social Psychology*. – 2000. – Vol. 39. – №. 4. – P. 555–577.
200. Bous K.S. A tripartite model of group identification: theory and measurement / K.S. Bous, H. Arrow, B. Carini // *Small Group Research*. — 1999. — Vol. 30. — No. 5.
201. Bruner, M.W. Influence of sport type and interdependence on the developmental experiences of youth male athletes / M.W. Bruner, J. Hall, J. Cote // *European Journal of Sport Science*. – 2011. - №. 11. – P. 131–142.
202. Bruner, M.W. Interdependence and Social Identity in Youth Sport Teams / M.W. Bruner, M. Eys, M. Evans, M. Blair, K.Wilson // *Journal of Applied Sport Psychology*. – 2015. - №. 27. – P. 1-8.
203. Bruner, M.W. Social identity and prosocial and antisocial behavior in youth sport / M.W. Bruner, I. Boardley, J. Cote // *Psychology of Sport and Exercise*. – 2014. - №. 15. - P. 56–64.
204. Bruner, M.W. Ties that bind: Youth sport as a vehicle for social identity and positive youth development / M.W. Bruner, S.M. Balish // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. - 2017. - Vol. 88. - № 2. - P. 209–214.
205. Bruner, M.W. Evaluating the psychometric properties of the Social Identity Questionnaire for Sport (SIQS) / M.W. Bruner, A.J. Benson // *Psychology of Sport and Exercise*. – 2018. - № 35. – P. 181–188.
206. Campbell, D.T. Stereotypes and perception of group differences / D.T. Campbell // *American Psychologist*. - 1967. - № 22. - P. 817-829.

207. Cameron, J. E., A three factor model of social identity / J.E. Cameron // Self and Identity. - 2004. - Vol. 3. - P. 239-262.

208. Crocetti, E. Identity processes and parent-child and sibling relationships in adolescence: A five-wave multi-informant longitudinal study / E. Crocetti, S. Branje, M. Rubini, H.M. Koot, W. Meeus // Child Development. - 2016. - Vol. 88. - № 1. - P. 210–228.

209. De Giorgio, A. Organizational identification as a trigger for personal well-being: Associations with happiness and stress through job outcomes / A. De Giorgio, M. Barattucci, M. Teresi, G. Rauli, C. Ballone, T. Ramaci, S. Pagliaro // Journal of Community and Applied Social Psychology. - 2022. - №. 33. - C. 1-14.

210. Dick van, R. Should I stay or should I go? Explaining turnover intentions with organizational identification and job satisfaction / R. Dick van, O. Christ, J. Stellmacher, U. Wagner, O. Ahlswede, C. Grubba, M. Hauptmeier, C. Hohfeld, K. Moltzen, P. Tissington // British Journal of Management. – 2004. – Vol. 15. – №4. – P. 351–360.

211. Dick van, R. To Be (long) or Not to Be (long): Social Identification in Organizational Contexts / R. Dick van R., U. Wagner, J. Stellmacher, O. Christ, P. Tissington // Genetic, Social, and General Psychology Monographs. – 2005. – Vol. 131. – №3. – P. 189–218.

212. Eagly, A.H. Gender stereotypes stem from the distribution of women and men into social roles / A.H. Eagly, V.J. Steffen // Journal of Personality and Social Psychology. - 1984. - № 46. - P. 735–754.

213. Feinberg, M.E. The longitudinal influence of coparenting conflict on parental negativity and adolescent maladjustment / M.E. Feinberg, M.L. Kan, E.M. Hetherington // Journal of Marriage and Family. - 2007. - Vol. 69. - № 2. - P. 687–702.

214. Friedman, C. Sexual-Minority College Women's Experiences with Discrimination: Relations with Identity and Collective Action / C. Friedman, C. Leaper // Psychology of Women Quarterly - PSYCHOL WOMEN QUART. - 2010. - Vol. 34. - P. 152-164.

215. Gonzales-Miranda, D. Organizational Identity: Components and Construction / D. Gonzales-Miranda // *Innovar*. - 2020. - Vol. 30. - P. 89-103.
216. Goodger, K. Burnout in sport: a systematic review / K. Goodger, T. Gorely, D. Lavallee // *Sport Psychology*. - 2007. - Vol. 21, - №. 2. - P. 127–151.
217. Guibernau, M. Moral atmosphere and athletic aggressive tendencies in young soccer players / M. Guibernau, J.L. Duda // *Journal of Moral Education*. - 2000. - Vol. 31. - P. 67–85.
218. Halpern, D.T. A process-oriented model of cognitive sex differences / D.T. Halpern, T. Wright // *Learning and Individual Differences*. - 1996. - Vol. 8. - №. 1. - P. 3-24.
219. Harris, J.R. Where is the child's environment?: A group socialization theory of development / J.R. Harris // *Psychological Review*. - 1995. - Vol. 102. - P. 458–489.
220. Haslam, S.A. Social identity, health and well-being: an emerging agenda for applied psychology / S. Haslam, J. Jetten, T. Postmes // *Appl: Int Rev*. - 2009. - Vol. 58. - №. 1. - P. 1–23.
221. Hoeghele, D. Superstars as Drivers of Organizational Identification: Empirical Findings from Professional Soccer / D. Hoeghele, S. Schmidt, B. Torgler. // *Psychology and Marketing*. - 2014. - №.31. – C. 67-79.
222. Hogg, M. The Social Identity Perspective / M. Hogg, D. Abrams, S. Otten, S. Hinkle // *Small Group Research*. - 2004. - Vol. 35. - P. 246-276.
223. Howansky, K. (Trans)gender stereotypes and the self: Content and consequences of gender identity stereotypes / K. Howansky, L. Wilton, D. Young, S. Abrams, R. Clapham // *Self and Identity*. - 2019. - Vol. 20. - P. 1-18.
224. Huey, M. Self-Esteem Mediates Longitudinal Associations from Adolescent Perceptions of Parenting to Adjustment / M. Huey, B. Laursen, G. Kaniusonyte, O. Malinauskiene, R. Zukauskiene // *Journal of Abnormal Child Psychology*. - 2019. - Vol. 48. - P. 1-11.

225. Johnson, D.W. An educational psychology success story: social interdependence theory and cooperative learning / D.W. Johnson, R.T. Johnson // Educational Researcher. – 2009. - №. 38. - P. 365–379.
226. Knippenberg van, D. Foci and correlates of organizational identification / D. Knippenberg, E. Schie // Journal of Occupational and Organizational Psychology. – 2000. – Vol. 73. – №.2. – P. 137–147.
227. Laqueur, T. Making sex: Body and gender from the Greeks to Freud / T. Laqueur. - Cambridge, MA: Harvard University Press. - 1992. — 336 p.
228. Leach, C. Self-definition and self-investment: A multi component model of in-group identification / C. Leach, M. van Zomeren, S. Zebel, M. Vliek, S. Pennekamp, B. Doosje, J. Ouwerkerk, R. Spears // Journal of Personality and Social Psychology. – 2008. - №. 95. – C. 144-165.
229. Lopez-Gajardo M.A. Is Perceived Athlete Leadership Quality Related to Inside Sacrifice and Perceived Performance in Team Sports? The Mediating Role of Team Identification / M.A. Lopez-Gajardo, J.J. Pulido // Front Psychol. - 2021. - Vol. 12. - P. 1-10.
230. Marsh, H.W. School athletic participation: Mostly gain with little pain / H.W. Marsh, S. Kleitman // Journal of Sport and Exercise Psychology. - 2003. - Vol. 25. - P. 205–228.
231. Marsia, J. E. Identity in adolescence / J.E. Marsia // Adelson J. (ed.). Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley. - 1980.
232. Martin, C.L. Attitudes and expectations about children with nontraditional and traditional gender roles / C.L. Martin // Sex Roles. - 1990. - № 22. - P.151-165.
233. Martin, H. Gender-based emotional stereotyping / H. Martin, W. Stephen // Journal of Counseling Psychology. - 1999. - Vol. 46. - P. 483-495.
234. Martin, L.J. Groupness and leadership perceptions in relation to social identity in youth sport / L.J. Martin, D. Balderson, M. Hawkins, K. Wilson, M.W. Bruner // Journal of Applied Sport Psychology. - 2016. - Vol. 29. - № 3. - P. 1–8.
235. Mihaleva, N. The problem of communication in education / N. Mihaleva // Advances in Social Sciences Research Journal. - 2021. - Vol. 8. - P. 306-317.

236. Murray, R. Understanding Girls' Motivation to Participate in Sport: The Effects of Social Identity and Physical Self-Concept / R. Murray, A. Koulanova, C. Sabiston // *Frontiers in Sports and Active Living*. - 2022. - Vol. 3. - P. 1-6.

237. Murray, R. Understanding Relationships Between Social Identity, Sport Enjoyment, and Dropout in Adolescent Girl Athletes / R. Murray R, C. Sabiston // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. - 2021. - P. 1-5.

238. Obst, P. Three-dimensional strength of identification across group memberships: A confirmatory factor analysis / P. Obst, M. White // *Self and Identity*. – 2005. - № 4. – P. 69-80.

239. Oian, Y. The effect of co-parenting on children's emotion regulation under fathers' perception: A moderated mediation model of family functioning and marital satisfaction / Y. Oian, F. Chen, C. Yuan // *Children and Youth Services Review*. - 2020. - Vol. 119. - P. 1055.

240. Olrich, T.W. The role of sport in the gender identity development of the adolescent male / T.W. Olrich // *Dissertation Abstracts International: Humanities and Social Sciences*. - 1996. - Vol. 56(11). - P. 4320-4336.

241. Park, S. Athletes' career transition out of sport: a systematic review / S. Park, D. Lavalley, D. Tod // *International Journal of Sports Science*. - 2012. - Vol. 6, - №. 1. - P. 1–32.

242. Poropat, A.E. A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance / A.E. Poropat // *Psychological bulletin*. - 2009. - Vol. 135. - № 2. - P. 322–338.

243. Rees, T. Social Identity Approach to Sport Psychology: Principles, Practice, and Prospects / T. Rees, S. Haslam, P. Coffee, D. Lavalley // *Sports medicine*. - 2015. - Vol. 45. - № 8. - P. 1083–1096.

244. Riketta, M. Foci of attachment in organizations: A meta analytic comparison of the strength and correlates of workgroup versus organizational identification and commitment / M. Riketta, R. Dick van // *Journal of Vocational Behavior*. – 2005. – Vol. 67. – №3. – P. 490–510.

245. Sapolsky, R. Behave. The biology of humans at our best and worst. - 2018. - P. 1198.
246. Schinke, R.J Building a national team context based upon the identity challenges and intervention strategies of elite female boxers in their home training environments / R.J. Schinke, Y. Ge, B. Petersen, A.T. Blodgett, J. Dupuis-Latour, D. Coholic // Journal of Sport Psychology in Action. - 2019. - Vol. 10. - № 2. - P. 94-105.
247. Sherif, M. Experiments in group conflict / M. Sherif // Science American. - 1956. - Vol. 195. - №. 5. – P. 54–8.
248. Slater, M.J. Singing it for “us”: Team passion displayed during national anthems is associated with subsequent success / M.J. Slater, S.A. Haslam, N.K. Steffens // European Journal of Sport Science. - 2018. - Vol. 18. - № 4. - P. 541–549.
249. Suharmanto, S. Organized Activities in Peer Groups Improve Mental and Social Well-Being in Adolescents: A Qualitative Study / S. Suharmanto, B. Suyanto, W. Purnomo, R. Sugihartati// Indian Journal of Public Health Research & Development. - 2019. - Vol. 10. - P. 1239-1244.
250. Sznitman, A.G. Exposing the role of coparenting and parenting for adolescent personal identity processes / A.G. Sznitman, V.S. Petegem, G. Zimmermann // Journal of Social and Personal Relationships. - 2019. - Vol. 36. - №. 4. - P. 1233-1255.
251. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // S. Worchel, W.G. Austin (eds). Psychology of intergroup relations. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall. - 1985. - P. 7–24.
252. Tolman, E.C. Identification and the postwar world / E.C. Tolman // Journal of Abnormal and Social Psychology. - 1943. - Vol. 38. - № 2. - P. 141–148.
253. Tuckman, B.W. Stages of Small-Group Development Revisited / B.W. Tuckman, M.A. Jensen // Group & Organization Management. - 1977. - P. 419 - 427.
254. Turner, J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior / J.C. Turner // Key readings in social psychology. Rediscovering social identity / ed. by T. Postmes, N.R. Branscombe. New York, NY, US: Psychology Press. - 2010. - P. 243—272.

255. Underwood, M.K. Social aggression among girls / M.K. Underwood // New York: Guilford Press. - 2003. - P. 300.

256. Vella, S.A. Self-determined motivation, social identification and the mental health of adolescent male team sport participants / S.A. Vella, A.J. Benson, J.T. Sutcliffe, C.D. McLaren, C. Swann, M.J. Schweickle, A. Miller, M.W. Bruner // Journal of Applied Sport Psychology. - 2020. - Vol. 33. - P. 452 - 466.

257. Waterman, A.S. Issues of identity formation revisited: United States and the Nether – lands / A.S. Waterman // Developmental Review. - 1999. - № 19, - P. 462–479.

258. Wegner, C. Organizational Identity Development in Sport Volunteers / C. Wegner, B. Baker, G. Jones // Journal of Sport Management. – 2020. - №. 35. – C. 490-512.

259. Wood, W. A cross-cultural analysis of the behavior of women and men: Implications for the origins of sex differences / W. Wood, A. Eagly // Psychological Bulletin. – 2002. - Vol. 128. – P. 699–727.

260. Zahra, S. Role of Social Comparison and Interpersonal Skills in Positive Parenting and Self-Esteem in Pakistani Adolescents: A Serial Mediation Analysis / S. Zahra, S. Saleem, S. Subhan, Z. Mahmood // The Family Journal. - 2021.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 22. Методика измерения уровня спортивных достижений (УСД)

Код спортсмена, (i)	Сезон 2020 – 2021																Индекс результативности итоговый балл (Ri)
	Норматив ЕВСК (спортивный разряд/звание)						Место, занятое спортсменом на Первенстве России										
	III	II	I	КМС	МС	МСМК	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Ниже 10	
							Весовой коэффициент результативности (ki)										
	1	2	3	4	5	6	1,0	0,9	0,8	0,7	0,6	0,5	0,4	0,3	0,2	0,1	
1																	
2																	
3																	
4																	

В целях данного исследования индекс успешности выступления R (индивидуальной результативности деятельности) i -го спортсмена рассчитывался по формуле (1): $R_i = Z_i \times k_i$, (1)

где Z_i – показатель, соответствующий нормативу ЕВСК, лучшего достигнутого результата i -м спортсменом в течение одного спортивного сезона на соревновании статуса Первенства России (МС – 5 баллов; КМС – 4 балла; 1 разряд - 3 балла и т.д.);

k_i – весовой коэффициент результативности, соответствующий занятому i -м спортсменом месту (1 место: $k_i = 1,0$; 2 место: $k_i = 0,9$; ...; 9 место: $k_i = 0,2$; 10 место и далее: $k_i = 0,1$).

Методика измерения групповой идентичности

ИНСТРУКЦИЯ: прочитайте утверждения и оцените их истинность относительно Вашего отношения к спортивной группе, в которой вы занимаетесь боксом: от 1 до 7, где 1 – полностью не согласен, 7 – полностью согласен с утверждением, 4 – не знаю / все равно, остальные баллы выражают разную промежуточную меру вашего согласия или несогласия. Отметьте те цифры, которые соответствуют вашему мнению. По каждому пункту допускается выбор только одного числового значения. Не оставляйте задания без ответов.

№ утвер жден ия	Высказывание	Оценка						
		1	2	3	4	5	6	7
1.	Я часто думаю о том, что я тренируюсь именно в этой спортивной группе, а не в какой-то другой.							
2.	В общем-то, я доволен, что являюсь членом своей спортивной группы.							
3.	Я много взаимодействую со своими одноклассниками							
4.	Мои одноклассники помогли мне лучше понять окружающий мир.							
5.	Мне приятно находиться среди своих одноклассников.							
6.	Мои одноклассники привязаны друг к другу.							
7.	Будучи членом своей спортивной группы, я активно соперничаю с другими группами.							
8.	Я считаю себя лучше некоторых моих одноклассников.							
9.	Я чувствую удовлетворение от того, что тренируюсь в этой спортивной группе.							
10.	На мое отношение к себе влияет то, что я являюсь членом своей спортивной группы.							
11.	Я часто сожалею, что являюсь членом своей спортивной группы.							
12.	Я чувствую сильную связь со своими одноклассниками.							
13.	Мои одноклассники помогают мне лучше понимать самого себя.							
14.	Мои одноклассники уважают меня.							
15.	Мои одноклассники помогают друг другу.							
16.	Благодаря своим одноклассникам я реализую свои способности.							
17.	Я часто размышляю о том, является ли моя группа лучше или хуже по сравнению с другими.							
18.	Мне нравится соперничать с учениками других спортивных групп.							
19.	Важной частью моей личности является членство в моей спортивной группе.							
20.	Обычно я чувствую себя хорошо, когда думаю о своей группе.							
21.	Мне сложно поддерживать отношения со своими одноклассниками.							
22.	Благодаря своим одноклассникам я научился лучше взаимодействовать с людьми.							
23.	Я часто устаю в обществе своих одноклассников.							
24.	Мои одноклассники прислушиваются к идеям/ проблемам друг							

	друга.							
25.	Некоторые мои одноклассники не могут добиваться успехов в чем-либо.	1	2	3	4	5	6	7
26.	В целом мне нравится быть членом своей спортивной группы.	1	2	3	4	5	6	7
27.	Мои одноклассники редко влияют на мои взгляды, представления.	1	2	3	4	5	6	7
28.	Я ощущаю конкуренцию между своей и другими спортивными группами.	1	2	3	4	5	6	7
29.	Я испытываю негативные чувства от того, что тренируюсь в этой спортивной группе.	1	2	3	4	5	6	7
30.	Я отождествляю себя со своей спортивной группой.	1	2	3	4	5	6	7
31.	Взаимодействие и общение с одноклассниками не вызывает у меня сильных эмоций.	1	2	3	4	5	6	7
32.	Я более успешен, чем мои одноклассники.	1	2	3	4	5	6	7
33.	Общение с моими одноклассниками помогает мне забыть свои проблемы.	1	2	3	4	5	6	7
34.	Мои одноклассники избегают друг друга.	1	2	3	4	5	6	7
35.	Мои одноклассники помогли мне повысить уверенность в себе.	1	2	3	4	5	6	7
36.	Мои одноклассники приносят пользу друг другу.	1	2	3	4	5	6	7
37.	Лучший способ оценки моих одноклассников – это сравнить их с представителями других спортивных групп.	1	2	3	4	5	6	7
38.	Я часто сравниваю мою спортивную группу с другими.	1	2	3	4	5	6	7
39.	Мне кажется, что не стоит быть членом своей спортивной группы.	1	2	3	4	5	6	7
40.	Одноклассники ценят меня за то, какой я есть.	1	2	3	4	5	6	7
41.	Одноклассники помогают мне лучше понимать свои чувства.	1	2	3	4	5	6	7
42.	Некоторые мои одноклассники жалуются на свое положение.	1	2	3	4	5	6	7
43.	Я могу развлекаться в компании своих одноклассников.	1	2	3	4	5	6	7
44.	То, что я являюсь членом своей спортивной группы позволяет мне конкурировать с другими группами	1	2	3	4	5	6	7
45.	Мои одноклассники беспокоятся друг о друге.	1	2	3	4	5	6	7
46.	Я могу расслабиться, проводя время со своими одноклассниками.	1	2	3	4	5	6	7
47.	Благодаря своим одноклассникам я часто узнаю что-то новое.	1	2	3	4	5	6	7
48.	Вместе со своими одноклассниками я чувствую себя лучше.	1	2	3	4	5	6	7
49.	У меня с моими одноклассниками больше сходств, нежели различий.	1	2	3	4	5	6	7
50.	Некоторые мои одноклассники находятся в худшем положении, чем я.	1	2	3	4	5	6	7
51.	Я часто не доволен, что являюсь членом своей спортивной группы.	1	2	3	4	5	6	7

Методика измерения организационной идентичности

ИНСТРУКЦИЯ: прочитайте утверждения и оцените их истинность относительно Вашего отношения к **Федерации бокса России (ФБР)**. Оценка производится по шестибальной шкале, где «1» означает «Полностью не согласен», «6» — «Полностью согласен»; остальные баллы выражают разную промежуточную меру вашего согласия или несогласия. Отметьте те цифры, которые соответствуют вашему мнению. По каждому пункту допускается выбор только одного числового значения. Не оставляйте задания без ответов.

№ Утверждения	Утверждение	Оценка
1	Я ощущаю себя частью целого ФБР.	1 2 3 4 5 6
2	Меня вполне устраивают правила поведения и отношений в ФБР.	1 2 3 4 5 6
3	Я воспринимаю успехи или неудачи ФБР как свои личные.	1 2 3 4 5 6
4	Мне не безразлично, что происходит в ФБР.	1 2 3 4 5 6
5	Как правило, мне приятно осознавать, что я выступаю за ФБР.	1 2 3 4 5 6
6	Я бы с сожалением покидал (а) ФБР, если бы пришлось перейти выступать за другую спортивную Федерацию.	1 2 3 4 5 6
7	Чаще я поступаю в соответствии с общим, нежели собственным мнением на ФБР.	1 2 3 4 5 6
8	Я стараюсь «быть как все» на ФБР.	1 2 3 4 5 6

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 23. Описательная статистика шкал СО, ГИ и ОИ для всей выборки (N=360)

Шкалы Самоотношения	Me / НЧ (%)*	M / SD	As	Ex
Глобальное самоотношение (S)	18,0 / 85	18,7 / 3,6	-0,50	-0,91
Самоуважения (I)	10,0 / 80	10,1 / 2,3	0,15	-,039
Аутосимпатия (II)	9,0 / 70	9,1 / 2,1	-,021	0,23
Отношение других (III)	10,0 / 53	9,2 / 2,3	- 0,50	-0,60
Самоинтерес (IV)	7,0 / 92	6,7 / 1,1	-,051	-0,65
Самоуверенность 1 (II)	5,0 / 66	5,1 / 1,4	-0,30	-0,44
Отношение других 2 (A)	6,0 / 51	6,0 / 1,5	-0,90	-0,82
Самопринятие 3 (A)	5,0 / 71	5,0 / 1,4	-0,28	-0,89
Саморуководство 4(II)	4,0 / 60	4,2 / 1,1	-0,16	-0,60
Самообвинение 5 (A)	3,0 / 28	3,3 / 1,2	-0,19	-0,24
Самоинтерес 6 (K)	6,0 / 80	5,8 / 1,3	-0,90	0,10
Самопонимание 7 (K)	3,0 / 69	3,4 / 1,2	-0,09	-0,03
Шкалы ГИ				
Ингрупповые связи (II)	4,5	4,6 / 1,0	0,45	-,055
Ингрупповые чувства (A)	6,2	5,8 / 0,9	-0,90	0,82
Коллективная самооценка (A)	5,8	5,7 / 1,0	-0,89	0,90
Самопонимание (K)	5,1	4,9 / 1,4	-0,44	-0,48
Нисходящее сравнение (K)	4,9	5,0 / 0,9	0,92	0,15
Центральность (K)	5,0	4,9 / 0,8	-0,77	0,92
Сплоченность (A)	6,0	5,4 / 1,3	-,91	-0,05
Межгрупповая конкуренция и сравнение (II)	4,9	4,8 / 1,4	-0,35	-0,38
Времяпровождение (II)	5,4	5,4 / 1,2	-0,63	0,26
Общий уровень	5,4	5,2 / 0,7	-0,37	-0,40
Шкалы ОИ				
Когнитивный	14,0	14,2 / 2,7	-0,45	-0,32
Аффективный	16,0	15,8 / 2,1	-0,70	-0,47
Поведенческий	8,0	7,9 / 2,5	0,04	0,07

Примечание: M – среднее; Me - медиана; SD - стандартное отклонение; As – асимметрия, Ex – эксцесс. *НЧ (%) - накопленная частота указывается только для шкал самоотношения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 24. Описательная статистика компонентов самооотношения в группах, разделенных по возрасту и полу (N=180)

Шкалы самооотношения	Подростки (N=180)					Юниоры (N=180)				
	Me	НЧ (%)	M / SD	As	Ex	Me	НЧ (%)	M / SD	As	Ex
Глобальное самооотношение (S)	17,0	80	17,1 / 3,5	0,56	-0,44	20,0	91	20,2 / 3,0	-0,54	-0,34
Самоуважения (I)	9,0	71	9,3 / 2,3	0,62	0,48	10,0	80	10,1 / 2,1	-0,19	-0,25
Аутосимпатия (II)	9,0	70	8,5 / 2,0	-0,43	0,11	10,0	77	9,7 / 1,9	-0,09	-0,29
Отношение других (III)	8,0	27	8,4 / 2,5	0,09	-0,92	10,0	53	10,0 / 1,7	-0,89	0,84
Самоинтерес (IV)	7,0	92	6,7 / 1,1	-0,57	-0,59	7,0	92	6,8 / 1,0	-0,45	-0,76
Самоуверенность 1 (II)	4,8	48	4,9 / 1,5	-0,11	-0,79	5,3	66	5,2 / 1,2	-0,45	0,12
Отношение других 2 (A)	5,7	40	5,7 / 1,6	-0,37	-0,53	6,3	58	6,3 / 1,4	-0,81	0,94
Самопринятие 3 (A)	5,0	71	4,5 / 1,2	-0,02	-0,61	6,0	90	5,5 / 1,3	-0,73	-0,50
Саморуководство 4(II)	4,0	60	4,0 / 1,1	-0,17	-0,87	4,4	70	4,4 / 1,0	-0,04	-0,46
Самообвинение 5 (A)	4,0	43	3,5 / 1,2	-0,82	0,46	3,0	28	3,1 / 1,1	0,56	-0,13
Самоинтерес 6 (K)	6,0	80	6,0 / 1,1	-0,91	0,56	6,0	80	5,8 / 1,4	-0,91	-0,31
Самопонимание 7 (K)	3,1	70	3,1 / 1,1	-0,23	0,11	3,6	78	3,7 / 1,2	-0,07	-0,29
	Девочки (N=180)					Мальчики (N=180)				
	Me	НЧ (%)	M / SD	As	Ex	Me	НЧ (%)	M / SD	As	Ex
Глобальное самооотношение (S)	18	85	18,1 / 3,4	-0,14	-0,56	19,0	88	18,5 / 3,8	0,49	-0,96
Самоуважения (I)	10,0	80	10,3 / 2,3	0,02	-0,81	10,0	80	10,0 / 2,4	0,29	0,04
Аутосимпатия (II)	10,0	77	9,1 / 2,5	-0,43	-0,39	9,0	70	9,0 / 1,5	0,66	0,40
Отношение других (III)	10,0	53	9,7 / 2,3	-0,75	-0,43	8,0	27	8,8 / 2,2	-0,34	-0,47
Самоинтерес (IV)	7,0	92	6,6 / 1,2	-0,43	-0,93	7,0	92	6,9 / 0,9	-0,35	-0,68
Самоуверенность 1 (II)	4,0	47	4,6 / 1,5	-0,20	-0,76	5,0	66	5,5 / 1,1	0,11	-0,88
Отношение других 2 (A)	6,0	51	5,9 / 1,5	-0,76	0,19	6,0	51	6,1 / 1,6	-0,77	0,90
Самопринятие 3 (A)	4,0	50	5,3 / 1,3	-0,25	-0,90	5,1	70	4,8 / 1,4	-0,22	-0,91
Саморуководство 4(II)	4,0	60	4,3 / 1,1	-0,61	0,04	4,0	60	4,2 / 1,1	0,29	-0,81
Самообвинение 5 (A)	3,0	28	3,3 / 1,4	-0,25	-0,45	3,0	28	3,2 / 0,9	0,07	-0,82
Самоинтерес 6 (K)	6,0	80	6,0 / 1,1	-0,92	0,92	6,0	80	5,7 / 1,1	-0,81	-0,66
Самопонимание 7 (K)	4,0	84	3,5 / 1,2	-0,12	0,18	3,0	67	3,2 / 1,5	-0,06	-0,19

Примечание: M – среднее; Me - медиана; SD - стандартное отклонение; НЧ – накопленная частота; As – асимметрия, Ex – эксцесс.

Таблица 25. Описательная статистика компонентов самооотношения в 4-х группах (N=90)

Шкалы самооотношения	Мальчики-подростки (гр2; N=90)					Юниоры (гр4; N=90)				
	Me	НЧ (%)	М / SD	As	Ex	Me	НЧ (%)	М / SD	As	Ex
Глобальное самооотношение (S)	16,0	74	16,9 / 3,7	0,76	-0,78	20,0	90	20 / 3,1	-0,48	-0,34
Самоуважения (I)	9,0	71	9,0 / 2,5	0,84	0,83	10,0	80	10,7 / 2,0	0,08	-0,25
Аутосимпатия (II)	9,0	69	8,6 / 1,3	0,51	-0,42	9,0	80	9,5 / 1,6	0,53	-0,29
Отношение других (III)	8,0	27	7,8 / 2,1	0,19	-0,04	10,0	53	9,7 / 1,9	-0,92	0,84
Самоинтерес (IV)	7,0	92	7,1 / 0,7	-0,15	-0,91	7,0	74	6,6 / 0,9	-0,13	-0,76
Самоуверенность 1 (II)	5,0	66	5,5 / 1,2	0,15	-0,93	5,0	66	5,4 / 1,1	0,04	0,12
Отношение других 2 (A)	6,0	50	6,0 / 1,5	-0,37	-0,53	6,0	50	6,2 / 1,7	-0,93	0,94
Самопринятие 3 (A)	5,0	70	4,4 / 1,3	-0,41	-0,73	6,0	90	5,2 / 1,5	-0,34	-0,50
Саморуководство 4(II)	4,0	60	4,2 / 1,3	0,25	0,91	4,0	60	4,2 / 1,0	0,37	-0,46
Самообвинение 5 (A)	4,0	43	3,7 / 0,9	-0,48	0,13	3,0	27	2,9 / 0,9	0,63	-0,13
Самоинтерес 6 (K)	6,0	80	6,1 / 1,0	-0,91	-0,20	6,0	60	5,3 / 1,6	-0,41	-0,31
Самопонимание 7 (K)	3,0	68	3,0 / 1,2	0,21	0,70	3,0	74	3,4 / 1,1	-0,36	-0,29
	Девочки-подростки (гр1; N=90)					Юниорки (гр3; N=90)				
	Me	НЧ (%)	М / SD	As	Ex	Me	НЧ (%)	М / SD	As	Ex
Глобальное самооотношение (S)	17,0	80	17,4 / 3,3	0,43	0,26	21	93	20,4 / 2,8	-0,59	-0,60
Самоуважения (I)	9,0	71	9,5 / 2,0	0,41	0,05	11,0	87	11,1 / 2,3	-0,43	-0,71
Аутосимпатия (II)	9,0	70	8,3 / 2,5	-0,34	-0,86	10,0	77	10,0 / 2,1	-0,25	-0,47
Отношение других (III)	9,0	40	8,9 / 2,8	-0,20	-0,90	11,0	72	10,4 / 1,4	-0,59	0,58
Самоинтерес (IV)	6,0	71	6,3 / 1,3	-0,08	-0,94	7,0	92	7,0 / 1,1	-0,75	-0,23
Самоуверенность 1 (II)	4,0	47	4,2 / 1,5	0,21	-0,82	5,0	66	5,0 / 1,3	-0,56	0,09
Отношение других 2 (A)	6,0	32	5,4 / 1,7	-0,26	-0,68	6,5	51	6,4 / 1,0	-0,83	0,56
Самопринятие 3 (A)	4,0	50	4,7 / 1,2	0,38	-0,83	6,0	90	6,0 / 0,9	-0,73	0,29
Саморуководство 4(II)	4,0	60	3,9 / 1,1	-0,74	-0,67	5,0	80	4,6 / 0,9	-0,46	0,28
Самообвинение 5 (A)	3,0	27	3,3 / 1,5	-0,58	-0,46	3,0	27	3,3 / 1,2	0,29	0,56
Самоинтерес 6 (K)	6,0	80	5,7 / 1,2	-0,91	0,64	7,0	92	6,3 / 0,9	-0,86	0,83
Самопонимание 7 (K)	4,0	70	3,2 / 1,1	-0,83	-0,36	4,0	80	3,6 / 1,2	0,21	0,42

Примечание: М – среднее; Me - медиана; SD - стандартное отклонение; НЧ – накопленная частота; As – асимметрия, Ex – эксцесс.

Таблица 26. Описательная статистика компонентов ГИ в группах, разделенных по возрасту и полу (N=180)

Шкалы групповой идентичности	Подростки (N=180)				Юниоры (N=180)			
	Me	M / SD	As	Ex	Me	M / SD	As	Ex
Инtragrupповые связи (П)	4,3	4,4 / 0,8	0,49	-0,60	4,7	4,9 / 1,2	0,16	-0,87
Инtragrupповые чувства (А)	6,0	5,8 / 1,1	-0,92	0,16	6,4	6,2 / 1,1	-0,91	0,92
Коллективная самооценка (А)	5,5	5,5 / 1,1	-0,44	-0,43	6,0	6,0 / 0,9	-0,86	0,73
Самопонимание (К)	5,2	4,9 / 1,1	-0,62	-0,59	5,1	5,0 / 1,4	-0,41	-0,35
Нисходящее сравнение (К)	5,1	5,1 / 0,9	-0,82	0,25	4,8	4,9 / 0,8	0,52	0,34
Центральность (К)	4,8	4,8 / 0,9	-0,74	0,91	5,0	5,0 / 0,8	-0,54	0,36
Сплоченность (А)	5,2	5,3 / 1,3	-0,22	-0,43	6,2	5,5 / 1,2	-0,84	-0,52
Межгрупповая конкуренция и сравнение (П)	4,8	4,8 / 1,4	-0,46	-0,45	4,9	4,9 / 1,4	-0,49	-0,26
Времяпрепровождение (П)	5,2	5,2 / 1,2	-0,07	-0,14	6,0	5,6 / 1,3	-0,91	0,62
Общий уровень	5,0	5,1 / 0,7	-0,74	-0,47	5,4	5,4 / 0,6	-0,67	-0,03
	Девочки (N=180)				Мальчики (N=180)			
Инtragrupповые связи (П)	5,0	5,0 / 1,1	-0,15	-0,72	4,0	4,2 / 0,5	0,72	0,12
Инtragrupповые чувства (А)	6,2	5,9 / 1,2	-0,92	0,50	6,2	6,1 / 0,8	-0,61	0,04
Коллективная самооценка (А)	6,0	5,7 / 1,2	-0,82	0,51	5,8	5,7 / 0,8	-0,53	-0,01
Самопонимание (К)	5,3	5,1 / 1,3	-0,55	0,05	5,0	4,8 / 1,6	-0,29	-0,87
Нисходящее сравнение (К)	4,8	4,8 / 0,9	-0,37	-0,08	5,0	5,2 / 0,8	0,67	-0,22
Центральность (К)	4,8	4,8 / 1,0	-0,69	0,52	5,0	5,0 / 0,7	-0,70	0,90
Сплоченность (А)	5,7	5,6 / 1,1	-0,82	0,38	6,2	5,3 / 1,1	-0,91	-0,59
Межгрупповая конкуренция и сравнение (П)	4,6	4,5 / 1,3	0,01	-0,07	5,3	5,2 / 1,4	-0,81	0,11
Времяпрепровождение (П)	5,6	5,5 / 1,1	-0,51	-0,03	5,8	5,3 / 1,2	-0,75	-0,28
Общий уровень	5,4	5,2 / 0,7	-0,55	0,15	5,3	5,2 / 0,6	-0,86	-0,82

Примечание: М – среднее; Me - медиана; SD - стандартное отклонение; As – асимметрия, Ex – эксцесс.

Таблица 27. Описательная статистика компонентов группой идентичности в 4 группах (N=90)

Шкалы групповой идентичности	Мальчики-подростки (гр2; N=90)				Юниоры (гр4; N=90)			
	Me	M / SD	As	Ex	Me	M / SD	As	Ex
Инtragrupповые связи (П)	4,2	4,3 / 0,8	0,82	0,27	4,0	4,1 / 0,7	0,44	-0,75
Инtragrupповые чувства (А)	5,6	5,9 / 0,7	-0,74	0,90	6,6	6,2 / 0,8	-0,72	-0,44
Коллективная самооценка (А)	6,2	6,0 / 0,9	-0,72	-0,16	5,8	5,5 / 0,7	-0,90	0,48
Самопонимание (К)	4,6	4,4 / 1,4	0,05	-0,40	5,6	5,2 / 1,7	-0,72	-0,67
Нисходящее сравнение (К)	5,0	5,2 / 0,9	0,54	-0,47	4,9	5,2 / 0,8	0,95	0,12
Центральность (К)	4,8	4,7 / 0,8	-0,43	-0,04	5,0	5,2 / 0,5	0,69	0,01
Сплоченность (А)	5,7	5,1 / 1,4	-0,65	-0,80	6,2	5,5 / 1,5	-0,86	-0,04
Межгрупповая конкуренция и сравнение (П)	4,7	4,5 / 1,5	-0,26	-0,85	5,8	5,8 / 0,8	-0,05	-0,83
Времяпрепровождение (П)	4,9	4,9 / 1,3	-0,46	-0,27	6,2	5,7 / 1,4	-0,87	0,90
Общий уровень	4,8	5,0 / 0,6	0,51	-0,87	5,6	5,4 / 0,6	-0,77	-0,73
	Девочки-подростки (гр1; N=90)				Юниорки (гр3; N=90)			
Инtragrupповые связи (П)	4,5	4,5 / 0,8	0,17	-0,89	5,8	5,6 / 1,1	-0,77	0,70
Инtragrupповые чувства (А)	6,0	5,6 / 1,4	-0,63	-0,94	6,3	6,1 / 0,8	-0,91	0,92
Коллективная самооценка (А)	5,3	4,9 / 1,0	-0,24	-0,32	6,6	6,5 / 0,9	-0,76	0,84
Самопонимание (К)	5,6	5,4 / 1,5	-0,95	0,74	4,8	4,7 / 1,0	0,16	0,30
Нисходящее сравнение (К)	5,1	5,0 / 0,9	-0,62	0,67	4,4	4,5 / 0,8	-0,52	0,40
Центральность (К)	5,2	5,0 / 1,0	-0,90	0,90	4,8	4,7 / 0,9	-0,14	-0,65
Сплоченность (А)	5,8	5,6 / 1,3	-0,93	0,12	5,6	5,5 / 0,9	-0,65	0,53
Межгрупповая конкуренция и сравнение (П)	4,9	5,1 / 1,2	0,28	-0,81	4,3	3,9 / 1,2	-0,28	-0,31
Времяпрепровождение (П)	5,4	5,5 / 1,2	-0,39	-0,28	5,6	5,5 / 1,1	-0,64	0,30
Общий уровень	5,4	5,2 / 0,8	-0,46	-0,41	5,3	5,2 / 0,7	-0,60	0,89

Примечание: М – среднее; Me – медиана; SD – стандартное отклонение; As – асимметрия, Ex – эксцесс.

Таблица 28. Описательная статистика компонентов ОИ в группах, разделенных по возрасту и пол (N=180)

Шкалы групповой идентичности	Подростки (N=180)				Юниоры (N=180)			
	Me	M / SD	As	Ex	Me	M / SD	As	Ex
Когнитивный	15,0	14,6 / 2,5	-0,33	-0,91	14,0	14,0 / 2,9	-0,46	-0,11
Аффективный	16,0	15,6 / 2,0	-0,78	-0,15	16,0	16,0 / 2,1	-0,65	-0,79
Поведенческий	8,0	8,3 / 2,1	-0,12	-0,47	7,0	7,0 / 2,7	0,28	0,24
	Девочки (N=180)				Мальчики (N=180)			
Когнитивный	15,0	14,7 / 2,2	-0,77	0,80	13,5	13,7 / 3,0	-0,11	-0,86
Аффективный	17,0	15,9 / 2,2	-0,90	-0,13	16,0	15,6 / 1,8	-0,31	-0,88
Поведенческий	7,0	7,5 / 2,4	0,24	0,90	8,0	8,3 / 2,4	-0,15	-0,71

Примечание: M – среднее; Me – медиана; SD – стандартное отклонение; As – асимметрия, Ex – эксцесс.

Таблица 29. Описательная статистика компонентов организационной идентичности в 4 группах (N=90)

Шкалы организационной идентичности	Мальчики-подростки (гр2; N=90)				Юниоры (гр4; N=90)			
	Me	M / SD	As	Ex	Me	M / SD	As	Ex
Когнитивный	15,0	14,1 / 2,8	-0,23	-0,90	12,0	13,4 / 3,3	0,06	-0,75
Аффективный	16,0	15,7 / 1,5	-0,21	-0,65	16,0	15,4 / 2,1	-0,24	-0,62
Поведенческий	9,0	8,2 / 2,4	-0,41	-0,76	8,0	8,4 / 2,4	0,08	-0,92
	Девочки-подростки (гр1; N=90)				Юниорки (гр3; N=90)			
Когнитивный	15,0	15,0 / 2,2	-0,18	-0,84	14,0	14,5 / 2,3	-0,85	0,81
Аффективный	16,5	15,5 / 2,4	-0,79	-0,71	17,0	16,4 / 1,9	-0,89	0,48
Поведенческий	8,0	8,3 / 1,8	0,67	-0,55	7,0	6,7 / 2,7	0,68	0,68

Примечание: M – среднее; Me – медиана; SD – стандартное отклонение;; As – асимметрия, Ex – эксцесс.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Таблица 30. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ и с УСД (для всей выборки N=360)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИк	ОИа	ОИп
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	,24 ²	,56 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	-	,38 ³	,26 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	,23 ³	,57 ³	,51 ³	,25 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	,30 ³	,23 ³	-	,25 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	,17 ³	,55 ³	,32 ³	-	,41 ³	,45 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	,23 ³	,38 ³	,46 ³	,28 ³	,70 ³	,32 ³	,43 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	,38 ³	,43 ³	,42 ³	,43 ³	,25 ³	-	,52 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	-	,27 ³	,37 ³	-	,33 ³	-	,63 ³	-	,43 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	-	-,32 ³	-	-,58 ³	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	-	,41 ³	-	-	-	,53 ³	,44 ³	,36 ³	,33 ³	,38 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	-	,30 ³	,61 ³	-	,31 ³	-	-	,34 ³	,48 ³	,26 ³	-	,57	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	-	,12 ¹	,13 ¹	,12 ¹	,11 ¹	-	-	-	,15 ²	-	-	,13 ¹	,18 ²	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	,11 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,32 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	-	,14 ²	,14 ²	,16 ²	-	,15 ²	-	-	,17 ²	,11 ¹	-	,15 ²	-	,30 ³	,31 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	,15 ¹	-	-	-	-	-,13 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	-	-	-	-	-	-	,12 ¹	-	-	-	-	-	-,13 ¹	-,36 ³	-	-	,23 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	-	,12 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-,11 ¹	-	-	-	-	-	,41 ³	,24 ³	1	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	,20 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,71 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
МК (II)	,11 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,12 ¹	-,23 ³	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
ВП (II)	,16 ³	,13 ¹	,16 ²	-	,12 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,77 ³	-	1	-	-	-	-
ОБ	,24 ³	,12 ¹	,12 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,84 ²	-	,83 ²	-	-	,82 ²	-	,77 ²	1	-	-	-
ОИ																										
(К)	,46 ³	-,11 ¹	-	-	-	-	-	,12 ¹	-	-	-	-	,12 ¹	-	,17 ²	-	,23 ²	-	-	,24 ²	-	,12 ¹	,20 ²	1	-	-
(А)	,28 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,14 ²	-	,15 ²	,16 ²	-	,12 ¹	,19 ²	-	,17 ²	,20 ²	,52 ³	1	-
(II)	,33 ³	-,20 ²	-	-	-	-	-	-	-,11 ¹	-	,20 ²	-	-	-,15 ²	-	-,11 ¹	,16 ²	-	-	,15 ²	,13 ¹	-	-	-,33 ³	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) - аутосимпатия (II), Отн.Др (III)- отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) - самоуверенность, Отн.Др 2 (А) - отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) - ингрупповые связи, ИЧ (А) - ингрупповые чувства, КС (А) - коллективная самооценка, СП (К) - самопонимание, НС (К) - нисходящее сравнение, Цен. (К) - центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) - межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) - времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) - поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

Таблица 31. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ и с УСД (для всех подростков N=180)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИк	ОИа	ОИп
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	,22 ²	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	,31 ³	,23 ²	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	,19 ¹	,31 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	,20 ²	,35 ³	-	,27 ³	,39 ³	,54 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	,27 ³	-	,26 ³	,31 ³	,70 ³	,24 ³	,45 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	,35 ³	,29 ³	-	,30 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	-	,24 ³	,31 ³	-	,28 ³	-,28 ³	-	-	,37 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	-	-,30 ³	-	-,58	-	,24 ³	-	-	-	-,27 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	,28 ³	,41 ³	-	-	,55 ³	,31 ³	,50 ³	,31 ³	,35 ³	-	-,20 ²	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	-	-	,59 ³	-	-	-	-	-	,48 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	-	-	-	-	-	-,16 ¹	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,16 ¹	-	,43 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	,23 ²	-	,31 ³	-	-	,20 ²	,21 ²	-	-	-	-	-	-	,31 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	-	-	-	-	-	-,20 ²	-,18 ¹	-,15 ¹	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	-	,27 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-,20 ²	-	-,22 ²	-	-,32 ³	-	,32 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	-	,16 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,61 ³	,34 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	,20 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,72 ³	,26 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
МК (II)	-	-	-	,15 ¹	-	-	-	-	-	,16 ¹	-,17 ¹	-	-	,22 ²	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
ВП (II)	-	-	-	-	-	-,15 ¹	-	-,17 ¹	-	-	-	-,16 ¹	-	-	,79 ³	-	-	-	-	,77 ³	-	1	-	-	-	-
ОБ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,81 ³	-	,87 ³	-	,74 ³	,82 ³	-	,83 ³	1	-	-	-
ОИ																										
(К)	,67 ³		,21 ²	,28 ²	,18 ¹	-	-	,19 ¹	-	-	-	-	,17 ¹	-	-	-	-	-	-	,27 ²	-	-	-	1	-	-
(А)	,27 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,15 ¹	-	-	-	,34 ³	1	-
(II)	,44 ³	-	,19 ¹	,17 ¹	-	-	-	,16 ¹	-	-	-	-	,20 ²	-	-	-	-	-,21 ²	-	-	-	-	-	,41 ³	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) - аутосимпатия (II), Отн.Др (III)- отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) - самоуверенность, Отн.Др 2 (А) - отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) - ингрупповые связи, ИЧ (А) - ингрупповые чувства, КС (А) - коллективная самооценка, СП (К) - самопонимание, НС (К) - нисходящее сравнение, Цен. (К) - центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) - межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) - времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) - поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

Таблица 32. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ и с УСД (для всех юниоров N=180)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИк	ОИа	ОИп
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	-	,78 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	-,20 ²	,40 ³	,30 ²	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	-	,60 ³	,51 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	,54 ³	,46 ³	-	,43 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	-	,71 ³	,59 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	-	,45 ³	,45 ³	-	,66 ³	,40 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	-	,40 ³	,45 ³	-	,34 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	-	-	,42 ³	-	-	-	-	-	,48 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	,27 ³	-	-	-,52 ³	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	-	,48 ³	,43 ³	-	,61 ³	-	-	-	,40 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	-	,41 ³	,62 ³	,34 ³	-	-	-	,52 ³	,41 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	-	,15 ¹	,19 ²	-	,17 ¹	,20 ²	-	-	,19 ¹	-	-	,30 ²	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	-	-	-	,19 ²	-	-	-,15 ¹	-	,19 ¹	-	-	,22 ²	-	,61 ³	,25 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	,27 ³	-	-	-,26 ²	-	-	-	-	-	-	,21 ²	-	-	-	,60 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	,25 ³	-	-	-,16 ¹	-	-	-	-	-	-	,15 ¹	-	-	-,36 ³	-	-,34 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,17 ¹	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,71 ³	-	,62 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-
МК (II)	,22 ¹	-	-	-,24 ²	-	-	,16 ¹	-	-,18 ¹	-,23 ²	-	-,17 ¹	-	-,50 ³	-	-,53 ³	-	,53 ³	-	-	1	-	-	-	-	-
ВП (II)	,26 ³	,19 ²	,16 ¹	-	,23 ²	-	-	,23 ²	-	-	-	-	-	-	,72 ³	-	,65 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-
ОБ	,26 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,17 ¹	-	-	-	,80 ³	-	,80 ³	-	-	,83 ³	-	,80 ³	1	-	-	-
ОИ																										
(К)	,41 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,31 ²	-	-	-	,23 ²	-	,30 ²	-	,18 ¹	,23 ²	-	,23 ²	,29 ²	1	-	-
(А)	,27 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,23 ²	-	-	,25 ²	,23 ²	,17 ¹	,25 ²	-	-	,22 ²	-	,29 ²	,26 ²	,70 ³	1	-
(II)	,35 ³	-	-	-,24 ²	-	-	-	-	-	-	,33 ²	-,18 ¹	-	-,24 ²	,21 ²	-,19 ²	,30 ²	,24 ²	,22 ²	,20 ²	,37 ²	,21 ²	,29 ²	-	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) - аутосимпатия (II), Отн.Др (III)- отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) - самоуверенность, Отн.Др 2 (А) - отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) - ингрупповые связи, ИЧ (А) - ингрупповые чувства, КС (А) - коллективная самооценка, СП (К) - самопонимание, НС (К) - нисходящее сравнение, Цен. (К) - центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) - межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) - времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) - поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

Таблица 33. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ и с УСД (для всех девочек N=180)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИ _к	ОИ _а	ОИ _п
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	,42 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	,29 ³	,73 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	,25 ³	,58 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	,35 ³	,57 ³	,53 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	,47 ³	,39 ³	-	,55 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	,45 ³	,69 ³	,58 ³	-	,62 ³	,52 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	,28 ³	,51 ³	,47 ³	-	-	,55 ³	-,44 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	,48 ³	,52 ³	,43 ³	-	-	-	,41 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	,30 ³	,37 ³	,40 ³	-	-	-	-	,47 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	-	-,39 ³	-	-,73 ³	-	-	-	-	-	-,30 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	,35 ³	,63 ³	-	-	,53 ³	,55 ³	,58 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	-	,36 ³	,60 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	-	,29 ²	,24 ²	-	-	-	,16 ¹	,17 ¹	,21 ²	-	-	,19 ¹	,27 ²	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,54 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	,35 ³	,43 ²	,33 ²	,34 ²	,27 ²	,21 ²	-	,32 ²	,37 ²	,27 ²	-	,26 ²	,19 ²	-	,41 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	-	-,18 ¹	-	-	-	-,16 ¹	,20 ²	-,16 ¹	-,22 ²	-	-	-	-	-	,52 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,30 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,58 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	,21 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,63 ³	-	-	-	,52 ³	1	-	-	-	-	-	-
МК (II)	-	-,16 ¹	-,16 ¹	-	-	-	-	-	-,20 ²	-	-	-	-,15 ¹	-	-	-	,58 ³	,55 ³	-	-	1	-	-	-	-	-
ВП (II)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,43 ³	,78 ³	-	-	-	,69 ³	-	-	1	-	-	-	-
ОБ	,26 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,71 ³	-	-	,76 ³	-	,71 ³	,78 ³	-	,81 ³	1	-	-	-
ОИ																										
(К)	,36 ³	-	-	-	-	-	,22 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,28 ²	,23 ²	,24 ²	,28 ²	,28 ²	-	,27 ²	1	-	-
(А)	,27 ³	,20 ²	-	-	,16 ¹	,25 ²	,31 ²	-	-	-	-	,25 ²	-	,24 ²	,22 ²	,27 ²	,18 ¹	-	,18 ¹	,25 ²	-	,24 ²	,27 ²	,47 ³	1	-
(II)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,16 ¹	,15 ¹	,15 ¹	-	,16 ¹	,24 ²	-	-	-	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) – аутосимпатия (II), Отн.Др (III) – отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) – самоуверенность, Отн.Др 2 (А) – отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) – интрагрупповые связи, ИЧ (А) – интрагрупповые чувства, КС (А) – коллективная самооценка, СП (К) – самопонимание, НС (К) – нисходящее сравнение, Цен. (К) – центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) – межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) – времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) – поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

Таблица 34. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ и с УСД (для всех мальчиков N=180)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИк	ОИа	ОИп
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	,21 ¹	,44 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	-	-	,32 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	-	,53 ³	,49 ³	,38 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	-	,47 ³	-	-	,41 ³	,34 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	,20 ¹	-	,44 ³	,43 ³	-	-	,41 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	,28 ³	,40 ³	-	,45 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	-	-	,36 ³	-	-	-	-	-	,62 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	-	-,26 ³	-	-,30 ³	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	-	-	-	-	,45 ³	-	-	-	-	,31 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	-	-	,57 ³	-	,51 ³	-	-	-	,57 ³	-	-	,35 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	-	-,19 ¹	-	-,19 ¹	-	-	-	-,17 ¹	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	,29 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,73 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	-	,21 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,42 ³	-	-,36 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	-	,21 ²	-	-	-	-	-	-,17 ¹	-	-	-,20 ²	-,16 ¹	-	,27 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	,25 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,85 ³	-	,72 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-
МК (II)	-	,27 ²	,20 ²	,22 ²	-	-	-	-	-	-	-,16 ¹	-	-	-	-,51 ³	,63 ³	,49 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-
ВП (II)	,26 ³	,21 ²	,21 ²	,22 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,82 ³	-	,79 ³	-	-	,80 ³	-	1	-	-	-	-
ОБ	,24 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,85 ³	-	,87 ³	-	-	,82 ³	-	,70 ³	1	-	-	-
ОИ																										
(К)	,52 ³	-,22 ²	-	-	-	-	-	,19 ¹	-,19 ¹	-,23 ²	,26 ²	-	,19 ²	-	-	-	,17 ¹	-	-	,21 ²	-	-	-	1	-	-
(А)	,31 ³	-	-,20 ¹	-	-	-	-	-	-,21 ²	-,20 ²	,24 ²	-,16 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,52 ³	1	-
(II)	,60 ³	-,22 ²	-	-	-	-	-	,17 ¹	-	-	,31 ²	-	,16 ¹	-	-	-	,24 ²	-,16 ¹	-	,18 ¹	-	-	-	,57 ³	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) - аутосимпатия (II), Отн.Др (III)- отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) - самоуверенность, Отн.Др 2 (А) - отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) - ингрупповые связи, ИЧ (А) - ингрупповые чувства, КС (А) - коллективная самооценка, СП (К) - самопонимание, НС (К) - нисходящее сравнение, Цен. (К) - центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) - межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) - времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) - поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

Таблица 35. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ (девушки-подростки N=90)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИк	ОИа	ОИп
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	,35 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	-	,42 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	,38 ³	,58 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	,30 ¹	,50 ³	,38 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	,51 ³	,40 ³	-	,43 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	,45 ³	,70 ³	,41 ³	-	,57 ³	,60 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	-	-	-	-	,91 ²	,41 ³	,40 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	,51 ³	,60 ³	,40 ³	-	,42 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	,32 ³	-	-	-	,55 ³	-	-	,64 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	-,35 ³	-,55 ³	-	-,89 ³	-	-	-	-	-,33 ³	-,44 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	,47 ³	,81 ³	-	-	-	,74 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	-	-	,70 ³	-	-	-	-	-	,43 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	-	-	-	-	-,23 ¹	-,21 ¹	-	-	-,21 ¹	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	-	-	-	-,30 ²	-	-	-	-	-,27 ¹	-	-,63 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	,45 ³	-	-	,26 ¹	-	-	-	-	-	-,24 ¹	-	-	-,44 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	,30 ²	-	-	-	-	-,21 ¹	-	-	-	-	-	-	-,52 ³	-	,36 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	,54 ³	,30 ¹	-	,33 ²	,30 ²	-	,24 ¹	,25 ¹	-	,34 ²	-,28 ²	,33 ²	-	-	-	,55 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	,38 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	,23 ¹	-	-	-	,37 ³	-	-	,84 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	,34 ³	-	-	-	-	-	-	-	-,27 ¹	-	-	-	-,36 ³	,70 ³	-	,82 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
МК (II)	,36 ³	-	-	,24 ¹	-	-	-	-	-	,30 ¹	-,23 ¹	-	-	-	-	-	,75 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-
ВП (II)	-	-	-	-	-	-,29 ²	-	-	-	-	-	-	-	-,25 ²	-	,33 ²	-	,43 ³	,35 ²	-	1	-	-	-	-	-
ОБ	,39 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,47 ³	,82 ³	,55 ³	,90 ³	,53 ³	,81 ³	,80 ³	,66 ³	,91 ³	1	-	-	-	-
ОИ																										
(К)	,64 ³	,26 ¹	-	,33 ²	,22 ¹	-	,36 ²	-	-	,23 ¹	-,30 ²	,22 ¹	-	-,24 ¹	-	,34 ²	-	,36 ²	,22 ¹	,25 ¹	,24 ¹	-	-	1	-	-
(А)	,40 ³	-	-	-	-	-	,29 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	,26 ¹	0,30 ²	-	,28 ²	,34 ²	-	,25 ¹	-	,55 ³	1	-
(II)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) - аутосимпатия (II), Отн.Др (III)- отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) - самоуверенность, Отн.Др 2 (А) - отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) - ингрупповые связи, ИЧ (А) - ингрупповые чувства, КС (А) - коллективная самооценка, СП (К) - самопонимание, НС (К) - нисходящее сравнение, Цен. (К) - центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) - межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) - времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) - поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

Таблица 36. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ (мальчики-подростки N=90)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИк	ОИа	ОИп
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	-,36 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	,32 ²	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	,30 ²	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	-	-	-	,40 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	-	-,30 ²	-	-,23 ²	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	-	-	-	,56 ³	,55 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	,36 ³	-	-	,67 ³	,65 ³	-	,37 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	-	-	-	,43 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	-	-	-,42 ³	-	-	-,61 ³	-	-	,60 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	-	-	-	-	-	-	,33 ²	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	-	-	-	-	,56 ³	-	-	-	,62 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	,41 ³	-	,35 ³	-	,43 ³	-	-	-	,54 ³	-	-	,55 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	,32 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,42 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,62 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	-,49 ³	,27 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,28 ²	-,52 ³	-	-,37 ³	,32 ²	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	-,42 ³	,23 ¹	-,28 ²	-	-	-	-	-,30 ²	-	-	-	-	-,35 ²	-	,45 ³	-	-	,43 ³	1	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,85 ³	-	,66 ³	-	,35 ³	1	-	-	-	-	-	-
МК (II)	-,26 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,22 ¹	-	-	-,55 ³	-	,51 ³	-	-	1	-	-	-	-	-
ВП (II)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,70 ³	-	,80 ³	-	-	,73 ³	-	1	-	-	-	-
ОБ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,78 ³	-	,79 ³	-	-	,81 ³	-	,79 ³	1	-	-	-
ОИ																										
(К)	,71 ³	-,30 ²	,26 ¹	,29 ²	-	-	-	,28 ²	-	-	-	-	,34 ²	,23 ¹	-	-	-	-,44 ²	-,37 ²	,27 ¹	-,27 ¹	-	-	1	-	-
(А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,24 ¹	-	-	-	-	-,22 ¹	-,22 ¹	-	1	-
(II)	,68 ³	-,29 ²	,26 ¹	-,23 ¹	-	-	-	,24 ¹	-	-	-	-	,33 ²	,25 ¹	-	-	-	-,45 ²	-,40 ²	-	-,30 ²	-	-	,66 ³	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) – аутосимпатия (II), Отн.Др (III) – отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) – самоуверенность, Отн.Др 2 (А) – отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) – ингрупповые связи, ИЧ (А) – ингрупповые чувства, КС (А) – коллективная самооценка, СП (К) – самопонимание, НС (К) – нисходящее сравнение, Цен. (К) – центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) – межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) – времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) – поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

Таблица 37. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ (юниорки N=90)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИк	ОИа	ОИп
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	,28 ¹	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	-	,77 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	-	,50 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	,31 ¹	,54 ³	,53 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	,38 ³	-	-	,50 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	,32 ¹	,59 ³	,60 ³	-	,50 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	-	-	,37 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	-	-	-	-,63 ³	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	-	-	-	-	-	-	-	-,46 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	-	,41 ³	,49 ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	-	,29 ²	,24 ¹	-	,23 ¹	-	,21 ²	-	-	-	-	,22 ¹	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	-	-	-	-	-	,28 ²	-	-	-	-	-	,56 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,62 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,32 ³	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	,22 ¹	-	-	-	-	-	,24 ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	-	-	-	-	,23 ¹	-	-	-	,21 ¹	-	-	-	-	,35 ³	,35 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,22 ¹	-	,54 ³	,55 ³	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
МК (II)	-	-	-	-	-	,24 ¹	-	,30 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
ВП (II)	-	,23 ¹	-	-	,24 ¹	-	-	,21 ¹	-	,26 ²	,29 ²	,28 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
ОБ	-	,22 ¹	-	-	,25 ¹	-	-	-	-	-	-	,22 ¹	-	,69 ³	,68 ³	,68 ³	,65 ³	-	,57 ³	,72 ²	-	,68 ³	1	-	-	-
ОИ																										
(К)	-	-	-	-	-	,25 ¹	-	-	-	-	-	-	-	,26 ¹	,28 ²	-	,33 ²	,25 ¹	,21 ¹	,31 ²	,29 ²	-	,35 ²	1	-	-
(А)	,23 ¹	-	-	-	-	,35 ²	,27 ¹	-	-	-	-	,22 ¹	-	,27 ¹	,26 ¹	-	,28 ¹	-	-	-	-	,27 ¹	,26 ¹	,49 ³	1	-
(II)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,29 ²	-	-	,23 ¹	-	,27 ¹	-	-	-	-	-	-	,23 ¹	-	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) – аутосимпатия (II), Отн.Др (III) – отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) – самоуверенность, Отн.Др 2 (А) – отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) – интрагрупповые связи, ИЧ (А) – интрагрупповые чувства, КС (А) – коллективная самооценка, СП (К) – самопонимание, НС (К) – нисходящее сравнение, Цен. (К) – центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) – межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) – времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) – поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

Таблица 38. Значимые корреляции между шкалами СО, ГИ и ОИ и с УСД (юниоры N=90)

Шкалы	УСД	S	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	ИС	ИЧ	КС	СП	НС	ЦН	Спл	МК	ВП	ОБ	ОИк	ОИа	ОИп
УСД	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СО																										
ГСО (S)	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СУв (I)	-	,75 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
АутСим (II)	-,38 ³	-	,36 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр (III)	-	,63 ³	,45 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт (IV)	-	,68 ³	,70 ³	,51 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамУвер 1(II)	-	,85 ³	,68 ³	-	-	,54 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ОтнДр 2 (А)	-	,54 ³	,60 ³	-	-	-	,45 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПрин 3 (А)	-	-	,48 ³	,53 ³	-	,55 ³	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамРук 4 (II)	-	-	,52 ³	-	-	,50 ³	-	-	,74 ³	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамОбв 5 (А)	,55 ³	-	-	-,49 ³	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамИнт 6 (К)	-	,58 ³	,52 ³	-	,75 ²	-	-	-	,46 ³	,45 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СамПон 7 (К)	-	,43 ³	,78 ³	-	-	-	-	,72 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ГИ																										
ИС (II)	-,42 ³	-	-	-	-	-	-	-,22 ¹	-	-	-,33 ²	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЧ (А)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
КС (А)	-,30 ¹	-	-	-	-	-	-	-,23 ¹	-	-	-,23 ¹	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СП (К)	,48 ³	-	-	-,30 ²	-	-	-	-	-	-	,42 ²	-	-	-	,73 ³	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
НС (К)	,33 ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	,28 ²	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Цен (К)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,22 ¹	-	-	-	,38 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Спл (А)	-	-	-	-,24 ¹	-	-	-	-,21 ¹	-	-	-	-	-	-,86 ³	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
МК (II)	,36 ³	-	-	-,25 ¹	,24 ¹	-	-	-	-	-	,28 ²	-	-	-	-	-,77 ³	-	-	-,53 ³	1	-	-	-	-	-	-
ВП (II)	,38 ³	-	-	-,23 ¹	-	-	-	-	-	-	,28 ²	-	-	-	-	-,86 ³	-	-	-,86 ³	-	1	-	-	-	-	-
ОБ	,38 ³	-	-	-,25 ¹	-	-	-	-	-	-	,28 ²	-	-	-	-,88 ³	-	-,87 ³	-	-,89 ³	,79 ³	,91 ³	1	-	-	-	-
ОИ																										
(К)	,52 ³	-	-	-,26 ¹	-	-	-	-	-	-,27 ¹	,38 ²	-,25 ¹	-	-	,22 ¹	-,28 ²	,38 ²	-	,30 ²	,22 ¹	,34 ²	,30 ²	,33 ²	1	-	-
(А)	,53 ³	-	-	-,29 ¹	-	-,22 ¹	-	-	-,27 ¹	-,41 ²	,33 ²	,25 ¹	-	-	,25 ¹	,21 ¹	,42 ²	,25 ¹	,32 ²	,28 ²	,35 ²	,36 ²	,39 ²	-	1	-
(II)	,59 ³	-	-	-,38 ²	-	-	-	-	-	-	,57 ²	-	-	-,48 ²	-	-,24 ¹	,48 ²	-	-	-	,29 ²	,33 ²	,30 ²	-	-	1

Примечание 1: СО – самоотношение: ГСО (S) – глобальное самоотношение, СУв (I) – самоуважение, Аут.Сим (II) - аутосимпатия (II), Отн.Др (III)- отношение других, Сам.Инт (IV) – самоинтерес, Сам.Увер 1 (II) - самоуверенность, Отн.Др 2 (А) - отношение других, Сам.Прин 3 (А) – самопринятие, Сам.Рук 4 (II) – саморуководство, Сам.Обв 5 (А) – самообвинение, Сам.Инт 6 (К) – самоинтерес, Сам.Пон 7 (К) – самопонимание. ГИ – групповая идентичность: ИС (II) - ингрупповые связи, ИЧ (А) - ингрупповые чувства, КС (А) - коллективная самооценка, СП (К) - самопонимание, НС (К) - нисходящее сравнение, Цен. (К) - центральность, Спл. (А) – сплоченность, МК (II) - межгрупповая конкуренция и сравнение, ВП (II) - времяпрепровождение, ОБ – общая. ОИ – организационная идентичность. (К) – когнитивный компонент, (А) – аффективный компонент, (II) - поведенческий компонент. Примечание 2. Уровень значимости $p^1 < 0,05$, уровень значимости $p^2 < 0,01$, уровень значимости $p^3 < 0,001$; уровень значимости «р» с поправкой на множественные сравнения Холма-Бонферрони выделен жирным.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Таблица 39. Вклад возраста, пола и компонентов идентичности в уровень спортивных достижений (УСД).
Множественные и стандартизованные регрессионные коэффициенты

Шаг	Предикторы	Зависимая переменная УСД (β)								
		Вся выборка ($N_0=360$)	Все юниоры ($N_0=180$)	Все подростки ($N_0=180$)	Все девушки ($N_0=180$)	Все мальчики ($N_0=180$)	Девушки- подростки ($N_0=90$)	Мальчики- подростки ($N_0=90$)	Юниорки ($N_0=90$)	Юниоры ($N_0=90$)
1.	Пол	-0,11*	-	-	-	-	-	-	-	-
2.	Пол	-0,14**	-	-	-	-	-	-	-	-
	Возраст	0,28***	-	-	-	-	-	-	-	-
3.	Пол	-0,12*	-	-	-	-	-	-	-	-
	Возраст	0,28***	-	-	-	-	-	-	-	-
	Самотношение (ЛИ)									
	Когнитивный компонент	0,03	-0,11	0,24**	0,18*	-0,07	0,04	0,31**	0,19	0,41***
	Аффективный компонент	-0,07	0,18**	-0,28**	-0,15	0,26*	-0,38***	0,04	-0,01	0,32**
	Поведенческий компонент	0,10	-0,03	0,29***	0,43***	-0,35**	0,54***	-0,21	0,25**	0,16
4.	Пол	-0,12*	-	-	-	-	-	-	-	-
	Возраст	0,24***	-	-	-	-	-	-	-	-
	Самотношение (ЛИ)									
	Когнитивный компонент	0,02	-0,17	0,23**	0,15	-0,05	0,05	0,24*	0,17	0,39***
	Аффективный компонент	-0,06	0,19**	-0,28**	-0,14	0,29**	-0,32**	-0,02	-0,03	0,30**
	Поведенческий компонент	0,10	0,02	0,31***	0,42***	-0,39***	0,41***	-0,14	0,26**	0,15
	Групповая идентичность									
	Когнитивный компонент	0,07	0,28**	-0,21*	0,03	0,01	0,43**	-0,47***	0,04	0,44***
	Аффективный компонент	0,08	-0,04	0,20*	0,25**	-0,06	0,21	0,02	-0,01	-0,11
	Поведенческий компонент	0,04	0,07	0,10	-0,033	0,30**	-0,38**	0,28**	0,06	0,08
5.	Пол	-0,14**	-	-	-	-	-	-	-	-
	Возраст	0,33***	-	-	-	-	-	-	-	-
	Самотношение (ЛИ)									
	Когнитивный компонент	0,02	-0,02	0,13*	0,15*	-0,05	0,08	0,20**	0,18	0,36***
	Аффективный компонент	-0,11*	0,20**	-0,19**	-0,13	0,04	-0,24***	-0,10	-0,06	0,22**
	Поведенческий компонент	0,15**	0,06	0,25***	0,40***	-0,13	0,28**	0,03	0,37**	0,16
	Групповая идентичность									
	Когнитивный компонент	0,04	0,16*	-0,04	-0,03	0,07	0,29**	-0,30**	0,01	0,25**
	Аффективный компонент	0,03	-0,04	0,11	0,21**	-0,08	0,13	-0,08	-0,03	0,08

	Поведенческий компонент	0,21**	0,05	0,01	-0,01	0,20**	-0,21	0,10	0,08	0,19**
	Организационная идентичность									
	Когнитивный компонент	0,33***	0,28**	0,45***	0,22**	0,16	0,36***	0,45***	0,22*	0,07
	Аффективный компонент	0,03	0,01	0,04	-0,04	0,10	-0,03	0,11	-0,15	0,04
	Поведенческий компонент	0,22**	0,10	0,20**	-0,02	0,41***	0,02	0,26**	0,03	0,35**
ΔR^2	Шаг 1	0,01*	-	-	-	-	-	-	-	-
	Шаг 2	0,08***	-	-	-	-	-	-	-	-
	Шаг 3	0,01*	0,05*	0,14***	0,24***	0,08**	0,32***	0,11*	0,12**	0,16**
	Шаг 4	0,03**	0,09**	0,05*	0,05**	0,07**	0,10**	0,15**	0,01	0,18***
	Шаг 5	0,22***	0,13***	0,29***	0,04*	0,27***	0,08**	0,30***	0,04	0,11**
	Итоговый R^2	0,35	0,23	0,48	0,32	0,42	0,45	0,56	0,17	0,45

Примечание: * уровень значимости $p < 0,05$, ** уровень значимости $p < 0,01$, *** уровень значимости $p < 0,001$